ЗАКОНЪ и ПРАВО

ВЪ

ФИЛОСОФІИ

ГОББЕСА

В. ВАЛЬДЕНБЕРГА.

37828

БИБЛІОТЕКА
Ленинград. отд. Коммунист. Академіи при ЦИК. СССР

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашевъ и К°, Фонтанка 95.
1900.

10 к

2-ая

ЭС
153

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии наук СССР

544
62

По опредѣленію юридическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета печатать разрѣшается. 15 Марта 1900 г.

Деканъ *В. Лебедевъ.*

Появленіе диссертаціи о юридической теоріи Гоббеса не можетъ показаться страннымъ тому, кто сколько-нибудь слѣдилъ за послѣдними движеніями въ наукѣ права.

Съ нѣкотораго времени между юристами все болѣе и болѣе пробуждается уваженіе къ старымъ, давно отвергнутымъ и почти забытымъ ученіямъ естественнаго права: все болѣе и болѣе находятъ въ этихъ ученіяхъ цѣнныхъ и плодотворныхъ мыслей, а нѣкоторымъ видится въ нихъ даже противовѣсъ безысходному кругу тѣхъ теорій, которыя еще недавно считались послѣднимъ словомъ науки. Насколько это возвращеніе назадъ будетъ полезно для правовѣдѣнія, покажетъ будущее. Но несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что главнѣйшее условіе успѣшности всего этого движенія лежитъ въ правильномъ пониманіи отдѣльныхъ ученій, которыя обыкновенно причисляютъ къ школѣ естественнаго права.

Установить наиболѣе согласное съ текстомъ пониманіе одной изъ знаменитыхъ теорій этой школы—такова скромная задача, которую поставилъ себѣ авторъ этого изслѣдованія. Задача эта, по преимуществу, историческаго характера, и принципіальные вопросы авторъ поднимаетъ лишь въ той мѣрѣ, какъ это нужно для наи-

болѣе полнаго, по возможности, всесторонняго освѣщенія разсматриваемой теоріи. Что же касается критики этого ученія, то авторъ счелъ болѣе цѣлесообразнымъ — не останавливаться на всѣхъ его частностяхъ, а разсмотрѣть подробнѣе лишь тѣ изъ выдвинутыхъ имъ проблемъ, которыя имѣютъ значеніе для современной науки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Анализъ ученія Гоббеса.

1.

Всякій, кто приступаетъ къ изученію государственной и правовой теоріи Гоббеса, долженъ съ удивленіемъ остановиться передъ тѣмъ фактомъ, что отношеніе этой теоріи къ школѣ естественнаго права остается до сихъ поръ не вполнѣ точно выясненнымъ. Въ литературѣ высказываются по этому вопросу совершенно противоположныя мнѣнія. Шталь и Гинрихсъ напр. безъ всякаго колебанія относятъ Гоббеса къ школѣ естественнаго права, Чичеринъ считаетъ его даже первымъ писателемъ новаго времени, «который изъ чистыхъ началъ естественнаго права развилъ полное и систематическое ученіе о государствѣ», а Іодль, хотя и видитъ возможность сомнѣній, однако легко обходитъ ихъ и разрѣшаетъ вопросъ также въ пользу упомянутаго направленія. Но на ряду съ этимъ мы встрѣчаемъ и другое мнѣніе. Еще Пуфендорфъ указывалъ на то, что Гоббесъ, подобно Гассенди, возобновилъ ученіе эпикурейцевъ и основалъ на немъ свою этическую теорію [1]); а эпикурейцы были, въ древности, той именно школой, которая наиболѣе рѣзко отрицала существованіе есте-

[1]) Сравненіе Гоббеса съ Эпикуромъ встрѣчается и у Кумберлэнда (De legibus Naturae, 1683, стр. 274).

ственной справедливости (τὸ φύσει δίκαιον). Мнѣніе это поддерживаютъ, между прочимъ, Лассонъ (System der Rechtsphilosophie, S. 88) и Бергбомъ, который — со многими оговорками — помѣщаетъ Гоббеса среди писателей, колебавшихся предъ безусловнымъ признаніемъ естественнаго права (Jurisprudenz und Rechtsphilosophie, 164).

Хотя задача настоящаго изслѣдованія — выяснить отношеніе Гоббеса только къ одному изъ понятій государственной науки, однако принадлежность писателя къ школѣ естественнаго права кладетъ (по крайней мѣрѣ, съ общепринятой точки зрѣнія) настолько яркій отпечатокъ на всѣ его воззрѣнія, настолько предопредѣляетъ его выводы, что указанное разногласіе не можетъ быть оставлено нами безъ вниманія. Нѣтъ сомнѣнія, что причина этого разногласія заключается въ самомъ текстѣ сочиненій Гоббеса, но оно въ неменьшей степени обусловливается также и скрытымъ разногласіемъ по другому вопросу: что слѣдуетъ считать существеннымъ признакомъ самой школы? А что этотъ вопросъ дѣйствительно подлежитъ еще спору, можно видѣть изъ тѣхъ отвѣтовъ, которые даютъ на него хотя бы только названные выше писатели, а еще болѣе изъ того, что многіе, считающіе себя противниками школы естественнаго права и даже написавшіе жестокую критику всего направленія (какъ напр. Шталь), сами были потомъ причислены къ ея сторонникамъ. Поэтому, чтобъ оріентироваться въ этомъ вопросѣ, недостаточно выставить какое-нибудь новое опредѣленіе естественно-правовой теоріи и сравнить съ ней теорію Гоббеса, — этимъ мы нисколько не разрѣшили-бы вопроса, но еще болѣе запутали бы его; необходимо намъ самимъ разобраться въ тѣхъ мѣстахъ сочиненій Гоббеса, которыя подали поводъ къ сомнѣніямъ.

Гоббесъ открываетъ свой трактатъ «О гражданинѣ» полемикой съ Г. Гроціемъ и Аристотелемъ.

Очень многіе изъ государствовѣдовъ, говоритъ онъ, исходятъ въ своихъ теоріяхъ изъ того положенія, что человѣкъ по своей природѣ есть существо общежительное, ζῶον πολιτικόν; но это положеніе нельзя признать правильнымъ [1]). Если бы въ человѣка уже отъ природы было вложено стремленіе къ общенію съ себѣ подобными, то всѣ одинаково любили бы другъ друга; на самомъ дѣлѣ, однихъ мы любимъ больше, другихъ меньше, третьихъ совсѣмъ не любимъ. Общество однихъ мы предпочитаемъ обществу другихъ. Значитъ, человѣкъ стремится не къ обществу вообще, какъ таковому, но всегда къ извѣстному обществу; онъ ищетъ не простого общенія только, но такого общенія, которое удовлетворяло бы опредѣленнымъ требованіямъ, соотвѣтствовало бы тѣмъ или инымъ его желаніямъ. Общеніе, слѣдовательно, не есть цѣль, но средство для достиженія цѣлей.

Взглядъ, по которому человѣкъ уже родится способнымъ къ общежитію (aptum natum ad societatem), покоится, по мнѣнію Гоббеса, на недостаточномъ, слишкомъ поверхностномъ наблюденіи. Дѣйствительно, общество существуетъ, и внѣ его

---

[1]) Eorum qui de Rebuspublicis aliquid conscripserunt, maxima pars vel supponunt, vel petunt, vel postulant, Hominem esse animal aptum natum ad Societatem, Graeci dicunt ζῶον πολιτικόν, eoque fundamento ita superaedificant doctrinam civilem, tanquam ad conservationem pacis, et totius generis humani regimen, nihil aliud opus esset, quam ut homines in pacta et conditiones quasdam, quas ipsi jam tum leges appellant, consentirent Quod Axioma, quamquam a plurimis receptum, falsum tamen; errorque à nimis levi naturae humanae contemplatione profectus est (De cive, I § 2).— Цитуется по изданію: „Elementa philosophica de cive, Auctore Thom. Hobbes Malmesburiensi Amsterodami. Apud Ludovicum et Danielem Elzevirios. A. 1657".

не живетъ никто, всѣ стремятся сойтись съ другими; но можно-ли отсюда заключать, что общество составляетъ прямое слѣдствіе человѣческой природы? Если всмотрѣться ближе въ различные случаи, когда люди сходятся вмѣстѣ, мы увидимъ, что каждый при этомъ заботится только о самомъ себѣ,—до товарищей по общенію, а тѣмъ болѣе до самого общенія никому нѣтъ дѣла [1]). Для доказательства своей мысли Гоббесъ самыми мрачными красками изображаетъ общественную жизнь. Въ коммерческой компаніи, говоритъ онъ, каждый думаетъ только о своей выгодѣ; въ общественныхъ союзахъ всѣ относятся другъ къ другу съ подозрѣніемъ, постоянно возникаютъ раздоры, и никогда не бываетъ полнаго расположенія; въ бесѣдѣ насъ привлекаетъ больше всего смѣшное, потому что, сравнивая себя съ осмѣиваемымъ, мы составляемъ о себѣ самихъ выгодное мнѣніе. Всякій охотнѣе говоритъ о самомъ себѣ, и если кто разскажетъ какой-нибудь анекдотъ или приключеніе, то сейчасъ-же и другіе спѣшатъ разсказать что-нибудь удивительное, а при случаѣ и выдумаютъ; но самое большое удовольствіе — посплетничать объ отсутствующихъ: тутъ ужь не пощадятъ ничего, вся жизнь ихъ, все, что кто-нибудь сказалъ или сдѣлалъ, будетъ разобрано, разсмотрѣно и взвѣшено. Даже въ обществѣ людей науки—тамъ, гдѣ всего меньше можно было бы ожидать вражды,—никто не хочетъ учиться, каждый хочетъ учить другихъ, каждый считаетъ себя авторитетомъ и радъ, когда можетъ доказать чужую ошибку. Гдѣ же здѣсь любовь къ общенію? Ея нѣтъ. Напротивъ, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что чело-

---

[1]) Non socios igitur, sed ab illis honore vel commodo affici, natura quaerimus; haec primario, illos secundario appetimus. Quo autem consilio homines congregentur, ex iis cognoscitur, quae faciunt congregati.—Тамъ-же.

вѣкъ въ существѣ своемъ эгоистъ, и если мы все-таки видимъ его живущимъ въ обществѣ, то это не потому, что иначе, по природѣ вещей, и не могло бы быть, но *случайно:* non ideo id fieri, quod aliter fieri natura non possit, sed ex accidente [1]).

Таковы тѣ возраженія, которыя дѣлаетъ Гоббесъ Аристотелю и его послѣдователямъ. Онъ самъ чувствуетъ, что эти возраженія могутъ быть поняты неправильно, и потому прибавляетъ: «Я не отрицаю, что люди по своей природѣ стремятся къ общенію» [2]). Но человѣческое общество не есть простое сходбище (meri congressus), въ немъ есть опредѣленный *порядокъ*, и одно дѣло—стремиться къ общенію, а другое дѣло—быть приспособленнымъ къ общественному порядку (alia res est appetere, alia sapacem esse). Эта приспособленность не существуетъ отъ природы, но дается воспитаніемъ (disciplina) [3]).

Если безъ всякаго разбора сопоставить одну съ другой всѣ приведенныя цитаты, получается картина непонятныхъ противорѣчій. Съ одной стороны: «Hominem ad societatem aptum natum non esse», съ другой: «homini per naturam.... solitudinem perpetuam molestam esse»; съ одной стороны: «ex accidente» и «disciplina», съ другой: «natura cogente appetere» и «homines omnes ex eo statu... necessitate naturae suae.... exire velle» [4]). Выходитъ, какъ будто Гоббесъ просто не понималъ, что пишетъ. На самомъ дѣлѣ противорѣчія никакого нѣтъ. Если онъ отрицаетъ общежительную природу человѣка и видитъ въ общественности лишь продуктъ воспитанія, въ

---

[1]) De cive, I § 2.

[2]) De cive, I § 2, Ann. prima.

[3]) Ad societatem ergo homo aptus, non natura, sed disciplina factus est.

[4]) De cive. Praefatio ad lectores.

самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, то вѣдь не слѣдуетъ забывать, что самъ Аристотель (а за нимъ большинство государствовѣдовъ), съ чисто политической точки зрѣнія, придавалъ воспитанію громадное значеніе, въ немъ именно видѣлъ залогъ государственнаго порядка. И однако Аристотель, не боясь противорѣчія, опредѣлялъ человѣка, какъ ζῶον πολιτικόν. И это вполнѣ понятно: никакое воспитаніе не можетъ создать новыхъ способностей, оно можетъ лишь развить то, что уже заложено въ человѣка природой. Съ другой стороны, отрицать за воспитаніемъ всякое общественное значеніе и за общественною жизнью отрицать воспитательное значеніе было бы рѣшительно невозможно. Этическія нормы, налагая на человѣка опредѣленныя обязанности и связывая съ нарушеніемъ этихъ обязанностей болѣе или менѣе тягостныя послѣдствія, тѣмъ самымъ оказываютъ на него психическое вліяніе. Онѣ заставляютъ его вдумываться въ свои поступки, пріучаютъ сообразовать ихъ не съ одними только естественными побужденіями и непосредственной пользой, но и съ объективными, предлагаемыми посторонней волей требованіями: онѣ являются однимъ изъ мотивовъ человѣческой дѣятельности. Можно быть оптимистомъ и думать, что право и нравственность все болѣе и болѣе подчиняютъ себѣ волю человѣка; можно быть противоположнаго мнѣнія, можно даже отрицать достоинство тѣхъ идеаловъ, во имя которыхъ выставляются извѣстныя нормы, можно, наконецъ, сомнѣваться въ самой необходимости вообще ограничивать волю, но нельзя серьезно говорить, что этическія нормы не оказываютъ на нее никакого вліянія. Это отрицать — значитъ отрицать дѣйствительность. Быть можетъ, цѣль права и нравственности и не заключается въ ихъ воспитательномъ вліяніи, но это вліяніе, во

всякомъ случаѣ, составляетъ ихъ побочное дѣйствіе, неотдѣлимое отъ главнаго.

Такимъ образомъ, ζῶον πολιτικόν и disciplina суть понятія, другъ друга дополняющія.

Если же Гоббесъ выступаетъ противъ перваго изъ этихъ понятій, то совсѣмъ не потому, чтобы онъ имѣлъ что-нибудь возразить въ существѣ дѣла. Ибо отрицать общественную природу человѣка и вслѣдъ затѣмъ писать изслѣдованіе о государствѣ — не о какомъ-нибудь отдѣльномъ государствѣ, случайно, ex accidente, возникшемъ, а о государствѣ вообще — значило бы впадать съ самимъ собой въ грубое противорѣчіе. Его возраженіе имѣетъ, очевидно, только формальное, методологическое значеніе; онъ отвергаетъ старую психологію способностей, старый пріемъ объясненія общества изъ особой способности человѣка къ общественной жизни, и предлагаетъ болѣе внимательно и подробно изучить генезисъ государства, не предрѣшая заранѣе такого сложнаго и запутаннаго вопроса.

Послѣ всего сказаннаго не имѣемъ-ли мы основанія думать, что съ точки зрѣнія Гоббеса естественнымъ для человѣка состояніемъ является состояніе изолированности, въ которомъ, уже въ силу этого одного, не можетъ существовать никакого права. Можно-ли думать, что Гоббесъ признавалъ такое естественное состояніе, которое исторически предшествуетъ состоянію государственности? Допустимъ это на минуту. Но сейчасъ-же оказывается, что такое допущеніе противорѣчитъ не только всей его теоріи, но и тѣмъ понятіямъ, которыя составляютъ основаніе ея. Въ самомъ дѣлѣ, если состояніе государственное, которое прямо противоположно состоянію изолированности, есть нѣчто искусственное, наносное, однимъ словомъ, противо-

естественное, то одно изъ двухъ: нужно или признать, что государство со всѣмъ своимъ правовымъ механизмомъ не въ силахъ окончательно побѣдить природу, и человѣкъ постоянно возвращается въ естественное для себя состояніе, — или нужно желать возвращенія въ это состояніе путемъ ослабленія узъ, налагаемыхъ на человѣка государствомъ [1]). Въ первомъ случаѣ нельзя было бы говорить, что «*ad societatem* homo *aptus* disciplina *factus est*», а второму выводу противорѣчитъ всѣми признаваемый абсолютизмъ Гоббесовой теоріи.

Такимъ образомъ, естественное состояніе, о которомъ говоритъ Гоббесъ, не есть какое-нибудь состояніе, по преимуществу свойственное человѣку и для него «естественное», или просто историческій фактъ: это есть условный терминъ для обозначенія абстракціи отъ наблюдаемаго нами состоянія культуры. Гоббесъ неоднократно и въ выраженіяхъ, не допускающихъ никакого сомнѣнія, настаиваетъ на необходимости примѣнять къ изслѣдованію явленій государственной жизни методъ отвлеченія. Что касается до метода, говоритъ онъ, я счелъ необходимымъ начать съ государства (a civitatis materia) и затѣмъ обратиться къ его происхожденію и формѣ и къ первому началу справедливости. Ибо изъ чего состоитъ вещь, изъ того она лучше всего и можетъ быть познана. Какъ въ часахъ или въ какомъ-нибудь другомъ механизмѣ назначеніе отдѣльныхъ частей и колесъ нельзя узнать иначе, какъ разо-

---

[1]) Отъ такого пониманія теоріи Гоббеса предостерегалъ еще Пуфендорфъ. См. De Jure N. et G. lib. II cap. III § 16: ex quo consequi credunt, *ut omnis societas humana contra naturae fuerit institutum* Таково было, между прочимъ, мнѣніе Conring'a (De civili prudentia); См. о немъ у Гинрихса, Gesch. der Rechts und Staatsprincipien I, стр. 182. Въ новой литературѣ это мнѣніе тоже не рѣдкость; см. напр. Jouffroy. Cours de droit naturel, 2-e éd., стр. 356, и др.

бравъ всѣ части и изучивъ матеріалъ, фигуру и движеніе каждой изъ нихъ, такъ точно при изслѣдованіи правъ государства и обязанностей гражданъ слѣдуетъ, конечно, не дѣйствительно разлагать государство, но разсматривать его какъ-бы въ разложенномъ состояніи» (tanquam dissoluta [1]). Государственная жизнь есть нѣчто чрезвычайно сложное; чтобъ опредѣлить, что въ ней принадлежитъ самому государству, съ нимъ именно возникаетъ и имъ поддерживается, и что существуетъ (хотя въ государствѣ), но независимо отъ него и логически раньше его,—для этого необходимо разложить государственную жизнь на ея составныя части. Противъ такого метода, въ принципѣ, ничего нельзя возразить. Онъ примѣняется во всѣхъ наукахъ, и нельзя говорить о немъ, какъ объ особенности какой-нибудь одной школы.

Совсѣмъ другое дѣло, когда поднимается вопросъ о способѣ примѣненія этого метода. Здѣсь сказывается огромное различіе между явленіями чисто физическими и явленіями общественности. Въ то время, какъ первыя допускаютъ, большей частью, и наблюденіе, и опытъ, изслѣдователь вторыхъ долженъ ограничиться однимъ наблюденіемъ. Для того, чтобъ убѣдиться, составляетъ-ли право созданіе государства, или государство находитъ его уже готовымъ, сложившимся подъ вліяніемъ какихъ-нибудь иныхъ силъ, изслѣдователь не можетъ удалить на время все дѣйствующее право и посмотрѣть, какъ потечетъ общественная жизнь безъ него. Это невозможно по самой природѣ вещей. Вмѣсто этого, вмѣсто фактическаго разложенія приходится довольствоваться логическимъ расчлененіемъ. Но здѣсь-то именно и скрывается громадная опас-

---

[1]) De cive Praefatio.

ность. Она состоитъ въ томъ, что при этомъ расчлененіи очень легко подчиниться вліянію предвзятыхъ мыслей, и при отвлеченіи одного какого-нибудь элемента явленія отвлечь вмѣстѣ съ нимъ и другіе элементы, связь которыхъ съ первымъ подлежитъ еще доказательству.

Главнѣйшая, если не единственная, задача всей правовой философіи Гоббеса заключается въ разъясненіи значенія закона для государственной жизни; для выполненія этой задачи онъ необходимо долженъ былъ отправляться отъ государства, какъ цѣлаго, къ закону, какъ части его, и поэтому естественно возникаетъ вопросъ: что сдѣлалъ онъ, чтобъ избѣжать указанной опасности или, по крайней мѣрѣ, насколько возможно, обезпечить себя отъ ея послѣдствій?

Вопросомъ этимъ изслѣдователи Гоббеса совсѣмъ не занимаются. Они вообще слишкомъ мало интересуются его методомъ; между тѣмъ здѣсь именно лежитъ корень правильнаго пониманія всей его доктрины. Гоббесъ строго различаетъ методъ изслѣдованія и порядокъ изложенія (ordo orationis) [1]).

Его методъ изслѣдованія строго аналитическій, его методъ изложенія съ начала до конца синтетиченъ.

Благодаря такой раздвоенности, получается возможность постоянно провѣрять, шагъ за шагомъ, весь ходъ изслѣдованія, ибо выводы изъ отвлеченныхъ уже элементовъ должны всегда соотвѣтствовать тому, что заключается въ цѣломъ явленіи. Гоббесъ скрылъ отъ своего читателя всю продѣланную имъ работу отвлеченія, онъ не показываетъ намъ, какимъ образомъ онъ отдѣлилъ государство отъ общества и полу-

---

[1]) De cive. Praefatio.—Въ другихъ сочиненіяхъ—methodus demonstrandi въ отличіе отъ methodus investigandi.

чилъ въ остаткѣ жизнь человѣка внѣ права, — то состояніе, которое онъ условно называетъ состояніемъ чистой природы— status mere naturalis [1]). Онъ начинаетъ свое изложеніе прямо съ описанія этого остатка: «Naturae humanae facultates ad quatuor genera reduci possunt, vim corpoream, experientiam, rationem, affectum» [2]). Затѣмъ онъ показываетъ, каковы должны быть взаимныя отношенія людей, обладающихъ только этими «естественными способностями», разсматриваетъ, возможенъ-ли между ними, и при какихъ условіяхъ, мирный общественный порядокъ, и потомъ, перейдя къ государству, изслѣдуетъ его начало, жизнь и разложеніе. Но все это лишь порядокъ изложенія. Показывая своему читателю путь отъ человѣка къ государству, Гоббесъ самъ уже прошелъ обратный путь отъ государства къ человѣку. Принимаясь за свое изложеніе, онъ очень хорошо знаетъ, какъ и куда онъ придетъ. Это придаетъ всему ученію такой видъ, какъ будто онъ дѣйствительно изъ указанныхъ имъ четырехъ свойствъ человѣческой природы выводитъ весь государственный порядокъ. Но насъ не должна смущать манера его изложенія. Мы не можемъ признать вмѣстѣ съ Чичеринымъ, что Гоббесъ изъ чистыхъ началъ естественнаго права «*развилъ* полное и систематическое ученіе о государствѣ» [3]); еще менѣе мы можемъ согласиться съ Іодлемъ, что онъ не только анализировалъ то, что есть, но въ то же время «конструировалъ юридически то, что должно

[1]) De cive, I § 10. Ср. Praefatio: quam conditionem *appellare liceat* statum naturae.

[2]) De cive, I § 1. Далѣе читаемъ: Ab his sequentis doctrinae initium capientes, dicemus primo loco, quid animi habeant homines illis facultatibus praediti, alteri adversus alteros. et an, et qua facultate, apti nati sint ad societatem, et ad conservandum se adversus mutuam vim: deinde progredientes, quid consilii in eam rem necessario capiendum fuit, et quae sint societatis sive pacis humanae conditiones...

[3]) Б. Чичеринъ Исторія политическихъ ученій, т. II, стр. 22.

быть» [1]). Гоббесъ никогда не ставилъ себѣ задачей построеніе идеала. Если даже принять въ разсчетъ его политическія тенденціи (которымъ, къ слову сказать, придаютъ слишкомъ много значенія), то и онѣ могли только повліять на оцѣнку дѣйствительности, но не направить его мысли на созданіе какого бы то ни было отвлеченно-идеальнаго строя; ему не нужно было предлагать своимъ современникамъ какую-нибудь утопію, но лишь указать на сравнительныя выгоды и невыгоды того, что у всѣхъ было передъ глазами. Кромѣ того, самъ Гоббесъ признаетъ эту часть своей работы наименѣе удавшеюся [2]) и, что важнѣе всего, совершенно ясно указываетъ на принципіальный характеръ всего своего изслѣдованія: ne quicquam disserem de cuiuscunque civitatis legibus speciatim, id est, ne quae sint, sed quid sint leges, dicerem [3]). Но и принципіальное изслѣдованіе дѣйствительности имѣетъ у него лишь видимость дедуктивнаго построенія, на самомъ дѣлѣ оно индуктивно [4]).

Соображенія эти подкрѣпляются тѣмъ, что Гоббесъ говоритъ о методахъ изслѣдованія и изложенія въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Въ De Corpore говорится, что всякій методъ, которымъ мы изслѣдуемъ причины вещей, можетъ со-

---

[1]) Іодль. Исторія этики въ новой философіи, т I, стр. 84. Ср. стр. 86: «едва-ли, однако, будетъ ошибкой смотрѣть на его ученіе о войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, какъ на результатъ несовершенной *индукціи*...»

[2]) De cive. Praefatio: quam rem unam in hoc libro non demonstratam. sed probabiliter positam esse confiteor.

[3]) Тамъ-же. Ср. также De cive, XIII § 1 sub fine.

[4]) Считаю нужнымъ еще разъ сослаться на соотвѣтствующее мѣсто предисловія: Quod attinet ad methodum, *non orationis ordinem*, quamquam conspicuus ille sit, solum sufficere, sed *a civitatis materia incipiendum*, deinde ad generationem et formam ejus, et justitiae originem primam, progrediendum esse existimavi. Nam ex quibus rebus quaeque res constituitur, ex iisdem etiam optime cognoscitur.

стоять или въ соединеніи, или въ разложеніи, и первый методъ обыкновенно называютъ аналитическимъ, а второй синтетическимъ [1]). О методѣ же изложенія Гоббесъ высказывается въ слѣдующемъ смыслѣ. Такъ какъ учить значитъ вести ученика по слѣдамъ своего открытія и привести его къ познанію найденныхъ истинъ, то *методъ доказательства* (methodus demonstrandi) долженъ былъ бы совпадать съ методомъ *изслѣдованія* (investigandi), если бы не нужно было пропускать весь путь отъ ощущенія отдѣльныхъ вещей къ общимъ принципамъ. Эти принципы не могутъ быть доказаны, они нуждаются только въ объясненіи, но не въ доказательствѣ. Поэтому, методъ *доказательства всегда синтетиченъ*, и изложеніе всегда начинается съ первыхъ, самыхъ общихъ и самоочевидныхъ началъ. Въ другомъ мѣстѣ Гоббесъ, не придавая синтетическому методу изложенія такого общаго значенія, говоритъ только, что политика и этика, т. е. науки о справедливомъ и несправедливомъ могутъ быть

---

[1]) Principia itaque scientiae omnium prima sunt phantasmata sensus et imaginationis, quae quidem cognoscimus naturaliter quod sunt; quare autem sunt, seu a quibus proficiscuntur causis cognoscere ratiocinatione opus est, quae consistit... in compositione et divisione sive resolutione. Itaque omnis methodus per quam causas rerum investigamus vel compositiva est, vel resolutiva, vel partim compositiva, partim resolutiva. Et resolutiva quidem *analytica*; compositiva autem *synthetica* appellari solet.—De corpore, cap. VI (изд. Molesworth'a, стр. 59).

[2]) De corpore, cap. VI, 12: Quoniam autem docere aliud non est praeterquam per propriae inventionis vestigia animum illius qui docendus est ad inventorum cognitionem perducere, eadem erit *methodus demonstrandi* quae fuerat *investigandi*, nisi quod pars methodi prior nempe quae procedebat a sensu rerum ad principia universalia omittenda sit. Illa enim, cum sint principia, demonstrari non possunt, et cum sint nota naturae, ... explicatione quidem egent, demonstratione non item. *Tota igitur demonstrandi methodus synthetica est*, consistens in orationis ordine incipientis a propositionibus primis sive universalissimis per se intellectis, et per propositionum in syllogismos perpetuam compositionem procedentis, donec a discente intellecta sit conclusionis quaesitae veritas.

построены на однихъ доказательствахъ a priori [1]). Что же касается *изслѣдованія* вопросовъ о правѣ и государствѣ, то, по мнѣнію Гоббеса, оно можетъ идти и путемъ синтеза, и путемъ анализа. Въ первомъ случаѣ, изслѣдователь отправляется отъ первыхъ началъ философіи къ изученію аффектовъ, изъ природы ихъ выводитъ причины и необходимость образованія государства, открываетъ существованіе естественнаго права и гражданскихъ обязанностей и опредѣляетъ права государства; но возможенъ и обратный путь (анализъ): можно исходить изъ совершенно частнаго вопроса, справедливо-ли данное дѣйствіе, или несправедливо, и разложить понятіе «несправедливаго» на *дѣйствіе* и *противозаконность*, затѣмъ обратиться къ изученію природы закона и существа власти, которая его издаетъ, и, наконецъ, придти къ выводу, что наклонности и душевныя движенія людей таковы, что они жили бы въ постоянной взаимной враждѣ, если бы ихъ не сдерживала какая-нибудь власть [2]).

---

[1]) De homine, cap. X, 5: Praeterea politica et ethica, id est scientia justi et injusti, aequi et iniqui, demonstrari a priore potest...

[2]) De corpore, cap. VI, 7: non solum ii, qui *methodo synthetica* a primis philosophiae principiis ad sententiam cupiditatum, perturbationumque animorum semel pervenerit (опечатка: pervenerint?), progrediendo eadem via incident in causas et necessitatem constituendarum civitatum, scientiamque acquirent juris naturalis officiorumque civilium, et in omni genere civitatis, quod juris ipsi debetur civitati, et caetera, quae philosophiae civilis propria sunt, propterea quod principia politicae constant ex cognitione motuum animorum, cognitio autem motuum animorum ex scientia sensuum et cogitationum, sed etiam illi qui priorem partem philosophiae nimirum geometriam et physicam non didicere, ad principia tamen philosophiae civilis *methodo analytica* pervenire possunt. Nam proposita quaestione qualibet, ut, an actio talis justa an injusta sit, resolvendo illud injustum in factum et contra leges, et notionem illam legis in mandatum ejus qui coërcere potest, et potentiam illam in voluntatem hominum pacis causa talem potentiam constituentium, pervenietur tandem ad hoc quod tales sunt hominum appetitus et motus animorum ut nisi sint a potentia aliqua coerciti, bello se invicem persecuturi sint, id quod *per* uniuscujusque proprium animum examinantis *experientiam* cognosci potest.

Изъ этихъ словъ можно вывести только то, что къ изслѣдованію юридическихъ и политическихъ вопросовъ Гоббесъ считалъ возможнымъ примѣнять и аналитическій, и синтетическій методъ. Но еще не видно, какимъ путемъ пошелъ онъ самъ. Однако то, что онъ выбралъ именно первый изъ этихъ путей, доказывается двумя сопоставленіями.

1) Въ приведенной только что цитатѣ изъ De Corpore, cap. VI, 7, говорится, что аналитическимъ методомъ въ гражданской философіи пользуются тѣ, кто не изучилъ предварительно первой части философіи, т. е. геометріи и физики; а Гоббесъ именно прежде всѣхъ другихъ частей своей философіи написалъ трактатъ «О Гражданинѣ» (1642—1647) и потомъ уже только, черезъ нѣсколько лѣтъ — двѣ первыя части: «De Corpore» (1655) и «De Homine» (1658) [1]).

2) Въ Epistola dedicatoria къ трактату De Homine Гоббесъ прямо заявляетъ, что весь второй отдѣлъ этого трактата, въ которомъ человѣкъ разсматривается, какъ часть политическаго тѣла, построенъ на опытѣ [2]); а этотъ отдѣлъ коротко излагаетъ то, что составляетъ содержаніе De Cive.

Такимъ образомъ, очевидно, что методъ изслѣдованія не тождественъ у него съ методомъ изложенія, и это имѣетъ огромное значеніе для оцѣнки его теоріи, и при томъ двоякое. Во-первыхъ, такъ какъ самые послѣдніе выводы должны дать то, съ чего началось (не изложеніе, а) изслѣдованіе,

---

[1]) Къ тому-же Гоббесъ считалъ себя основателемъ philosophiae civilis (см. Epistola dedicatoria къ De corpore).

[2]) Contigit autem sectioni huic, ut duae partes, ex quibus constat sint inter se dissimillimae. Est enim altera difficillima, altera facillima; altera demonstrationibus, *altera experientia constans,* altera a paucis, altera ab omnibus intelligi potest. . . . . Homo enim non modo corpus naturale est, sed etiam civitatis, id est (ut ita loquar) *corporis politici pars.*—Въ послѣднихъ главахъ говорится De affectibus, De ingeniis et moribus, De religione, De homine fictitio sive de Persona.

т. е., въ данномъ случаѣ, государство въ его полнотѣ, то всѣ встрѣчающіяся логическія ошибки мы должны стараться объяснить сначала, какъ ошибки не въ видимой дедукціи, а въ предшествующемъ ей (и скрытомъ отъ насъ) индуктивномъ анализѣ; иными словами: каждую мысль мы должны свѣрять не только съ исходнымъ, но и съ конечнымъ пунктомъ изслѣдованія. Ибо «путь сверху внизъ и снизу вверхъ одинъ и тотъ же». Во-вторыхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда высказываемая имъ мысль не вытекаетъ изъ принятыхъ имъ началъ и обусловливается явнымъ или молчаливымъ привнесеніемъ новой посылки, мы не должны, какъ это дѣлаетъ критика дедуктивно-метафизическихъ системъ, относиться къ ней съ подозрѣніемъ, отвергать ее только потому, что она не «выведена», и сейчасъ же заключать отсюда, что въ ней есть противорѣчіе. Мы должны только выяснить себѣ: 1) насколько высказываемая мысль необходима въ данномъ мѣстѣ, 2) дѣйствительно-ли она не можетъ быть слѣдствіемъ принятыхъ началъ и 3) необходимо-ли привнесеніе именно даннаго новаго начала. Если на всѣ эти вопросы получатся благопріятные отвѣты, останется только провѣрить, совмѣстимо-ли данное начало съ той дѣйствительностью, изученіе которой составляетъ задачу всего труда. Однимъ словомъ, мы должны постоянно помнить, что цѣль Гоббеса не «вывести», а объяснить [1]).

[1]) Примѣръ неправильнаго отношенія къ Гоббесу даетъ Н. Хлѣбниковъ. «Право и государство въ ихъ обоюдныхъ отношеніяхъ», 1874. На стр. 16. напр. онъ говоритъ: «Результатъ этихъ основаній отразился на государствѣ Гоббеса; отсутствіе опредѣлительности въ его правѣ, отсутствіе обязательности въ его морали *онъ долженъ былъ дополнить, дозволяя* абсолютной государственной власти дать опредѣленность его праву и обязательность его морали». Точно также поступаетъ и Шталь (Die Philosophie des Rechts, 4. Aufl. 1870, Bd. I); на стр. 179 онъ пишетъ: «Zu diesem Resultat kommt Hobbes zunachst *schon aus Folgerichtigkeit*: Die In-

Таковы требованія, которыя налагаетъ на насъ изученіе его теоріи со стороны методологической [1]).

2.

Итакъ, изслѣдованіе природы и происхожденія закона, какъ источника права, идетъ у Гоббеса путемъ анализа. Онъ выдѣляетъ изъ людскихъ отношеній все, что внесло въ нихъ государство, и въ результатѣ получаетъ жизнь человѣка внѣ государства. Какимъ образомъ онъ это дѣлаетъ? Чтобы выдѣлить изъ общества всѣ элементы, принадлежащіе собственно государству, необходимо уже имѣть о немъ полное и отчетливое понятіе. Но Гоббесъ ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ не опредѣляетъ понятія государства, какъ это дѣлаетъ современная наука. Однако для цѣлей анализа полное опредѣленіе и не нужно; можно сказать даже, что оно было бы вредно:

haltlosigkeit der socialen Verhaltnisse, von welcher hier ausgegangen wird, die Entkleidung derselben von ihren sittlichen Ideen, *um* sie rein auf menschlichen Willen zu grunden, *muss* zur unumschränkten Gewalt des vereinigten menschlichen Willens fuhren». Какъ будто Гоббесъ былъ какой-то обманщикъ, который неизвѣстно почему рѣшилъ смотрѣть на право такъ, а не иначе, и хотѣлъ, во что бы то ни стало, изъ принятыхъ имъ началъ «построить» государство, хотя бы эта постройка нисколько не походила на дѣйствительность! Но это ему не удалось: «онъ долженъ былъ дополнить свои начала»! Нечего и говорить, что такая критика бьетъ мимо цѣли; съ указанной въ текстѣ точки зрѣнія слѣдовало бы, прежде всего, рѣшить, насколько правильно Гоббесово пониманіе государства и, если оно неправильно, этой-то неправильностью или ошибкою въ расчлененіи понятія слѣдовало бы объяснить его невѣрное пониманіе права и соціальныхъ отношеній (Шталь). Этого никто не дѣлаетъ, и потому теорія Гоббеса почти повсюду является въ извращенномъ видѣ.

[1]) Изложенная здѣсь вкратцѣ методологія философіи права Гоббеса не можетъ, конечно, разсчитывать на полную достовѣрность, какъ потому, что свѣдѣнія, которыя онъ намъ даетъ на этотъ счетъ, все-таки довольно скудны и отрывочны, такъ и потому, что ни одинъ, даже самый добросовѣстный изслѣдователь не можетъ относиться одинаково сознательно къ методологической сторонѣ всѣхъ частей своей работы. Мнѣ кажется, однако, что съ указанной точки зрѣнія теорія Гоббеса объясняется легче и полнѣе, чѣмъ съ обычной.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР

БИБЛИОТЕКА Научная

такое синтетически построенное опредѣленіе государства, конечно, заключало бы въ себѣ также указаніе на отношеніе государства къ праву, а это указаніе предопредѣлило бы собой направленіе анализа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшеніе всего вопроса. Для поставленной цѣли можно и слѣдуетъ удовольствоваться простымъ обозначеніемъ государства, т. е. указаніемъ на самый существенный его признакъ. Гоббесъ такъ и поступаетъ. Онъ выставляетъ такой признакъ государства, который, не смотря на постоянную смѣну школъ и направленій государственной науки, никогда не былъ серьезно отрицаемъ, и который важенъ въ данномъ случаѣ тѣмъ, что не имѣетъ вовсе юридическаго характера. Этотъ признакъ есть *властвованіе,* которое Гоббесъ опредѣляетъ въ словахъ «common power» [1]). Поэтому, жизнь человѣка внѣ государства есть для него жизнь внѣ подчиненія общей власти. Посмотримъ, какъ онъ эту жизнь изображаетъ.

Естественныя способности людей, тѣлесныя и душевныя, распредѣлены между ними такъ, что силы ихъ, въ общемъ, одинаковы. Если съ точки зрѣнія физической силы есть сильнѣйшіе и слабѣйшіе, то нѣтъ ни одного настолько слабаго, чтобы онъ не могъ уничтожить другого при помощи хитрости. А людей, которые могутъ причинить другъ другу величайшее зло — отнять жизнь, конечно, слѣдуетъ признать равными по силѣ [2]). Но въ умственныхъ способностяхъ еще меньше раз-

[1]) Hereby it is manifest, that during the time men live *without a common power* to keep them all in awe, they are in that condition which is called war (Lev., стр. 65. Цитуется по изданію Morley's Universal library, fourth ed., 1894). Въ «De cive» (c. I § 10) выставляется, правда, юридическій признакъ ест. состоянія: «in statu mere naturali, sive antequam homines ullis pactis sese invicem obstrinxissent», но это дѣлается послѣ того, какъ уже было нѣсколько выяснено дѣйствіе права въ этомъ состояніи. Впрочемъ, ср. конецъ § 14 той-же главы.

[2]) De cive I, § 3: Aequales sunt, qui aequalia contra se invicem possunt. At qui maxima possunt, nimirum occidere, aequalia possunt.

личія, потому что въ человѣческомъ знаніи нѣтъ никакихъ прирожденныхъ элементовъ: оно цѣликомъ и насквозь есть произведеніе опыта [1]). Лучшее доказательство этого равенства можно видѣть въ томъ, что каждый себя считаетъ умнѣйшимъ. Равенство людей неоспоримо. Отсюда у всѣхъ возникаетъ одинаковая надежда на достиженіе своихъ цѣлей. И если двое желаютъ одной и той же вещи, которою они не могутъ обладать вмѣстѣ, они становятся врагами. Но всѣ люди стремятся къ одной цѣли, всѣ хотятъ быть счастливыми; поэтому всѣ хотятъ обезпечить себѣ средства для благополучной жизни, а средства эти для всѣхъ людей приблизительно одинаковы [2]). Поэтому, всѣ люди враги. Всякій, кто сѣетъ, сажаетъ, строитъ или завладѣваетъ подходящимъ для себя мѣстомъ, можетъ ожидать, что придутъ другіе и соединенными силами лишатъ его владѣнія, отнимутъ у него не только плоды его трудовъ, но и его свободу и самую жизнь. И побѣдители будутъ находиться въ той же опасности. Но, кромѣ того, такъ какъ всегда найдутся люди, которые станутъ употреблять свою силу не только въ цѣляхъ самосохраненія, но просто чтобъ показать свою власть, и такъ какъ защищаться гораздо труднѣе, чѣмъ нападать, то и всякій долженъ будетъ пользоваться силой больше, чѣмъ того требуетъ его благосостояніе: всякій будетъ нападать, чтобы предупредить чужое нападеніе. Не много помогаетъ дѣлу, если нѣсколько лицъ соединяются вмѣстѣ для защиты общихъ интересовъ. Во всякомъ такомъ союзѣ скоро возникаютъ раздоры, потому что каждый хочетъ, чтобы товарищи цѣнили

---

[1]) Leviathan or the matter, form and power of a commonwealth, ecclesiastical and civil, pag. 63.

[2]) Lev. ch. XI, стр. 52—53.

его не ниже, чѣмъ онъ самъ себя цѣнитъ, и если этого нѣтъ, онъ или старается показать свое превосходство надъ другими, или самъ начинаетъ относиться съ презрѣніемъ и пренебреженіемъ къ своимъ недоброжелателямъ. Такимъ образомъ въ природѣ человѣка мы находимъ три главныя причины, обусловливающія собою взаимную вражду; это—соперничество, недовѣріе и честолюбіе (competition, diffidence, glory). Страсти эти заставляютъ человѣка употреблять свою силу для подчиненія себѣ другихъ людей и животныхъ, для защиты владѣнія и для поддержанія своей репутаціи.

Отсюда ясно, что состояніе, въ которомъ люди находятся по своей природѣ [1]), есть состояніе войны, и притомъ—войны всѣхъ противъ всѣхъ. Ибо именемъ «войны» мы обозначаемъ именно то время, когда всѣмъ хорошо извѣстно намѣреніе каждой изъ сторонъ силой оспаривать у противника принадлежащія ему блага. Въ такомъ состояніи не можетъ быть ни земледѣлія, ни промышленности, ни мореплаванія, ни архитектуры, ни наукъ, ни искусствъ; господствуетъ постоянный страхъ, всѣмъ угрожаетъ опасность насильственной смерти. Человѣкъ кое-какъ влачитъ свою короткую, бѣдную, грязную, животную жизнь.

Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ «Левіаѳана», мы встрѣчаемся съ тѣмъ самымъ вопросомъ, который уже раньше обратилъ на себя наше вниманіе. Есть-ли это состояніе нѣчто реальное, нѣчто исторически бывшее, нѣкоторая стадія въ развитіи человѣчества? Гоббесъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ отрицаніемъ [2]).

---

[1]) Condition, which man by mere nature is actually placed in. Lev., стр. 65.

[2]) Повидимому, такъ понимаетъ ученіе Гоббеса и послѣдній по времени изслѣдователь исторіи естественнаго права—Haring См. его Rechts- und Gesetzesbegriff in der katholischen Ethik und modernen Jurisprudenz, 1899, стр. 55.

Я увѣренъ, говоритъ онъ, что такого состоянія войны, какъ общаго для всѣхъ людей (generally, over all the world), никогда не было [1]). Но, прибавляетъ онъ при этомъ, есть много мѣстъ, гдѣ и теперь еще живутъ такъ: дикари въ Америкѣ живутъ именно такой грубой, животной жизнью, которую я описалъ».

Эти американскіе дикари, какъ и, столѣтіе спустя, дикари Лузіаны у Монтескье, очевидно, представляли для Гоббеса нѣкоторое олицетвореніе полной безкультурности. Въ его время, когда бытъ жителей Америки совсѣмъ еще не былъ достаточно изученъ, онъ могъ представляться только какимъ-то отрицаніемъ современнаго, всѣмъ извѣстнаго европейски-гражданственнаго порядка [2]). Это — нѣчто фантастическое, какой-то

---

[1]) Lev. стр. 65. Ср. нѣсколько строкъ ниже «But though there *had never been any time*, wherein particular men were in a condition of war one against another»...

[2]) Указанія на старую литературу по этнографіи Америки можно найти у *Harisse*. Bibliotheca Americana vetustissima, 1866—72, и у *Leclerc*. Bibliotheca Americana, 1867—78.—Сочиненій, въ которыхъ бы описывался бытъ американскихъ дикарей, въ XVI и XVII столѣтіяхъ вышло, сравнительно, немного. Въ виду полной невозможности установить, что именно читалъ Гоббесъ по этому вопросу, приходится обратиться къ сочиненіямъ наиболѣе распространеннымъ, наиболѣе читавшимся, выдержавшимъ значительное число изданій. А въ этихъ сочиненіяхъ объ общественномъ бытѣ американскихъ дикарей или говорится въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, или этотъ бытъ изображается уже довольно развитымъ, во всякомъ случаѣ—далеко не совпадающимъ съ состояніемъ всеобщей войны. См. напр. *F Cortesius*. De insulis nuper inventis, 1532, *Maffei* (è soc. Iesu). Historiarum Indicarum libri XVI, 1589; *Ens*. Indiae occidentalis historia, in qua prima regionum istarum detectio, situs, incolarum mores..... explicantur, 1612 (особенно lib. I и III); *Acosta* Histoire naturelle et morale des Indes tant orientales, qu'occidentales, 1616 (особенно стр. 274—300). О любопытномъ сочиненіи *Гаримберто* (Problemi naturali. Venez. 1549), которое мнѣ не удалось видѣть самому, Harisse говоритъ, что, по мнѣнію автора, «many laws and customs (американцевъ) were found similar to those of the Old World». Нельзя упускать изъ виду еще и того, что всѣ сочиненія этого рода имѣютъ общую тенденцію—представить бытъ дикарей, какъ можно болѣе, грубымъ, чтобы показать значеніе и успѣхи католической проповѣди. Акоста говоритъ даже въ своемъ предисловіи: «l'intention de

полумиѣ и, какъ таковой, онъ, конечно, не могъ дать эмпирическаго подтвержденія теоріи. Вотъ почему Гоббесъ гораздо подробнѣе останавливается на доказательствахъ психологическаго характера. «Человѣку, говоритъ онъ, который недостаточно взвѣсилъ все это, можетъ показаться страннымъ, чтобы природа положила между людьми такую рознь и сдѣлала ихъ способными къ взаимнымъ нападеніямъ и убійствамъ; не довѣряя выводу (inference), сдѣланному изъ природы страстей, онъ можетъ пожелать, чтобъ это было подтверждено опытомъ. Пусть онъ тогда вспомнитъ, какъ, отправляясь въ путешествіе, онъ запасается оружіемъ и ищетъ надежныхъ попутчиковъ, идя спать, запираетъ двери, и даже въ своемъ домѣ запираетъ сундуки; и все это—зная, что есть законы и вооруженная стража, готовая отмстить всякую несправедливость, ему сдѣланную. Какого же онъ мнѣнія о своихъ согражданахъ, когда онъ ѣздитъ вооруженнымъ и запираетъ свои двери,—о своихъ дѣтяхъ и слугахъ, когда запираетъ сундуки? Не обвиняетъ-ли онъ человѣчество своими дѣйствіями такъ же, какъ я—моими словами?» [1]).

Это психологическое доказательство имѣетъ для насъ огромное значеніе. Оно показываетъ намъ, что и вопросъ о происхожденіи права долженъ, съ точки зрѣнія Гоббеса, получить также психологическую, а никакъ не историческую постановку. Здѣсь будетъ, пожалуй, не совсѣмъ умѣстно говорить о томъ, можетъ-ли историческая наука при помощи ей собственно принадлежащихъ методовъ опредѣлить моментъ воз-

---

ce travail est afin, qu'ayant cognoissance des coustumes et choses des Indiens, l'on leur ayde plus facilement à suivre et perseverer en la haute vocation du S. Evangile»...—Ср. *О. Пешель.* «Исторія эпохи открытій», русск. пер. М. 1885, стр. 124—141, 365—370, и др.

[1]) Тамъ же.

никновенія права—тотъ моментъ, когда право переходитъ изъ небытія въ бытіе, и не сводится-ли задача исторіи, по необходимости, лишь къ изученію развитія уже возникшаго права; для насъ важно установить только то, что Гоббесъ долженъ былъ отвергнуть историческую постановку этого вопроса просто потому, что и состояніе до-правовое не могло у него быть доказано тѣми средствами, которыми располагаетъ исторія. Поэтому и состояніе это есть также фактъ не историческій, а психологическій; вмѣстѣ съ тѣмъ и критика этого состоянія должна имѣть тоже психологическій характеръ. Поэтому мы не будемъ останавливаться на томъ, насколько изображенное имъ естественное состояніе вытекаетъ изъ основныхъ началъ его философіи, изложенныхъ въ «De corpore» и въ первыхъ главахъ «Левіаѳана»,—а тѣмъ болѣе на томъ, насколько правильны самыя эти начала. Достаточно, что факты, на которые опирается его анализъ до-правовой жизни, подмѣчены имъ правильно и, въ общемъ, правильно поняты. Мы, дѣйствительно, живя въ государствѣ, т. е. подъ дѣйствіемъ общей и сильной власти (а это, какъ я указалъ, есть для Гоббеса существеннѣйшій признакъ государства), не совсѣмъ довѣряемъ ея воспитательному и сдерживающему вліянію на волю, мы постоянно бываемъ склонны ожидать, что человѣкъ сброситъ съ себя оковы, наложенныя на него цивилизаціей, и проявитъ свою «злую волю». И опытъ слишкомъ часто показываетъ, что наши опасенія не напрасны. Даже прибѣгая къ узаконеннымъ средствамъ въ борьбѣ за свои интересы, мы стараемся занять ту позицію, которая намъ наиболѣе выгодна,— намъ не все равно, быть-ли отвѣтчикомъ, или истцомъ. Словомъ, какъ естественное свойство, эгоизмъ такъ же присущъ человѣку, какъ и не менѣе «естественное»

для него (хоть и въ другомъ смыслѣ) этическое начало. Правда, что при всемъ томъ картина естественнаго состоянія, которую предлагаетъ намъ Гоббесъ, можетъ показаться слишкомъ яркой, штрихи—слишкомъ рѣзкими, и краски—слишкомъ густыми. Но собственно разрѣшенію главной задачи (происхожденіе права) это нисколько не можетъ повредить. Напротивъ, преувеличивая мрачность естественнаго состоянія, Гоббесъ этимъ самымъ ставитъ себя въ болѣе трудное положеніе.

Дѣло въ томъ, что, разсуждая о происхожденіи права, онъ отдѣлялъ собственно психологическую постановку этого вопроса отъ постановки гносеологической. Психологически, это есть вопросъ о томъ, какъ возникаетъ въ нашемъ сознаніи идея права, и съ какими другими идеями она связывается; гносеологически, — какъ эта идея можетъ быть правильно обоснована [1]).

Человѣкъ живетъ не однимъ разсудкомъ, и не всѣ процессы сознанія одинаково подчиняются логическимъ законамъ. У насъ есть идеи, оказывающія постоянно вліяніе на всю нашу душевную жизнь, подчиняющія себѣ и волю, и чувство; онѣ находятся въ несомнѣнной связи со многими другими идеями, но ни изъ одной изъ нихъ не могутъ быть логически выведены. Къ числу такихъ идей относится идея нормы, или долженствованія, которая составляетъ существенный признакъ понятія права. Норма есть то, что должно быть. Откуда бе-

[1]) Считаю нужнымъ оговориться, что терминъ *гносеологія* я употребляю здѣсь въ самомъ широкомъ смыслѣ, разумѣя подъ нимъ, какъ науку о формахъ и законахъ мышленія (логика), такъ и науку объ условіяхъ и предпосылкахъ познанія (гносеологія въ узкомъ смыслѣ). Такое пониманіе этого термина находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что слово *психологическій* уже заключаетъ въ себѣ слово *логическій*, и потому при словесномъ сопоставленіи оба эти термина не могутъ служить для обозначенія понятій противоположныхъ. А мнѣ необходимо подчеркнуть противоположность двухъ точекъ зрѣнія.

рется эта идея? Кругомъ насъ только факты и факты, а изъ бытія нельзя вывести долженствованія; изъ того, что есть, никакъ нельзя узнать то, что должно быть. Это логически невозможно. Изъ бытія слѣдуетъ опять только бытіе. И всѣ этическія системы (если только подъ нравственностью онѣ разумѣютъ нѣчто, налагающее на человѣка обязанности) грѣшатъ какъ разъ противъ этого. Такъ или иначе, болѣе или менѣе скрыто онѣ выводятъ нравственныя заповѣди изъ факта. Но ни одинъ изъ выставленныхъ когда-либо нравственныхъ принциповъ — ни міровая гармонія, ни чувство симпатіи, ни стремленіе къ счастью, ни совѣсть не могутъ служить логическимъ основаніемъ обязанности. Изъ того, что существуетъ въ мірѣ гармонія, слѣдуетъ-ли, что мы ей должны способствовать? изъ того, что къ нашимъ поступкамъ относятся съ симпатіей, слѣдуетъ-ли, что мы должны продолжать свою дѣятельность? изъ того, что мы стремимся къ счастью, слѣдуетъ-ли, что мы и должны къ нему стремиться? изъ того, что совѣсть возмущается, слѣдуетъ-ли, что мы должны слушаться ея голоса? Нѣтъ, логически этого не слѣдуетъ. Если гармонія существуетъ, незачѣмъ ей еще способствовать; если намъ симпатизируютъ, это не значитъ еще, что наши поступки сами по себѣ хороши; если мы по своей природѣ стремимся къ счастью, нельзя сказать, что мы еще и обязаны къ нему стремиться; если совѣсть возвышаетъ свой голосъ, еще не видно, что мы должны слѣдовать ему больше, чѣмъ голосу страстей. Все это факты, которые сами еще подлежатъ оцѣнкѣ, а потому не могутъ служить основаніемъ для оцѣнки нашей дѣятельности. Изъ бытія этихъ фактовъ никакъ не слѣдуетъ долженствованія нашихъ поступковъ. И, однако, идея долга, идея нравственной (или, вообще, этической) обязанности сама

есть неподлежащій никакому сомнѣнію фактъ сознанія. Поэтому, если эта идея находится въ какой бы то ни было связи съ другими идеями, необходимо признать, что эта связь не есть связь логическая, т. е. что, переходя къ идеѣ нормы отъ всякой другой идеи, мы допускаемъ логическую непослѣдовательность. Вотъ эту-то раздвоенность сознанія нужно имѣть въ виду при изслѣдованіи природы этической нормы и прямо, безъ предварительной провѣрки, не отождествлять ея генезиса съ ея логической обоснованностью.

Разумѣется, нельзя требовать отъ философа XVII вѣка такой точности въ методахъ, какая и для современной науки составляетъ только pium desiderium. Но несомнѣнно, что у Гоббеса можно найти слѣды, и довольно ясные слѣды, указаннаго различенія, и вотъ почему я говорю, что преувеличенная мрачность естественнаго состоянія могла только затруднить для него проведеніе психологическаго анализа и нисколько не могла повліять на правильность анализа логическаго. Ибо превратить генетическій порядокъ въ порядокъ логическій, сдѣлать скачекъ отъ факта къ долженствованію тѣмъ легче и тѣмъ легче скрыть его, чѣмъ больше въ описаніе факта (скрытно отъ читателя и незамѣтно для автора) введено такихъ признаковъ, которые implicite уже заключаютъ въ себѣ элементы нормы. И, наоборотъ, сдѣлать это тѣмъ труднѣе, чѣмъ описаніе факта чище, строже, «естественнѣе» [1]). По-

[1]) Для сравненія можно указать хотя бы на Г. Гроція. Haec vero .... societatis custodia, humano *intellectui conveniens*, fons est ejus juris, quod proprie tali nomine appellatur: quo pertinent alieni abstinentia, et si quid alieni habeamus, aut lucri inde fecerimus restitutio, promissorum implendorum obligatio, damni culpa dati reparatio, et poenae inter homines meritum. (De iure belli, Proleg., 8). Логическимъ основаніемъ всѣхъ этихъ нормъ служитъ appetitus societatis i. e. communitatis pro intellectus modo *ordinatae*, а въ описаніе этой способности уже заранѣе введенъ нормативный элементъ (ordo).

этому, кто находитъ, что Гоббесъ изображаетъ слишкомъ мрачно естественное состояніе человѣка, тотъ долженъ признать также, что этимъ онъ увеличиваетъ гарантіи правильности перехода отъ этого состоянія къ состоянію правовому.

Въ состояніи войны всѣхъ противъ всѣхъ, говоритъ Гоббесъ, понятія правды и неправды, справедливости и несправедливости не имѣютъ мѣста. Справедливость и несправедливость не суть свойства тѣла или души, подобно чувствамъ и страстямъ; онѣ возможны только тамъ, гдѣ есть законъ, и въ состояніи, гдѣ нѣтъ общей власти, нѣтъ и закона [1]). Поэтому, здѣсь нѣтъ собственности, нѣтъ владѣнія (dominion), нѣтъ «моего» и «твоего».

Еще яснѣе высказываетъ Гоббесъ эту мысль въ предисловіи къ «De cive». Изъ этого (т. е. принятаго имъ) принципа, говорится здѣсь, не слѣдуетъ, что люди по природѣ своей злы. Хотя отъ природы, т. е. отъ самаго рожденія животныя стремятся къ тому, что имъ нравится, и избѣгаютъ того, что имъ угрожаетъ, но ихъ нельзя по одному этому считать злыми: ибо аффекты, сами по себѣ, не злы,—бываютъ иногда злы только поступки, проистекающіе изъ этихъ аффектовъ, именно когда они вредны и противорѣчатъ обязанности (contra officium [2]). Если не дать дѣтямъ того, что они хотятъ, они

---

[1]) To this war of every man, against every man this also is consequent, that nothing can be unjust. The notions of right and wrong, justice and injustice, have there no place. Where there is no common power, there is no law: where no law, non injustice . . Justice and injustice are none of the faculties neither of the body nor mind. If they were, they might be in a man that were alone in the world, as well as his senses, and passions (Lev. ch. XIII, стр. 65)

[2]) Illud vero, homines natura malos esse, ex hoc principio non sequitur. Nam etsi pauciores essent mali quam boni, quoniam tamen bonos a malis internoscere non possumus, necessitas diffidendi, cavendi, anticipandi, subjugandi, quoquo modo se defendendi, incumbit perpetuo etiam et

плачутъ, сердятся и даже бьютъ родителей, и это обусловливается ихъ природой; но при всемъ томъ они не виновны (culpa vacant) и не злы — во-первыхъ потому, что они не могутъ никому сдѣлать вреда, и во-вторыхъ потому, что не владѣютъ разумомъ и свободны отъ всѣхъ обязанностей.

Итакъ, состояніе чистой природы есть состояніе полнаго безразличія. Въ природѣ самой по себѣ нѣтъ ничего, что можно было бы признать началомъ, раздѣляющимъ добро и зло, что указывало бы человѣку его права и обязанности. Въ этомъ отношеніи Гоббесъ, въ противоположность Гроцію, вполнѣ согласенъ съ извѣстнымъ стихомъ изъ Лукреція:

Nec natura potest justo secernere iniquum.

Чтобы убѣдиться, что въ состояніи природы не существуетъ никакого права, попробуемъ перенести сюда это понятіе, какъ оно мыслится въ обыденномъ сознаніи. Именемъ права, говоритъ Гоббесъ, обозначается свобода каждаго пользоваться своими естественными способностями сообразно здравому разуму [1]). Но вполнѣ согласно съ разумомъ стремиться къ тому, что кажется добромъ, и избѣгать того, что кажется зломъ,—въ особенности того, что представляется величайшимъ зломъ, т. е. смерти; поэтому основное правило, дѣйствующее въ естественномъ состояніи, можетъ быть выражено такъ:

modestis. Minus vero sequitur, eos ipsos qui mali sunt, ita factos esse à natura. Quamquam enim a natura, hoc est, ab ipsa nativitate, ex eo quod nascantur, animalia hoc habeant, ut statim omnia quæ sibi placent, cupiant faciantque quantum possunt, ut quae impendent mala, aut metu fugiant, aut ira repellant, non tamen ob eam causam mali censeri solent: nam affectus animi qui a natura animali proficiscuntur, mali non sunt ipsi, sed actiones inde provenientes, malae aliquando sunt; *nimirum* quando et noxiae sunt, et contra officium.

[1]) Neque enim Juris nomine aliud significatur, quam libertas, quam quisque habet facultatibus naturalibus secundum rectam rationem utendi. Itaque juris naturalis fundamentum primum est, ut quisque vitam et membra sua quantum potest tueatur (De cive, cap. I § 7).

всякій, сколько можетъ, пусть защищаетъ свою жизнь и свои члены. Это право, конечно, заключаетъ въ себѣ другое право — право пользоваться всѣми средствами, необходимыми для самосохраненія. Вопросъ-же о томъ, какія средства необходимы для самосохраненія, каждый для себя рѣшаетъ самъ; ибо если допустить, что о необходимыхъ для меня средствахъ судитъ кто-нибудь другой, то я буду судить о томъ, что касается его,—между прочимъ, и о его сужденіи, касающемся моей пользы. Такимъ образомъ, каждый имѣетъ право на всѣ средства (ибо всѣ средства могутъ казаться необходимыми), или еще опредѣленнѣе: всякій имѣетъ право на все. Но если всякій можетъ о каждой вещи сказать: «это мое», какое значеніе и какой смыслъ имѣетъ такое право? Очевидно, никакого. Оно ничего не прибавляетъ къ тѣмъ фактическимъ отношеніямъ, которыя существуютъ до и безъ него: effectus eius juris idem pene est, acsi nullum omnino jus existerit [1]). Это есть право только по имени, пустой звукъ,— на дѣлѣ нѣтъ никакого права [2]).

Въ высшей степени характерно, что въ отношеніи понятія права «Левіаѳанъ» существенно отступаетъ отъ порядка изложенія въ «De cive». Здѣсь это понятіе введено непосредственно вслѣдъ за указаніемъ на соперничество, какъ на причину взаимной вражды (cap. I, § 6), и должно, повидимому,

[1]) De cive. cap. I §§ 7, 8, 9, 10, 11.

[2]) Въ литературѣ, большею частью, смѣшиваютъ понятія естественной свободы и естественнаго права, а это приводитъ къ невозможности объяснить теорію Гоббеса. См. напр: Rivalta. Diritto naturale e positivo, 1898, стр. 278: Da ciò Hobbes deduce, che avendo ciascuno diritto di difendersi e conservare se stesso, aver deve diritto di servirsi di tutti i mezzi necessari a questo scopo... Come poi questa stessa natura, che secondo il filosofo, aveva prodotto lo stato di guerra, potesse in seguito suggerire la pace, non è da lui spiegato, nè gli sarebbe stata cosa facile, avendo confuso l'istinto con la ragione, le fisiche con le morali. — Ср. это съ тѣмъ, что говорится ниже о нравственномъ характерѣ закона природы.

еще болѣе оттѣнить фактическое равенство (которое въ § 3 выставляется, какъ причина соперничества), придавъ ему юридическую окраску; и лишь послѣ того, какъ была выяснена призрачность права (§ 11), естественное состояніе опредѣляется, какъ состояніе войны (§ 12). Такимъ образомъ, если предположить, что изложеніе идетъ здѣсь строго-систематично, выйдетъ, что состояніе войны обусловливается именно призрачнымъ существованіемъ права и безъ этого совсѣмъ не можетъ быть объяснено. Но въ этомъ разубѣждаетъ «Левіаѳанъ». Тамъ, напротивъ, «война всѣхъ противъ всѣхъ» появляется вслѣдъ за указаніемъ на три естественныя причины вражды (стр. 64), а о правѣ вовсе не упоминается въ этой главѣ, трактующей объ естественномъ состояніи (of the natural condition of mankind). И, какъ можетъ всякій убѣдиться, изложеніе нисколько отъ этого не пострадало, въ немъ не замѣчается ровно никакого пробѣла. Это, мнѣ кажется, можетъ служить новымъ доказательствомъ, что съ точки зрѣнія Гоббеса въ природѣ человѣка нѣтъ ничего, что могло бы служить логическимъ основаніемъ права, и, искусственно введенное въ естественное состояніе, оно не производитъ никакого дѣйствія; эффектъ получается такой-же, какъ если-бы не было никакого права, acsi nullum ius existerit [1]). Въ этомъ отношеніи Гоббесъ

[1]) Отсюда видно, насколько ошибочно изложеніе Жуффруа (Cours de droit naturel, 2. éd. t. I pag. 331): Admettez que l'homme soit fait comme Hobbes l'imagine; placez, comme lui, le principe de toute détermination dans l'amour du bien-être, et supposez que toutes les actions humaines, profondément analysées, rappellent et confirment une telle doctrine; que s'ensuivra-t-il? Il s'ensuivra rigoureusement que tous les moyens qui conduiront à cette unique et véritable fin de l'homme seront, par cela même, légitimes et bons. Il s'ensuivra, en d'autres termes, que l'homme a le droit de faire et de s'approprier par tous les moyens possibles tout ce qui peut contribuer à son bien-être .... la permission de tout faire pour arriver à son bien-être, tel est donc, selon Hobbes, le droit imprescriptible de tout individu. .

поступаетъ гораздо послѣдовательнѣе Спинозы, который просто отождествляетъ силу съ правомъ [1]). Но проявленіе силы тогда только можетъ получить юридическій характеръ, когда есть объективное этическое начало, его ограничивающее, когда есть законъ, или, употребляя современную, болѣе точную терминологію,—когда есть норма.

3.

Разсматривая вопросъ, откуда въ естественномъ состояніи можетъ явиться законъ, Гоббесъ обращается, прежде всего, къ ходячимъ опредѣленіямъ этого понятія. Естественный законъ опредѣляютъ, какъ согласіе всѣхъ людей, или какъ согласіе только самыхъ мудрыхъ и просвѣщенныхъ народовъ. Но ни то, ни другое опредѣленіе не можетъ быть принято. Въ первомъ случаѣ, это вовсе не есть законъ, потому что его нельзя было бы нарушить (impossibile esset contra talem legem peccare [2]): люди въ здравомъ умѣ не могутъ поступать противно тому, въ чемъ они согласились; на это способны только дѣти и сумасшедшіе, выводить же

---

[1]) Поэтому извѣстная литературная тема о различіи между теоріями Гоббеса и Спинозы должна была бы быть замѣнена другою, ей противоположною: о сходствѣ между ними.

[2]) De cive, cap. II § 1: Quae definitio nullo modo recipienda est; alioquin enim impossibile esset cuiquam, exceptis infantibus et mente captis contra talem legem peccare. Nam voce illa «genus humanum» comprehendunt certe omnes homines ratione actu utentes. *Illi* igitur contra eam vel non faciunt, vel faciunt non consentientes, ideoque excusandi sunt. Naturae autem leges ab *eorum* consensu recipere, qui eas violant saepius, quam observant, sane iniquum est.—Мнѣ кажется, что подъ «illi» здѣсь слѣдуетъ разумѣть homines ratione utentes, а подъ «eorum» — infantes et mente capti; вотъ почему въ пониманіи этого мѣста я отступилъ отъ традиціоннаго изложенія, образцомъ котораго можетъ служить изложеніе Бершадскаго (Очеркъ исторіи философіи права, 1892. Стр. 180).

законъ изъ согласія тѣхъ, которые чаще нарушаютъ его, чѣмъ исполняютъ, невозможно. Кромѣ того, согласіе людей также не есть нѣчто неизмѣнное: очень часто всѣ народы подъ вліяніемъ различныхъ мотивовъ приходятъ къ такому соглашенію, которое даже писатели, такъ опредѣляющіе законъ, находятъ противнымъ естественному закону. Если же подъ естественнымъ закономъ разумѣть согласіе только мудрыхъ и просвѣщенныхъ народовъ,—гдѣ же найти прочный критерій мудрости [1]).

Опредѣленіе естественнаго закона, выставляемое самимъ Гоббесомъ, возбуждаетъ не мало недоразумѣній. Латинскій текстъ этого опредѣленія гласитъ: Est igitur lex naturalis dictamen rectae rationis circa ea, quae agenda vel omittenda sunt ad vitae membrorumque conservationem, quantum fieri potest diuturnam [2]).

Большинство излагателей Гоббеса совсѣмъ не анализируютъ этого опредѣленія, а просто передаютъ его своими словами, болѣе или менѣе близко къ тексту; тѣ-же, кто останавливается на немъ внимательнѣе, понимаютъ его далеко не одинаковымъ образомъ. Уже съ перваго взгляда нельзя не замѣтить, что это опредѣленіе имѣетъ много общаго съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ естественнаго права (стр. 28). Ліонъ [3]) видитъ существенную черту закона въ томъ, что

---

[1]) De cive II, 1· Quis autem de sapientia, eruditione et moribus omnium gentium judicabit, id minime docet.

[2]) De cive II. 1. Соотвѣтственное мѣсто Левіаѳана читается такъ: A «law of nature», lex naturalis, is a precept or general rule, found out by reason, by which a man is forbidden to do that which is destructive of his life, or taketh away the means of preserving the same; and to omit that, by which he thinketh it may be best preserved.

[3]) G. Lyon. La philosophie de Hobbes, 1893, стр 158· «*A jamais si possible*: on ne saurait trop insister sur cette incidente; elle renferme. comme on dit en logique, la *différence dernière* de notre définition. Le droit natu-

онъ требуетъ дѣятельности, ведущей къ наиболѣе *продолжительной* жизни; это, по его мнѣнію, есть ultima differentia всего понятія. По естественному праву, думаетъ онъ, человѣкъ защищается отъ непосредственной опасности,—законъ повелѣваетъ ему заботиться о болѣе отдаленномъ будущемъ. Но такое пониманіе неправильно. Прежде всего, въ англійскомъ текстѣ нѣтъ ничего, что соотвѣтствовало бы словамъ, подчеркнутымъ Ліономъ: значитъ, они для опредѣленія не столь существенны; затѣмъ, въ этихъ словахъ никакъ нельзя видѣть противоположность содержанію права: «ut quisque vitam et membra sua quantum potest tueatur»,—самое большее, они представляютъ лишь нѣкоторое усиленіе требованія. Между тѣмъ, по словамъ Гоббеса, законъ и право суть противоположности: «law and right differ as much as obligation and liberty; which in one and the same matter are inconsistent (Lev., 66). Поэтому несовсѣмъ вѣрно и, во всякомъ случаѣ, требуетъ ограниченія мнѣніе Іодля, что естественный законъ *развивается* изъ естественнаго права [1]): если законъ призванъ, по Гоббесу, ограничить естественную свободу, или естественное право, то онъ долженъ заключать въ себѣ нѣкоторыя самостоятельныя начала или, по крайней мѣрѣ, новыя основанія и не можетъ самъ собой развиться изъ права. Бершадскій [2]) отождествляетъ противоположность между закономъ и правомъ съ противоположностью разума и страсти: «въ то время, когда страсть побуждаетъ человѣка стремиться,

rel mettait l'homme en possession d'assurer sa défense par telles voies que bon lui semblait, sans avoir d'égard qu'au danger actuel, à l'assaut imminent. La loi naturelle fait entrer en ligne de compte l'idée d'avenir, d'un avenir indéfini: supputer le futur, l'organiser par avance, c'est là, aussi bien, le grand office de la raison».

[1]) Исторія этики, т. I, стр. 88.

[2]) Очеркъ исторіи фил. права, стр. 181.

во что бы то ни стало, къ достиженію предмета своихъ желаній, разумъ совѣтуетъ ему отказаться отъ войны и обезпечить свою жизнь при помощи согласія и соединенія». Съ этимъ тоже едва ли можно согласиться—уже по одному тому, что и въ понятіи права заключается признакъ разумности: это есть свобода пользоваться естественными способностями secundum rectam rationem.—

Приведенное выше опредѣленіе закона есть лишь его формальное опредѣленіе. Оно указываетъ источникъ закона (dictamen rectae rationis) и предметъ нормировки (quae agenda vel omittenda sunt ad vitae membrorumque conservationem); но оно ничего не говоритъ о содержаніи требуемыхъ закономъ дѣйствій, оно не отвѣчаетъ на вопросъ: quid est agendum vel omittendum? Отвѣтъ даетъ матеріальное опредѣленіе закона: «нужно искать мира, гдѣ онъ возможенъ, а гдѣ онъ невозможенъ, нужно искать средствъ для войны» [1]).

Если законъ, по мысли Гоббеса, есть начало противоположное праву, то эта противоположность можетъ быть или чисто формальной или по существу. Но источникъ у права и у закона одинъ и тотъ же: это есть здравый разумъ, recta ratio. Можно было бы подумать, что въ опредѣленіи закона Гоббесъ понимаетъ разумъ иначе, что это разумъ объективный, во вкусѣ философовъ XVIII вѣка,—разумъ съ готовымъ, заранѣе даннымъ содержаніемъ. Но противъ такого пониманія предостерегаетъ самъ Гоббесъ. «Подъ здравымъ разумомъ я разумѣю, говоритъ онъ, не непогрѣшимую способность, но актъ сужденія т. е. собственное сужденіе каждаго

---

[1]) Lex naturae est, quaerendam esse pacem, ubi haberi potest; ubi haberi non potest, quaerenda esse belli auxilia. De cive II, 2.

о своихъ поступкахъ» [1]). Слѣдовательно, это есть также начало субъективное, это разумъ, присущій отдѣльному человѣку. Здѣсь нѣтъ различія. Обозначеніе предмета закона (quae agenda vel omittenda sunt ad vitae membrorumque conservationem) и предмета права (ut quisque vitam et membra sua quantum potest tueatur) также совершенно тождественны. Остается искать различія въ содержаніи. Здѣсь оно несомнѣнно. Въ то время, какъ законъ имѣетъ совершенно опредѣленное содержаніе (quaerendam esse pacem), которое при томъ постепенно разъясняется все болѣе и болѣе (cap. II § 3 sqq.),—у права содержаніе настолько широко, что оно обнимаетъ всякую дѣятельность (unusquisque jus habeat utendi *omnibus* mediis et agendi *omnen* actionem [2]), всякому поступку придаетъ характеръ правовой, и этимъ-то, какъ мы видѣли, право само себя уничтожаетъ, сливается съ первоначально даннымъ опредѣленіемъ безграничной свободы. Можно сказать, поэтому, что у права нѣтъ никакого содержанія, и что матеріальное опредѣленіе его также призрачно, какъ и самое существованіе его въ состояніи чистой природы.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько содержаніе закона ограничиваетъ дѣятельность, насколько рѣзко отдѣляетъ

---

[1]) Per rectam rationem in statu hominum naturali intelligo, non ut multi Facultatem infallibilem; sed ratiocinandi actum, id est, Ratiocinationem uniuscujusque propriam, et veram circa actiones suas . . . . (De cive, c. II § 1 Ann.).

[2]) De cive, I, 8. Хотя въ предыдущемъ параграфѣ даются два опредѣленія права — Neque enim Juris nomine aliud significatur quam libertas, quam quisque habet facultatibus naturalibus secundum rectam rationem utendi. Itaque Juris naturalis fundamentum primum est, ut quisque vitam et membra sua quantum potest tueatur—но оба они указываютъ на формальные признаки, и потому ихъ нужно признать соотвѣтствующими тому опредѣленію ест. закона, которое дается въ гл. II, 1, и которое я назвалъ формальнымъ.

въ ней законосообразное отъ законопротивнаго, мы остановимся на другомъ вопросѣ: откуда получилъ законъ свое содержаніе? Источникъ его есть разумъ. Но почему же разумъ, не давая никакого содержанія праву, даетъ его закону? Вѣдь разумъ этотъ одинъ и тотъ же. Быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ болѣе правильнымъ его употребленіемъ? Гоббесъ такъ и объясняетъ. «Per rectam rationem intelligo... ratiocinationem uniuscujusque propriam et *veram* circa actiones suas...» И далѣе: «*Veram* dico, id est, ex veris principiis recte compositis concludentem, Propterea quod in ratiocinatione *falsa*, sive in stultitia hominum officia sua erga caeteros homines ad conservationem propriam necessaria non videntium, omnis consistit Legum Naturalium violatio» [1]). Только правильное заключеніе изъ правильныхъ посылокъ можетъ привести человѣка къ мысли о законѣ и указать его содержаніе; и наоборотъ, всякое нарушеніе закона обусловливается только ложнымъ умозаключеніемъ—и болѣе ничѣмъ. Но какъ узнать въ состояніи природы, чье сужденіе правильно, и какъ узнаетъ каждый, которое изъ его сужденій правильно? Никакой объективной мѣрки здѣсь нѣтъ. Самъ Гоббесъ говоритъ, что внѣ государства, гдѣ никто не можетъ отличить здравый разумъ отъ ложнаго иначе, какъ сравнивъ его со своимъ, каждому его разумъ служитъ не только нормой для собственныхъ поступковъ, но и мѣркой для чужого разума [2]). Но если такъ, если правильнымъ будетъ для всякаго только его сужденіе, то послѣдовательно было бы признать, что и

[1]) De cive, cap. II § 1 Ann.

[2]) Extra Civitatem, ubi rectam rationem a falsa dignoscere nisi comparatione facta cum sua nemo potest, sua cujusque ratio non modo pro actionum propriarum, quae suo periculo fiunt, *regula*, sed etiam in suis rebus pro rationis alienae *mensura* censenda est. (Тамъ-же).

законовъ можетъ быть столько же, сколько лицъ, размышляющихъ о немъ; откуда же получается одинъ законъ, обязательный для всѣхъ? Или каждый судитъ самостоятельно, и мѣриломъ правильности сужденія ему служитъ его-же собственный разумъ,—но тогда и законъ у каждаго свой; или есть одинъ общеобязательный эаконъ, основывающійся на правильномъ сужденіи здраваго разума, — но тогда должно существовать и объективное, равное для всѣхъ мѣрило правильности сужденій. Выхода изъ этой альтернативы нѣтъ, и между тѣмъ Гоббесъ не признаетъ ни одного изъ этихъ двухъ выводовъ: онъ даетъ одинъ законъ и не указываетъ никакого критерія для оцѣнки правильности сужденій.

Возможно еще одно предположеніе: можетъ быть, этотъ критерій заключается какъ разъ въ содержаніи естественнаго закона, — quaerendam esse pacem. Можно представлять себѣ дѣло такъ, что Гоббесъ естественнымъ закономъ признаетъ всякое правильное сужденіе, а чтобъ узнать, правильно-ли данное сужденіе, онъ считаетъ достаточнымъ посмотрѣть, насколько оно согласуется съ сужденіемъ: «ищи мира». Если оно согласуется съ нимъ, сужденіе правильно; если нѣтъ, оно неправильно. Но такое объясненіе не выдерживаетъ критики. Не говоря уже о томъ, что предположеніе объ объективномъ критеріи правильности сужденій противорѣчитъ естественному состоянію, какъ его понимаетъ Гоббесъ, оно и само по себѣ не разрѣшаетъ вопроса. Если «quaerendam esse pacem» есть критерій для оцѣнки сужденій, то откуда онъ взятъ, и почему онъ правиленъ? Сказать, что онъ самъ есть сужденіе праваго разума,—значитъ допустить грубое petitio principii. Такому отвѣту противорѣчили бы кромѣ того заключительныя строки примѣчанія къ cap. II § 1: «Principia autem

rectae Ratiocinationis circa ejusmodi officia, ea sunt quae capitis primi articulis 2, 3, 4, 5, 6 et 7 explicata sunt»; параграфы, на которые ссылается это мѣсто, заняты какъ-разъ объясненіемъ естественнаго права, т. е. той свободы, которую призванъ ограничить естественный законъ. Т. е. иными словами: ограничиваемое и ограничивающее, право и законъ, которые по приведенному выше тексту «Левіаѳана» (см. стр. 33) противоположны другъ другу, одинаково суть сужденія праваго разума.

Противорѣчіе идетъ еще дальше. Полное тождество закона и права не менѣе ясно и въ самомъ 1-мъ параграфѣ II главы, гдѣ говорится: «такъ какъ всѣ согласны, что *право* есть то, что не противно здравому разуму, мы должны считать *неправомъ* то, что противорѣчитъ здравому разуму (т. е. какой-нибудь истинѣ, правильно выведенной изъ вѣрныхъ посылокъ). То-же, что совершено не по праву, мы называемъ совершеннымъ противно какому-нибудь *закону*. Поэтому законъ есть нѣкоторый здравый разумъ, который называется природнымъ (естественнымъ), такъ какъ онъ составляетъ часть человѣческой природы не менѣе, чѣмъ всякая другая способность или другой аффектъ души [1]). Здѣсь, противно раньше изложенному пониманію права, оказывается, что по праву поступаетъ только тотъ, кто поступаетъ согласно съ закономъ. Въ этой мысли утверждаетъ также и слѣдующій параграфъ (II § 2) De cive, гдѣ естественнымъ закономъ

[1]) Sed cum concedant omnes, *jure* fieri, quod non fit contra rectam rationem, *injuria* factum censere debemus, quod rectae rationi repugnat, (hoc est, quod contradicit alicui veritati à veris principiis recte ratiocinando collectae). Quod autem *injuria* factum est, contra *legem* aliquam fieri dicimus. Est igitur lex quaedam *recta ratio*, quae (cum non minus sit pars naturae humanae, quam quaelibet alia facultas vel affectus animi) naturalis quoque dicitur.

признается положеніе: «гдѣ невозможенъ миръ, должно искать средствъ для войны» [1]), т. е. признается законной вся та дѣятельность, которая обнимается общимъ именемъ естественнаго состоянія, или состоянія всеобщей войны. Между тѣмъ въ «Левіаѳанѣ» это-же самое положеніе приводится, какъ основное начало права, которому противопоставляется другое положеніе — ищи мира и слѣдуй ему, — какъ положеніе закона [2]). Въ довершеніе всего, въ De cive выставляется, какъ первый производный законъ (выведенный изъ основного естественнаго закона), необходимость отказаться отъ естественнаго права: ius omnium in omnia retinendum non esse, sed iura quaedam transferenda, vel relinquenda esse [3]).

Какъ объяснить всѣ эти противорѣчія? Можно-ли допустить мысль, что они суть результатъ простото недосмотра или небрежности, что Гоббесъ не замѣтилъ ихъ? Мнѣ кажется, допустить это нельзя: указанныя противорѣчія слишкомъ рѣзки, слишкомъ бьютъ въ глаза, чтобъ авторъ могъ ихъ не замѣтить; въ сущности, они разрушаютъ все зданіе построенной теоріи. Если на нихъ мало останавливаются излагатели Гоббеса или даже вовсе ихъ не видятъ, то это объясняется тѣмъ, что на Гоббеса привыкли смотрѣть, только

---

[1]) Prima autem et fundamentalis *lex naturae est, quaerendam esse pacem ubi haberi potest, ubi haberi non potest, quaerenda esse belli auxilia.* Ostendimus enim articulo ultimo praecedentis capitis, praeceptum hoc dictamen esse rectae rationis. Esse autem dictamina rectae rationis leges naturales, id proxime supra definitum est.

[2]) And consequently it is a precept, or general rule of reason, that every man ought to endeavour peace, as far as he has hope of obtaining it; and when he cannot obtain it, that he may seek, and use, all helps, and advantages of war. The first branch of which rule, containeth the first and fundamental law of Nature; which is, «to seek peace, and follow it». *The second, the sum of the right of Nature.* which is «by all means we can, to defend ourselves» (стр. 66).

[3]) De cive. Cap. II § 3.

какъ на политическаго мыслителя, какъ на представителя политической партіи, въ его ученіи привыкли видѣть только апологію монархическаго режима, отверженіе революціи и защиту принципа государственной церкви. Отчасти это объясняется традиціями, отчасти—тѣмъ, что въ самой государственной наукѣ до послѣдняго времени преобладала политическая точка зрѣнія. А съ этой точки зрѣнія указанныя противорѣчія, да и всѣ вообще, не имѣютъ большого значенія; важенъ не порядокъ и не послѣдовательность мысли, поскольку они могутъ служить открытію истины, — важна каждая отдѣльная мысль сама по себѣ, поскольку она является отголоскомъ того или другого политическаго лозунга. Но съ точки зрѣнія юридической, которая ищетъ у Гоббеса матеріала для выясненія вопроса о взаимоотношеніяхъ права и закона, эти противорѣчія не могутъ не обратить на себя нашего вниманія. Гоббесъ очень много говоритъ и о правѣ, и о законѣ, и въ результатѣ оказывается, что законъ, который, какъ и право, есть сужденіе здраваго разума, заключаетъ въ себѣ основное положеніе этого права, но въ то же время требуетъ, чтобы всѣ отказались отъ него. Ясно, что это противорѣчіе можетъ быть только кажущимся; оно обусловливается только тѣмъ, что мы неправильно понимаемъ термины, при помощи которыхъ оперируетъ здѣсь Гоббесъ.

Подъ закономъ мы разумѣли, все время, выраженіе того, что должно быть, и разумъ (recta ratio) представляли себѣ, какъ логическое основаніе закона; въ законѣ мы предполагали такое опредѣленіе нормы, которое разъ навсегда для всѣхъ людей и независимо отъ ихъ личныхъ взглядовъ рѣшитъ вполнѣ объективно вопросъ о добрѣ и злѣ, о правдѣ и

неправдѣ. Такъ понимаютъ этотъ терминъ всѣ толкователи Гоббеса. Но не слѣдуетъ-ли предположить, что Гоббесъ выставляетъ естественный законъ, не какъ свою формулировку (нормы), которую онъ считаетъ единственно правильной съ точки зрѣнія логики и этики, но какъ *мнѣніе* людей о нормѣ? Съ этой точки зрѣнія естественный законъ не былъ бы какимъ-то внѣшнимъ для человѣка началомъ, имѣющимъ для него логическую и нравственную обязательность и способнымъ разрѣшать всѣ споры о правѣ; онъ былъ бы, напротивъ, простымъ фактомъ сознанія (закономъ лишь въ субъективномъ смыслѣ), возникающимъ подъ вліяніемъ различныхъ психическихъ процессовъ и находящимся съ разумомъ въ генетической (а не въ логической) связи. Съ этой точки зрѣнія дѣйствіе естественнаго закона опредѣлялось бы не логической или нравственной необходимостью, а необходимостью чисто физической.

Мнѣ кажется, что такое пониманіе дастъ полную возможность устранить упомянутыя противорѣчія и укажетъ путь къ выясненію отношенія между понятіями права и закона, какъ они опредѣляются у Гоббеса.

На такое пониманіе указываетъ самъ Гоббесъ. Въ § 33 гл. III De cive онъ говоритъ: то, что мы называемъ законами природы, собственно говоря, вовсе не суть законы, такъ какъ они исходятъ отъ природы и являются не чѣмъ инымъ, какъ нѣкоторыми заключеніями здраваго разума о томъ, что дѣлать, и чего не дѣлать; законъ-же въ собственномъ смыслѣ есть обращеніе того, кто что-нибудь приказываетъ [1]). Двумя параграфами раньше (III, 31) онъ разсма-

[1]) Naturae autem quas vocamus leges, cum nihil aliud sint, quam conclusiones quaedam ratione intellectae, de agendis et omittendis; lex autem,

триваетъ вопросъ, есть-ли законъ естественный то-же, что законъ нравственный (legem naturalem eamdem esse cum lege morali); если-бъ съ самаго начала онъ слово «законъ» употреблялъ въ смыслѣ общеобязательнаго этическаго закона, очевидно, ему совсѣмъ и не нужно было бы разсматривать этотъ вопросъ [1]). Нельзя доказывать, что данный законъ есть законъ этическій, если мы уже заранѣе условились разумѣть подъ нимъ именно этическій законъ, а не какой другой. Ясно, что именемъ естественнаго закона (lex naturalis) Гоббесъ обозначаетъ не законъ «права въ себѣ», существующій независимо отъ человѣческаго сознанія (φύσει δίκαιον), но лишь *мнѣніе людей о правѣ* — мнѣніе, которому они (быть можетъ, неправильно) придаютъ объективное значеніе.

Право устанавливаетъ норму для дѣятельности человѣка; но устанавливая ее, оно должно имѣть твердое основаніе для оцѣнки этой дѣятельности. *Естественное право* ищетъ такого основанія въ разумѣ, какъ естественной способности человѣка: ius est libertas facultatibus naturalibus secundum rectam *rationem* utendi (I, 7); но логическаго основанія для права въ этомъ разумѣ найти нельзя, и права въ строгомъ смыслѣ—права, какъ права, въ естественномъ состояніи су-

---

proprie atque accurate loquendo, sit oratio ejus qui aliquid fieri vel non fieri aliis jure imperat: non sunt illae proprie loquendo leges, quatenus a natura procedunt.

[1]) Что «moralis» слѣдуетъ здѣсь понимать, какъ genus (= этическій), а не какъ species, не какъ противоположность юридическому (моральный въ узкомъ смыслѣ), это ясно изъ самаго содержанія параграфа; кромѣ того: 1) Гоббесъ нигдѣ не говоритъ о законѣ юридическомъ и 2) нигдѣ точно не разграничиваетъ права отъ нравственности. Такое-же широкое значеніе придаетъ этому термину Гоббесъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Напр. въ De homine Cap. XIII, 9 читаемъ: Virtus autem *moralis*, quam quidem mensurare possumus *legibus civilibus*, quae diversis civitatibus diversae sunt, sola est justitia et aequitas; quam autem mensuramus per leges mere naturales, charitas sola est.

ществовать не можетъ: effectus ejus «juris» [1]) idem pene est, acsi nullum omnino jus existerit. Въ разумѣ не можетъ заключаться логическаго основанія для права потому, что сужденія его сами еще подлежатъ оцѣнкѣ, а объективнаго основанія для этой оцѣнки не существуетъ. Добро и зло суть имена, которыя прилагаются къ вещамъ для обозначенія чувства склонности и отвращенія тѣхъ, кто ихъ такъ называетъ. Но эти чувства у людей далеко не одинаковы, такъ что очень часто одинъ хвалитъ, т. е. называетъ добромъ то, что другой порицаетъ, какъ зло, и даже одно и то же лицо одну и ту же вещь хвалитъ и порицаетъ въ разное время. Поэтому, хотя здравый разумъ и требуетъ, чтобы всѣ одинаково стремились къ добру и избѣгали зла, но самыя понятія добра и зла каждый опредѣляетъ по своему: bonum et malum diversis mensuris metiuntur [2]).

Вслѣдствіе этого возникаютъ раздоры и взаимная вражда: haec dum faciunt, necesse est oriri discordiam et pugnas [3]). Такъ какъ это состояніе вражды (status belli) всѣ считаютъ зломъ, то противоположное ему состояніе мира всѣ, по необходимости, признаютъ за благо [4]). Это состояніе мира, котораго никто еще не испыталъ, и которое для всѣхъ представляется, какъ будущее, характеризуется, прежде всего, тѣмъ, что оно заклю-

---

[1]) Въ подлинникѣ здѣсь курсивъ.

[2]) Sciendum igitur est, *bonum* et *malum* nomina esse rebus imposita ad significandum appetitum vel aversionem eorum a quibus sic nominantur. Appetitus autem hominum pro diversis eorum temperamentis, consuetudinibus opinionibusque, diversi sunt; ut videre est in iis rebus quas sensu percipimus, puta gustu, tactu, olfactu; sed multo magis in iis rebus quae pertinent ad actiones vitae communes, ubi quod hic *laudat*, id est, appellat *bonum*, alter *vituperat* ut *malum*; immo idem homo diversis temporibus idem et *laudat* et *culpat*. De cive, cap. III § 31.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Hunc statum facile omnes, dum in eo sunt, agnoscunt esse malum, et per consequens, *pacem* esse *bonam*. (Тамъ же).

чаетъ въ себѣ общую, равную для всѣхъ норму добра и зла (mensura boni et mali). Вотъ, слѣдовательно, фактъ, который Гоббесъ стремится подчеркнуть: всѣ признаютъ миръ благомъ; *это признаніе есть законъ природы*, ибо по необходимости вытекаетъ изъ природы человѣка [1]). Состояніе замиренности представляется для всѣхъ благомъ; а такъ какъ представленіе объ этомъ состояніи [2]) связывается въ умѣ съ представленіемъ объ общемъ критеріи добра, то стремленіе къ состоянію мира, само по себѣ, уже признается благомъ, добромъ. И стремленіе къ миру («quaerendam esse pacem») совершенно неожиданно оказывается тѣмъ критеріемъ, той нормой добра, которую разумъ человѣческій тщетно разыскивалъ. Такимъ образомъ, въ разумѣ, въ recta ratio заключено отнюдь не логическое [3]), а лишь генетическое, слѣдовательно, фактическое основаніе нормы: психологически необходимо, чтобы люди, не находя нигдѣ общаго этическаго критерія, самое это отсутствіе его сочли за зло и стали стремиться къ такому критерію, и это стремленіе приняли за абсолютную мѣру добра и зла.

Но можно ли отсюда заключить, что разумъ составляетъ и логическое основаніе нормы, что найденная норма становится для всѣхъ логически обязательной, и всѣ разногласія о добрѣ и злѣ тѣмъ самымъ прекращаются?

Гоббесъ отвѣчаетъ на это въ отрицательномъ духѣ. Въ параграфѣ, непосредственно слѣдующемъ за только что разсмотрѣннымъ, читаемъ: «хотя всѣ одинаково хвалятъ назван-

---

[1]) De cive III, § 31: Qui igitur de bono praesenti convenire non poterant, conveniunt de futuro.

[2]) которое можетъ быть предметомъ лишь внутренняго, а никакъ не внѣшняго опыта: «quod quidem opus rationis est, nam praesentia sensibus, futura non nisi ratione percipiuntur» (loc. cit.).

[3]) Ибо recta ratio отнюдь не есть facultas infallibilis т. е. способность адэкватнаго познанія См. De cive II, § 1 Ann. 1.

ныя добродѣтели, но расходятся между собой въ опредѣленіи ихъ природы, т. е. того, въ чемъ состоитъ каждая изъ нихъ. Ибо насколько каждому не нравится чужой хорошій поступокъ, онъ обозначаетъ его именемъ какого-нибудь сходственнаго порока; точно также пороки, которые нравятся, относятъ къ какой-нибудь добродѣтели. Отсюда и происходитъ, что одно и то же дѣйствіе одни хвалятъ и называютъ добродѣтелью, а другіе осуждаютъ и считаютъ порокомъ. И средства противъ этого философы до сихъ поръ никакого не нашли»[1]).

Такимъ образомъ въ своемъ опредѣленіи закона Гоббесъ вовсе не думаетъ предлагать логически-правильную абсолютную мѣру правды и неправды; онъ хочетъ показать лишь, какимъ образомъ въ человѣческомъ сознаніи возникаетъ *идея* такой мѣрки, онъ предлагаетъ намъ естественную исторію этой идеи. Но онъ отлично видитъ, что естественныя причины возникновенія идеи нормы вовсе не могутъ быть отождествлены съ логическими основаніями ея; человѣкъ, придя къ мысли, что въ мирѣ самомъ по себѣ заключается величайшее благо, и что въ стремленіи къ миру лежитъ надежный критерій для отдѣленія въ нашихъ дѣйствіяхъ праваго отъ неправаго, далеко не разрѣшилъ еще отъ вѣка заданной ему этической проблемы. Разрѣшить эту проблему—значитъ отвѣтить на вопросъ, что есть добро и право *въ себѣ*, независимо отъ тѣхъ или иныхъ человѣческихъ установленій; когда

---

[1]) quamquam consentiant omnes in laude dictarum virtutum, tamen dissentiant adhuc de earum natura, in quo nempe unaquaeque earum consistat Quoties enim cuiquam displicet aliena bona actio, ei actioni imponitur nomen alicujus vitii vicini, similiter nequitiae quae placent, ad virtutem aliquem referuntur. Unde evenit, eandem actionem ab his laudari et virtutem appellari, ab illis culpari et vitio verti. Neque huicrei remedii quicquam a philosophis hactenus inventum est. De cive, cap III § 32. Ср. также De homine cap. III, 8 (изд. Molesworth, стр. 116).

разрѣшенъ будетъ этотъ вопросъ, найдено будетъ и средство противъ постоянныхъ раздоровъ и несогласій. Но—говоритъ Гоббесъ—этотъ вопросъ не разрѣшило не только человѣчество во всей его совокупности, его не разрѣшили до сихъ поръ и философы; neque huic rei remedii quicquam a philosophis hactenus inventum est.

Выше было уже указано на то, что различіе психологической и гносеологической постановки основного этическаго вопроса составляетъ необходимое условіе для правильной оцѣнки всякой этической теоріи. И если у Гоббеса мы находимъ нѣкоторый намекъ на это различіе, мы не можемъ не отдать ему за это дань нашего уваженія. Остается, слѣдовательно, вопросъ лишь о томъ, насколько правильно его психологическое наблюденіе, т. е. дѣйствительно-ли идея мира представляется намъ высшей нравственной идеей, и дѣйствительно-ли эта идея логически несостоятельна?

Что касается до первой части этого вопроса, то разсмотрѣніе ея будетъ предложено нѣсколько позже. Здѣсь будетъ совершенно достаточно напомнить лишь о томъ, что англійскія общественныя понятія, которыя должны были больше всего оказать на Гоббеса вліянія, повидимому, были очень близки къ этой идеѣ. Извѣстно, что въ Англіи, начиная съ IX вѣка, всѣ преступленія и проступки подводились подъ одно общее понятіе—нарушеніе мира; миръ, слѣдовательно, былъ для англичанина той нормой, къ которой могли быть сведены всѣ законы, какъ юридическіе, такъ и нравственные[1]). Но почему-же идея мира не можетъ быть, однако, признана логически безупречнымъ принципомъ нравственнаго порядка?

[1]) См. *Гнейстъ*. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, русск. пер., стр. 22, 160 и др.; *Gneist*. Der Rechtsstaat, стр. 45 и др.

Этотъ вопросъ заслуживаетъ того, чтобы остановиться на немъ нѣсколько подольше.

Критика всякаго этическаго принципа можетъ идти двумя различными путями. Она можетъ указывать на пороки, присущіе только данному принципу; она можетъ доказывать, что данный принципъ есть принципъ ложный — потому, что въ немъ есть недостатки, которые обусловливаются его конструкціей и нисколько не связаны съ конструкціей всякаго другого принципа. Но критика точно также можетъ отвергать извѣстный принципъ на томъ основаніи, что онъ принадлежитъ къ цѣлому кругу принциповъ, у которыхъ есть какой-нибудь общій всѣмъ имъ порокъ. Оба эти вида критики можно найти у Канта. Онъ отвергаетъ всѣ этическіе принципы, какъ гетерономные, но онъ также въ нѣсколькихъ мѣткихъ словахъ опровергаетъ отдѣльно теорію эвдемонизма не потому, что она допускаетъ гетерономію, а потому, что она приказываетъ человѣку то, къ чему онъ уже самъ стремится по естественной своей склонности.

Какой-же изъ этихъ пріемовъ избираетъ Гоббесъ для критики естественнаго закона мира?

Само собою понятно, что нигдѣ въ сочиненіяхъ его мы не найдемъ методологическаго разсужденія на эту тему, но тѣ немногія и при томъ мимоходомъ указанныя основанія, по которымъ онъ отрицаетъ у естественнаго закона нормативный характеръ, заставляютъ насъ предположить, что отрицаніе это въ высокой степени принципіально. Онъ отвергаетъ «естественный законъ» совершенно независимо отъ его содержанія и только по однимъ формальнымъ признакамъ; слѣдовательно, долженъ быть отвергнутъ и всякій другой за-

конъ, если будетъ доказано, что онъ обладаетъ тѣми-же формальными признаками.

Естественный законъ, говоритъ Гоббесъ, вовсе не есть законъ въ собственномъ смыслѣ этого слова (proprie loquendo), ибо онъ есть не что иное, какъ сужденіе разума, а разумъ есть произведеніе природы (naturalis dicitur[1]); слѣдовательно, естественный законъ есть произведеніе природы. Вотъ и все. Въ этомъ простомъ силлогизмѣ заключено все доказательство. Но Гоббесъ, повидимому, оставляетъ своего читателя въ недоумѣніи: почему-же законъ не можетъ быть произведеніемъ природы? почему природа есть такой признакъ, который не можетъ быть мыслимъ въ понятіи закона? На эти вопросы Гоббесъ не даетъ прямого отвѣта, и можно сдѣлать только одно предположеніе, которое въ состояніи объяснить эту недомолвку. Порокъ, на который онъ указываетъ, заключается въ самомъ понятіи природы, т. е. бытія[2]). Естественный законъ есть сужденіе, которое обусловливается извѣстнымъ устройствомъ нашего разума точно такъ же, какъ движенія наши обусловливаются устройствомъ нашего тѣла. Въ основѣ этого сужденія лежатъ, слѣдовательно, чисто естественныя причины; законъ же есть выраженіе того, что должно быть (de agendis vel omittendis); а изъ бытія никакъ нельзя вывести долженствованія. «То, что мы называемъ естественнымъ закономъ, есть только *мнѣніе*» людей о нормѣ (conclusiones quaedam), но не самая норма. Люди думаютъ,

---

[1]) De cive II, 1.

[2]) Naturae autem quas vocamus leges, cum nihil aliud sint, quam conclusiones quaedam . . . . , non sunt illae proprie loquendo leges, quatenus a natura procedunt. De cive III, 33. Ср. Левіаѳанъ, гл XXVI, п. 4: the laws of Nature, which consist in equity, justice . . . . . *are* not properly laws, but *qualities* that dispose men to peace and obedience.

что должно стремиться къ миру; но изъ того, что они такъ думаютъ, совсѣмъ еще не слѣдуетъ, что стремленіе къ миру есть для всѣхъ равно обязательная норма, что такъ именно и нужно поступать. Ясно, что съ точки зрѣнія Гоббеса, сужденіе о нормѣ и самая норма вовсе не суть понятія тождественныя. Въ своихъ поступкахъ мы можемъ руководствоваться нашими сужденіями, но эти сужденія не имѣютъ логической обязательности; логически обязательна только объективная норма (lex proprie et accurate loquendo). Но такая норма не можетъ опредѣляться нашими сужденіями во-первыхъ потому, что у каждаго свои сужденія, а во-вторыхъ и потому, что сужденія, сами по себѣ, относятся къ категоріи бытія, а не долженствованія. Таковъ, какъ мнѣ кажется, внутренній смыслъ критики Гоббеса.

Но здѣсь можетъ возникнуть серьезное сомнѣніе: возможны-ли этическія нормы вообще? Вѣдь всякая этическая норма, будемъ-ли мы основывать ея обязательность на какихъ-нибудь свойствахъ человѣческаго существа, или на устройствѣ всего міра, будетъ только выводомъ изъ того, что есть. Ибо сами мы представляемъ изъ себя часть природы, и кругомъ насъ только бытіе. Если существуетъ этическій законъ, то мы должны знать о немъ; знаніе-же наше обнимается понятіемъ опыта, а въ опытѣ мы не можемъ выйти за предѣлы природы. Если природа не можетъ дать основанія для нормы, то его остается искать только въ чемъ-то, находящемся внѣ природы,—въ чемъ-то сверхъестественномъ. А сверхъестественное выходитъ за предѣлы нашего знанія.

Гоббесъ очень легко разрѣшаетъ эти сомнѣнія. Этическія нормы возможны, но онѣ составляютъ предметъ вѣры,

а не знанія. Только вѣра можетъ дать обязательность тому, что мы называемъ своимъ долгомъ.

Законъ въ собственномъ смыслѣ, говоритъ онъ, есть обращеніе къ другимъ того, кто по праву приказываетъ имъ что-нибудь дѣлать или чего-нибудь не дѣлать. Въ состояніи чистой природы, очевидно, нѣтъ никого, кто могъ бы *по праву* приказывать другимъ; ибо въ состояніи этомъ вовсе нѣтъ права, слѣдовательно, нѣтъ и права издавать обязательныя повелѣнія. Это право можетъ принадлежать только Богу. Поэтому то, что мы называемъ естественнымъ закономъ, есть законъ лишь постольку, поскольку его преподаетъ Священное Писаніе [1]).

Можетъ показаться, что заключеніе это произвольно, что оно основывается на скрытомъ petitio principii. Во-первыхъ, почему законъ есть повелѣніе? вѣдь, вводя этотъ признакъ въ понятіе, Гоббесъ, повидимому, уже предрѣшаетъ вопросъ или, по крайней мѣрѣ, ограничиваетъ отвѣтъ на него, ибо повелѣніе можетъ исходить только отъ разумнаго существа и не можетъ быть произведеніемъ чистой природы. Но затѣмъ: почему законъ есть выраженіе воли только того, кто имѣетъ

---

[1]) *Naturae* autem quas vocamus *leges*, cum nihil aliud sint quam conclusiones quaedam ratione intellectae, de agendis et omittendis; lex autem, proprie et accurate loquendo, sit oratio ejus qui aliquid fieri vel non fieri alius jure imperat: non sunt illae proprie loquendo leges, quatenus a natura procedunt. Quatenus tamen eaedem a Deo in scripturis sacris latae sunt, ut videbimus capite sequente, Legum nomine propriissime appellantur. Est enim *scriptura sacra* in omnia maximo jure imperantis Dei oratio.—De cive III, 33. Ср. Левіаѳанъ, гл. XV: These dictates of reason, men used to call by the name of laws, but improperly: for they are but conclusions, or theorems concerning what conduceth to the conservation and defence of themselves; whereas law, properly, is the word of him that by right hath command over others. But yet if we consider the same theorems, as delivered in the word of God, that by right commandeth all things, then are they properly called laws.

право приказывать? почему не всякое велѣніе есть законъ, а лишь такое, на которое повелѣвающій имѣетъ право? Откуда это извѣстно? Вводить признакъ права въ понятіе закона—закона, который еще только долженъ установить право,—есть явная логическая ошибка; съ этой точки зрѣнія, законъ совсѣмъ невозможенъ: если въ естественномъ законѣ видѣть выраженіе воли Божіей, то вѣдь надо сперва доказать, что Богъ имѣетъ право обращаться къ людямъ съ повелѣніями, но доказать этого нельзя, потому что право уже предполагаетъ существованіе закона. Такимъ образомъ, если законъ нельзя вывести изъ природы, то его и совсѣмъ нѣтъ. Но недоумѣнія эти легко разрѣшаются. Прежде всего, нельзя не замѣтить, что опредѣленіе закона, какъ велѣнія, императива, не такъ уже безосновательно. Гоббесу, конечно, не было знакомо то понятіе, которое мыслится теперь подъ именемъ нормы, мы можемъ только подставлять его подъ то, что онъ называетъ «lex proprie et accurate loquendo»; но если-бъ онъ зналъ его, онъ могъ бы опредѣлить его, какъ велѣніе, нисколько не расходясь даже съ теоріями современныхъ юристовъ. Очень возможно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ предъ собой плодъ смѣшенія видовыхъ и родовыхъ признаковъ понятія: очень можетъ быть, что Гоббесъ признаки государственнаго закона просто перенесъ на понятіе закона вообще, т. е. сдѣлалъ ошибку въ анализѣ. Въ этомъ, повидимому, убѣждаетъ насъ и тотъ порочный кругъ, который образуется отъ внесенія понятія права (iure imperat) въ опредѣленіе закона. Но несомнѣнно также, что въ упомянутыхъ словахъ опредѣленія закона можно видѣть одно простое олицетвореніе нормы, которая всегда заключаетъ въ себѣ мысль о томъ, что должно быть, и, слѣдовательно, предписываетъ то

или другое поведеніе. Съ этой точки зрѣнія, никакого предрѣшенія вопроса здѣсь нѣтъ, а есть только противоположеніе этическаго закона закону природы. Что же касается формулы «iure imperat», то эта видимая непослѣдовательность не имѣетъ большого значенія, поскольку дѣло идетъ о вѣрѣ; ибо въ понятіи Бога мы, по необходимости, мыслимъ существо, велѣнія котораго имѣютъ для насъ обязательную силу [1]).

Такимъ образомъ, въ состояніи чистой природы возможенъ только одинъ законъ—законъ Божій. Это положеніе опредѣляетъ, отчасти, и тотъ источникъ, откуда слѣдуетъ черпать содержаніе закона; *отчасти*—потому, что, кромѣ Св. Писанія, и разумъ человѣческій устанавливаетъ нормы чрезъ посредство логическихъ выводовъ изъ основного естественнаго закона. И логическіе выводы вполнѣ согласуются съ текстами Писанія.

Основной законъ природы гласитъ: «ищи мира и слѣдуй ему»; та же заповѣдь дается и въ Евангеліи: блажени миротворцы, яко тіи сынове божіи нарекутся [2]). Всеобщая война

---

[1]) Ср. De cive, XV, § 4· . . . Deo Regnum duplex attributum est: *Naturale*, in quo regit per dictamina rectae Rationis; quodque universale est in omnes qui divinam agnoscunt potentiam, propter naturam rationalem omnibus communem; et *Prophetıcum*, in quo regit etiam per *Verbum prophetıcum*. — § 5: In *Regno naturali* regnandi et puniendi eos qui leges suas violant, jus Deo est a sola *potentia* irresistibili. Jus enim omne in alios vel a Natura est vel a Pacto.... Quodsi quis caeteros potentia in tantum anteisset, ut resistere ei ne omnes quidem conjunctis viribus potuissent, ratio quare de jure sibi a natura concesso decederet, nulla omnino fuisset. Mansisset igitur ipsi jus dominii in caeteros omnes propter potentiae excessum, qua et se et illos conservare potuisset. Iis igitur quorum potentiae resisti non potest, et per consequens Deo omnipotenti, jus dominandi ab ipsa potentia derivatur.

[2]) Выше было указано, что въ этомъ пунктѣ есть нѣкоторое противорѣчіе между Левіаѳаномъ и De cive: тамъ закономъ природы обозначается только одно положеніе «to seek peace and follow it», здѣсь кромѣ этого (quaerendam esse pacem, ubi haberi potest)—еще и другое: ubi non potest, quaerenda esse belli auxilia. Теперь это противорѣчіе разъясняется очень

возникаетъ оттого, что каждый обладаетъ неограниченной свободой, каждый можетъ дѣлать и дѣлаетъ все, что ему угодно; поэтому, основной законъ требуетъ, чтобы всѣ отказались отъ такой свободы или, что то же, отъ права на все (ius in omnia), и чтобъ всякій дозволялъ себѣ по отношенію къ другимъ только то, что онъ дозволяетъ другимъ по отношенію къ себѣ (be contented with so much liberty against other men, as he would allow other men against himself); отказъ отъ неограниченной свободы предполагаютъ и десять заповѣдей, запрещающія убійство, кражу, прелюбодѣяніе и пр. Отказъ отъ своей свободы возможенъ или въ формѣ односторонняго акта (simpliciter renunciare), или въ формѣ перенесенія своихъ правъ на другое лицо или лица (translatio). Простой отказъ состоитъ въ заявленіи лица, что оно отнынѣ будетъ считать для себя недозволенными (non licitum) нѣкоторыя дѣйствія, на которыя прежде считало себя въ правѣ. Перенесеніе права состоитъ въ томъ, что одно лицо объявляетъ другому,—желающему получить это право, — что оно будетъ считать недозволеннымъ для себя сопротивленіе извѣстнымъ дѣйствіямъ этого другого. Гоббесъ подчеркиваетъ здѣсь обязательство несопротивленія: въ немъ заключается все существо дѣла. Ибо тотъ, на кого переносится право, и раньше имѣлъ это право, потому что онъ имѣлъ право на все; онъ получаетъ лишь возможность пользоваться своей свободой (или, иначе, своимъ первоначальнымъ правомъ) безъ препятствій и законныхъ по-

---

легко тѣмъ соображеніемъ, что это вовсе не суть законы въ собственномъ смыслѣ, а простыя правила благоразумія. Объективной же нормой, по мысли Гоббеса, является лишь первое положеніе (quaerendam esse pacem); это доказывается тѣмъ, что въ гл. IV De cive только къ нему подысканъ текстъ Писанія, второе же положеніе совсѣмъ опущено.

сягательствъ со стороны того, кто отказался отъ своего права [1]). Взаимное перенесеніе правъ между нѣсколькими лицами есть соглашеніе, contractus; если же при этомъ одна или обѣ стороны обѣщаютъ лишь впослѣдствіи исполнить то, что составляетъ предметъ соглашенія, то такое соглашеніе называется договоромъ, pactum (De cive II, 9).

Законъ природы требуетъ безусловнаго соблюденія договоровъ: pactis standum est; ибо иначе заключеніе договоровъ было бы безсмысленно, а безъ договоровъ невозможенъ миръ [2]). Въ Писаніи это начало выражено во многихъ мѣстахъ, напр., въ Книгѣ Притчей, 6, ст. 1, 2: «Сынъ мой, если ты поручился за ближняго твоего и далъ руку твою за другого, ты опуталъ себя словами устъ твоихъ» [3]).

Такимъ же путемъ выводитъ Гоббесъ изъ основного закона природы и подкрѣпляетъ текстами Писанія и остальные законы, требующіе благодарности (Второз. 25, 4: не заграждай рта волу, когда онъ молотитъ), любезности (Исх. 23, 4: если найдешь вола врага твоего и осла его заблудившагося, приведи его къ нему), милосердія (Ев. Матѳ. 6, 15), смиренія (блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царствіе небесное), скромности (возлюби ближняго твоего, какъ самого себя), безпристрастія (Колосс. 3, 11: нѣтъ ни Еллина, ни

---

[1]) *Juris* autem *translationem* in sola non resistentia consistere, ex eo intelligitur, quod ante juris translationem, is in quem transfertur, jus habebat jam tum in omnia; unde novum *jus* dare non potuit, sed justa transferentis resistentia, propter quam *jure* suo alter frui non potuit, extinguitur. Quicunque igitur jus acquirit in statu hominum naturali, id agit tantum ut secure et sine justa molestia *jure* suo *primaevo* frui possit. (De cive II, 4).

[2]) De cive, III 1. Гоббесъ здѣсь совсѣмъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ, почему для прекращенія войны и установленія мира недостаточно простого отказа (renunciare) отъ своихъ правъ. Этотъ вопросъ разъясняется позже.

[3]) Странно, что Гоббесъ не ссылается здѣсь на Ев. Матѳ. 5, 37, гдѣ этотъ законъ выраженъ гораздо ярче.

Іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, Скиѳа, свободнаго, но все и во всемъ Христосъ), общности въ такихъ вещахъ, которыя не могутъ быть подѣлены, разрѣшенія споровъ посредствомъ жребія; также — законы, запрещающіе мщеніе, оскорбленіе, пьянство и пр.

Таково обширное содержаніе закона. Но все оно, по мнѣнію Гоббеса, можетъ быть сведено къ одному положенію, прекрасно выраженному въ Евангеліи: «Итакъ, во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними» [1]).

Законы природы вѣчны и неизмѣнны, ибо неизмѣненъ разумъ, который даетъ имъ содержаніе. Никогда не будутъ считаться дозволенными гордость, неблагодарность, нарушеніе договора и т. п., и противоположныя имъ добродѣтели никогда не будутъ недозволенными (illicitae), поскольку онѣ суть душевныя настроенія (dispositiones animi), т. е. поскольку онѣ обязательны предъ судомъ совѣсти. Дѣйствія могутъ настолько измѣняться подъ вліяніемъ обстоятельствъ и государственныхъ законовъ, что справедливое сегодня будетъ несправедливымъ завтра, и признанное однажды разумнымъ—другой разъ будетъ считаться неразумнымъ; но разумъ остается всегда однимъ и тѣмъ же, цѣли, которыя онъ ставитъ, и средства, которыя онъ избираетъ для этихъ цѣлей, т. е. добродѣтели (virtutes) не могутъ быть отмѣнены ни обычаемъ, ни закономъ государства. Тоже говоритъ и Евангеліе: дондеже прейдетъ небо и земля, іота едина или едина черта не прейдетъ отъ закона [2]).

---

[1]) De cive, III и IV.
[2]) De cive, III, 29 и IV, 20

4.

Въ 13 главѣ «Левіаѳана» Гоббесъ говоритъ, что право и справедливость возможны только тамъ, гдѣ есть законъ [1]). Въ состояніи природы законъ существуетъ: это законъ Божій; существуетъ-ли, поэтому, и право?

Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо, прежде всего, выяснить характеръ тѣхъ нормъ, которыя въ законѣ природы заключаются. Въ наукѣ нѣтъ общаго мнѣнія о томъ, сколько слѣдуетъ признавать видовъ нормъ; большинство признаетъ теперь два вида: нормы техническія и этическія. Кантъ признавалъ еще третій видъ нормъ—императивы благоразумія, или прагматическіе, которые опредѣляютъ средства для достиженія счастія (Gluckseligkeit). По его ученію, между техническими и прагматическими нормами то общаго, что и тѣ, и другія носятъ характеръ условности: норму нужно исполнять потому, что это ведетъ къ достиженію опредѣленной цѣли; ея обязательность находится въ зависимости отъ того, поставлена цѣль или нѣтъ: если нѣтъ цѣли, то и соотвѣтствующая ей норма не имѣетъ никакого значенія. Различіе же между техническими и прагматическими нормами состоитъ въ характерѣ самыхъ цѣлей. Именно, первыя имѣютъ въ виду цѣль *возможную*, т. е. такую, отъ которой можно и отказаться, которая можетъ быть, можетъ и не быть; вторыя же указываютъ средства для цѣли *дѣйствительной*, отъ которой отказаться нельзя, потому что она составляетъ природу человѣка,—и эта цѣль есть счастіе. «Если ты хочешь писать,

---

[1]) The notions of right and wrong, justice and injustice, have there no place. Where there is no common power, there is no law: where no law, no injustice.

очини карандашъ»—есть норма техническая, потому-что она имѣетъ смыслъ только для того, кто желаетъ писать; «если ты хочешь сохранить счастіе, избѣгай излишества» — есть норма прагматическая, потому-что не хотѣть своего счастія человѣкъ не можетъ. Наконецъ, этическія нормы имѣютъ характеръ категоричности, безусловности; любить ближняго нужно *не для того, чтобы* достичь этимъ какой-нибудь цѣли (хотябы и самой высшей — спасенія души, вѣчнаго блаженства), *а потому, что* эта заповѣдь въ самой себѣ заключаетъ свою цѣль.

Къ какому-же изъ этихъ видовъ слѣдуетъ отнести нормы закона природы? Мнѣ кажется, — если принять Кантову классификацію, то на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ разныхъ отвѣтовъ. Законы природы суть именно правила благоразумія. Они выставляются разсудкомъ, какъ средства для достиженія опредѣленной цѣли, и цѣль эта есть благо—личное и общее, насколько оба могутъ быть совмѣщены. «Если ты хочешь сохранить свою жизнь, стремись къ миру, откажись отъ своей безграничной свободы, исполняй договоры, будь милосерднымъ, скромнымъ, не мсти, не оскорбляй, не пьянствуй и т. д.». Все это совѣты благоразумія, «conclusions or theorems concerning what conduceth to the conservation and defence of themselves» [1]); и все это—въ цѣляхъ блага, или счастія, къ которому человѣкъ стремится уже по своей природѣ: «unusquisque naturali necessitate bonum sibi appetit» [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 55.

[2]) De cive I, 13. Ср. Канта Grundlegung z. Metaph. d. Sitten: «Man darf ihn nicht bloss als nothwendig zu einer ungewissen, bloss moglichen Absicht vortragen, sondern zu einer Absicht, die man sicher und a priori bei jedem Menschen voraussetzen kann, *weil sie zu seinem Wesen gehort*». (Изд. Кирхмана, стр. 37 sub. f.).

Ничего этическаго, ничего непосредственно относящагося къ морали въ этихъ нормахъ, взятыхъ самихъ по себѣ, не заключается, — поскольку онѣ суть созданія разсудка, дѣйствующаго подъ вліяніемъ опыта. Но, съ другой стороны, поскольку эти законы суть велѣнія Бога, въ нихъ заключаются нравственныя заповѣди; ибо они обязательны тогда уже не потому, что они полезны, что ведутъ за собой миръ и сохраненіе жизни, а только потому, что они суть велѣнія Божества. Такова, повидимому, мысль Гоббеса. Въ § 31 гл. III De cive онъ доказываетъ, что законъ природы есть то же, что нравственный законъ. Доказываетъ онъ это тѣмъ соображеніемъ, что къ миру всѣ стремятся потому, что видятъ въ немъ *добро* (bonum); слѣдовательно, и всѣ средства, которыя ведутъ къ миру, устанавливаютъ *добрые* нравы, а законъ, предписывающій добрые нравы, есть законъ нравственный [1]). Правда, что лишь два параграфа спустя доказывается, что законы природы имѣютъ обязательную силу, только какъ выраженія воли Божіей, такъ что можно было бы подумать, что Гоббесъ приписываетъ нравственный характеръ сужденіямъ разсудка, какъ таковымъ; но уже выше было указано, что законы природы, leges naturae, если не видѣть въ нихъ выраженія воли Божіей, вовсе не суть законы, а потому все это разсужденіе должно быть отнесено именно къ закону Божію.

Такимъ образомъ, законъ природы, правильно понимаемый, т. е. понимаемый, какъ Божіе велѣніе, есть законъ этиче-

[1]) См. совершенно такое же доказательство въ концѣ 15 главы Левіаѳана (стр. 78). Терминологія этого разсужденія, конечно, не отличается большой точностью, потому что bonum (good) означаетъ одинаково, какъ добро, такъ и благо; такъ что здѣсь можно видѣть даже нѣкоторую игру словъ, которая обусловливается, впрочемъ, особенностями языка.

скій. Но заключаетъ-ли онъ въ себѣ нормы права, или нормы нравственности въ тѣсномъ смыслѣ? Этого вопроса Гоббесъ вовсе не касается. Ни въ одномъ изъ его сочиненій не говорится ничего о томъ, къ какому виду этическихъ нормъ слѣдуетъ отнести нормы закона природы; нигдѣ нельзя найти даже разсужденій на тему о различіи между правомъ и нравственностью или о ихъ взаимоотношеніи [1]). Приходится заключить отсюда, что вопросъ этотъ для него совсѣмъ и не существовалъ, что онъ не проводилъ рѣзкой границы между понятіями права и нравственности. Между тѣмъ и Левіаѳанъ, и De cive даютъ достаточно матеріала для рѣшенія указаннаго вопроса, если-бъ только его можно было рѣшать съ современной точки зрѣнія.

Дѣйствительно, какъ ни противоположны взгляды на этотъ вопросъ, между ними можно все-таки найти нѣчто общее. Именно есть одинъ пунктъ различія между правомъ и нравственностью, лучше всѣхъ подмѣченный Кантомъ и теперь еще—въ той или иной формѣ, съ тѣми или иными оговорками—признаваемый едва-ли не всѣми направленіями науки. Это—точка зрѣнія при оцѣнкѣ человѣческой дѣятельности. Для права достаточно одной легальности поступка, т. е. того, чтобы онъ согласовался съ требованіями нормы; для нравственности необходимо, кромѣ того, чтобы согласованіе поступка съ нормой было единственнымъ мотивомъ этого поступка. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ нравственность не соблюдена, для права-же это безразлично. Если кто хочетъ украсть и не крадетъ только потому, что боится, что его преступленіе будетъ открыто, тотъ норму права нисколько не нарушаетъ,

---

[1]) Ср. текстъ, приведенный выше на стр. 42.

но съ точки зрѣнія нравственности онъ осужденъ, потому-что мотивомъ, побудившимъ его отказаться отъ своего намѣренія, было не желаніе соблюсти норму, а совершенно постороннее соображеніе. Такимъ образомъ, различіе здѣсь чисто формальное; но оно ведетъ за собой и нѣкоторое различіе въ содержаніи нормъ. Если для нравственности необходимо настроеніе, а для права настроеніе безразлично, то ясно, что требованіе опредѣленнаго душевнаго настроенія ни въ коемъ случаѣ не можетъ составлять содержанія нормъ права.

Такимъ образомъ, въ признаніи оцѣнки мотивовъ, какъ отличительной черты нравственности, могутъ до нѣкоторой степени сойтись всѣ—и сторонники формальнаго, и приверженцы противоположнаго ему направленія. И на эту-то черту указываетъ Гоббесъ, говоря объ обязательной силѣ законовъ природы въ естественномъ состояніи.

Такъ какъ, говоритъ онъ, всегда находятся люди, не исполняющіе законовъ природы, то тѣ, кто пожелалъ бы неуклонно имъ слѣдовать, не могли бы достичь мира, а приготовили бы себѣ этимъ только скорую и вѣрную погибель: они стали бы жертвою нарушителей закона; поэтому, не слѣдуетъ думать, что люди обязаны соблюдать всѣ законы въ то время, когда ихъ не всѣ соблюдаютъ. Но для насъ обязательно *желать* ихъ соблюденія (animus eas observandi) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это соблюденіе можетъ, по нашему мнѣнію, привести къ той цѣли, для которой они установлены. Отсюда нужно заключить, что законъ природы не всегда имѣетъ внѣшнюю обязательность, но онъ всегда обязателенъ для совѣсти [1]). «Въ состояніи природы, прибавляетъ Гоббесъ, о спра-

[1]) De cive III, 27: Non est igitur existimandum, natura, hoc est, ratione obligari homines ad exercitium earum omnium, in eo statu hominum, in

ведливомъ и несправедливомъ нужно судить не по поступкамъ, а по намѣренію и совѣсти дѣйствующихъ лицъ». Гоббесъ идетъ даже дальше: мотивамъ воли онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе предъ внѣшнимъ поступкомъ, такъ что можетъ быть признана противозаконной дѣятельность лица, котораго всѣ поступки согласны съ закономъ. Объ этомъ онъ совершенно ясно говоритъ въ § 28 гл. III De cive: «Законы, которые связываютъ совѣсть, могутъ быть нарушены поступкомъ не только противнымъ имъ, но и согласнымъ съ ними: именно, если кто думаетъ противоположное (contrarium putet) тому, что онъ дѣлаетъ. Ибо хотя самъ поступокъ согласенъ съ закономъ, но совѣсть (conscientia—сознаніе?) ему противорѣчитъ» [1]).

Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что, если бы можно было приписывать Гоббесу современное намъ пониманіе вещей, мы имѣли бы большое основаніе утверждать, что законъ природы есть законъ нравственный. Но, повторяю, такое утвержденіе невозможно: у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, что съ различіемъ между forum externum и forum internum

---

quo non exercentur ab aliis. Interea tamen obligamur ad animum eas observandi, quandocunque ad finem ad quem ordinantur, earum observatio conducere videbitur. Ideoque concludendum est, legem naturae semper et ubique obligare in *Foro interno*, sive *conscientia*, non semper *in foro externo*....— Ann.: in statu naturae, Justum et Injustum non ex actionibus, sed ex consilio et conscientia agentium aestimandum est. — Ср. Лев. гл. 15, стр. 78. Также De cive III, 30. qui toto conatu ad id tendit, ut omnes actiones suae sint secundum praecepta naturae, clare ostendit, animum se habere leges eas omnes adimplendi, quod est omne id ad quod obligamur a natura rationali. Qui vero totum id praestitit, ad quod obligatus erat, justus est.

[1]) Въ Левіаѳанѣ (гл. 15) здѣсь термины нѣсколько иные, хотя мысль, несомнѣнно, одна и та же: «And whatsoever laws bind in foro interno, may be broken, not only by a fact contrary to the law, but also by a fact according to it, in case a man think it contrary. For though his action in this case be according to the law, yet his *purpose* was against the law; which, where the obligation is in foro interno, is a breach».

онъ соединялъ мысль о различіи между правомъ и нравственностью.

Поэтому понятіе «закона природы», какъ извѣстный терминъ Гоббесовой философіи, приходится опредѣлять только тѣми признаками, которые составляютъ общее для права и нравственности—одинаково. Если нравственность есть мысль о томъ, что *должно* дѣлать, а право — мысль о томъ, что *должно* (обязанность) и *можно* (суб. право) дѣлать, то законъ природы есть мысль о томъ, что должно дѣлать. Что такова была, вѣроятно, мысль Гоббеса, доказывается его отношеніемъ къ вопросу о связи между закономъ и субъективнымъ правомъ, или—съ точки зрѣнія морали—нравственной дозволенностью.

Гоббесъ различаетъ два понятія: несоблюденіе закона, или несправедливость (injustitia, injustum), и нарушеніе права (injuria). То, что несправедливо,—несправедливо по отношенію ко всѣмъ, ибо это—несоблюденіе нормы, т. е. объективнаго права: injustum omnibus injustum est. Наоборотъ, неправо имѣетъ значеніе по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ что неправо по отношенію къ одному можетъ нисколько не касаться другого. *Неправо* есть нарушеніе права, принадлежащаго данному лицу. Но каждое отдѣльное лицо получаетъ свои права только по договору съ другимъ; до заключенія договора каждому принадлежитъ безграничная свобода, которая, однако, не есть право, потому что ей не противопоставлено никакой обязанности на сторонѣ другихъ (см. выше стр. 53). Поэтому нарушеніе права есть не что иное, какъ нарушеніе договора. Неправо возможно только по отношенію къ тому, кому что-нибудь дано или обѣщано

по договору. Тамъ, гдѣ нѣтъ договора,—тамъ невозможно нарушеніе права, ибо тамъ нѣтъ и права [1]).

Такимъ образомъ, отношеніе между закономъ (нормой) и субъективнымъ правомъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. Законъ, самъ по себѣ, непосредственно не устанавливаетъ права. Онъ налагаетъ на людей обязанности, но нарушеніе этихъ обязанностей не затрогиваетъ ничьего права; это есть несправедливость по отношенію къ закону: injustitiae nomen significat relative ad legem. Договоръ есть актъ, въ силу котораго къ обязанностямъ, установленнымъ закономъ, прибавляются другія обязанности по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Только этимъ «относительнымъ» обязанностямъ соотвѣтствуютъ права, потому-что онѣ возникаютъ изъ отказа отъ своей свободы въ пользу другого, и вслѣдствіе этого отказа образуется на одной сторонѣ право, а на другой — обязанность несопротивленія тѣмъ дѣйствіямъ, которыя составляютъ содержаніе права. Но эти права и эти обязанности были бы пустымъ звукомъ—подобно тому «праву», effectus cujus idem est, acsi nullum ius existerit,—если бы исполненіе договоровъ не было обязательно, т. е. если бы неисполненіе обязанностей, возникающихъ изъ договора, не счита-

---

[1]) De cive III, 3: Pacti violatio, sicut et dati repetitio, (quae semper sita est in aliqua actione vel omissione) vocatur injuria..... Videturque *injuriae* nomen inde actioni vel omissioni tribui, quia sine jure est, utpote quod ab eo qui agit vel omittit translatum antea in alium fuerat.—III, 4: Ex his sequitur, injuriam nemini fieri posse, nisi ei quicum initur *pactum*, sive cui aliquid dono datum est, vel cui pacto aliquid est promissum. — Ср. Ann. къ этому параграфу. Также Левіаѳанъ, гл. 15 (стр. 72): where no covenant hath preceded, there hath no right been transferred, and every man has right to everything; and consequently, no action can be unjust. But when a covenant is made, then to break it is «unjust»; and the definition of «injustice» is no other than «the not performance of covenant» And whatsoever is not unjust, is «just».

лось несправедливостью, injustum. Поэтому-то обязательность договоровъ есть норма естественнаго закона; слѣдовательно, отъ закона, косвеннымъ образомъ, зависитъ существованіе права. *Законъ устанавливаетъ право чрезъ посредство договора.* Вотъ формула, въ которой выражается соотношеніе этихъ понятій съ точки зрѣнія Гоббеса.

5.

Итакъ, на вопросъ, существуетъ-ли право въ состояніи чистой природы, in statu meгae naturae, нужно отвѣтить: да, существуютъ объективныя нормы, которыя съ извѣстной точки зрѣнія можно признать юридическими—потому, что онѣ, косвенно, устанавливаютъ субъективное право, а субъективныя права существуютъ не самостоятельно, не сами по себѣ, но лишь поскольку отдѣльныя лица вступаютъ другъ съ другомъ въ договоръ.

Право существуетъ. Но это—право несовершенное.

До возникновенія идеи закона права совсѣмъ не существуетъ. Законъ даетъ возможность различать въ дѣйствіяхъ людей законом*ѣ*рное и законопротивное, благодаря закону можно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ указать, что́ есть право, и что́—неправо. Но въ состояніи природы не существуетъ никакихъ гарантій исполненія закона, нѣтъ никакой увѣренности въ томъ, что права, принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ, не будутъ нарушены. Человѣкъ по природѣ своей стремится къ тому, что онъ въ данное время считаетъ для себя благомъ; поэтому, если въ нарушеніи закона онъ увидитъ большее благо или меньшее зло, чѣмъ въ его соблюденіи, онъ его нарушитъ. Разумъ говоритъ ему, что въ со-

блюденіи закона лежитъ гораздо болѣе прочное благо, что только благодаря ему онъ можетъ достичь мирной и безопасной жизни, но съ разумомъ борются страсти, онѣ увлекаютъ человѣка съ прямого пути, онѣ дѣйствуютъ на него минутной надеждой и минутнымъ страхомъ. Пусть есть благоразумные люди, но достаточно нѣсколькихъ нарушителей закона, чтобъ его существованіе оказалось совершенно безполезнымъ. Право есть, но оно не можетъ выполнить своего назначенія, оно не можетъ установить мира. Необходимо пойти на встрѣчу страстямъ, нужно устроить такъ, чтобы соблюдать законъ всегда было выгоднѣе, чѣмъ нарушать его. Средство для этого только одно: люди должны соединяться въ союзы для взаимной защиты—въ союзы, достаточно обширные, чтобы отражать нападеніе не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ шаекъ. Но и эти союзы не достигнутъ своей цѣли, если люди не согласятся между собой о средствахъ къ поддержанію союза. Когда минетъ или ослабнетъ опасность, члены его подъ вліяніемъ различныхъ аффектовъ придутъ другъ съ другомъ въ столкновеніе, прекратится взаимная помощь, и миръ внутри союза уничтожится. Одно *соглашеніе* (consensio) о взаимной помощи не даетъ членамъ союза никакой гарантіи (securitas) того, что между ними будутъ соблюдаемы законы природы; необходимо еще кое-что, что помѣшало бы имъ поднимать вражду и расходиться всякій разъ, когда частная польза каждаго изъ нихъ не будетъ совпадать съ общею пользой. Одного соглашенія мало, необходимо *единеніе*, необходимо единство воли въ тѣхъ вещахъ, которыя касаются мира и защиты. А достичь этого можно только тѣмъ, что каждый изъ членовъ подчинитъ свою волю волѣ одного или нѣсколькихъ лицъ, такъ что воля эта будетъ счи-

таться за волю всѣхъ, поскольку дѣло идетъ объ общемъ мирѣ. Такое подчиненіе можетъ быть установлено только договоромъ. Всѣ обязуются другъ передъ другомъ не сопротивляться [1]) волѣ того лица или собранія, которому всѣ подчиняются, т. е. не отказываться отъ употребленія своихъ силъ противъ кого бы то ни было. Каждый передаетъ, такимъ образомъ, опредѣленному лицу право на свои силы и способности, и это лицо получаетъ столько силы, что можетъ посредствомъ страха приводить отдѣльныхъ членовъ союза къ единству и согласію [2]).

Такое единеніе называется государствомъ, или гражданскимъ обществомъ (Societas civilis). Государство, слѣдовательно,

---

[1]) Въ этомъ вѣдь заключается существо всякаго договора; см. выше стр 53.

[2]) De cive V, 3: Cum ergo ad pacem conservandam necessarium sit legis naturalis exercitium; et ad legis naturalis exercitium necessaria sit *securitas*, considerandum est quid sit quod talem securitatem praestare possit..... Necessarium itaque est ad securitatem, quam quaerimus obtinendam, ut numerus eorum, qui in mutuam opem conspirant, tantus sit, ut paucorum hominum ad hostes accessio non sit ipsis conspicui momenti ad victoriam.—V, 4: Ex quo sequitur, *consensionem* plurium, (quae consistit in eo tantum, quod actiones suas, omnes ad eundem finem, et *bonum commune* dirigant) hoc est, societatem mutui tantum auxilii, non praestare consentientibus, sive socius, securitatem quam quaerimus, exercendi inter se ipsas leges naturae supra dictas; sed oportere amplius quiddam fieri, ut qui semel ad pacem et mutuum auxilium, causa *communis boni* consenserint, ne postea, cum *bonum* suum aliquod *privatum* a *communi* discrepaverit, iterum dissentiant, metu prohibeantur.—V, 6: Quoniam igitur *conspiratio* plurium voluntatum ad eundem finem non sufficit ad conservationem pacis, et defensionem stabilem, requiritur ut circa ea quae ad pacem et defensionem sunt necessaria, *una* omnium sit *voluntas*. Hoc autem fieri non potest, nisi unusquisque *voluntatem* suam, alterius *unius*, nimirum unius *hominis* vel unius *concilii voluntati* ita subjiciat, ut pro *voluntate* omnium et singulorum habendum sit, quicquid de iis rebus quae necessariae sunt ad pacem communem ille voluerit.—V, 7: *Voluntatum* haec *submissio* omnium illorum *unius hominis voluntati*, vel *unius concilii* tunc sit, quando unusquisque eorum unicuique caeterorum se pacto obligat ad non resistendum *voluntati* illius *hominis* vel illius concilii cui se submiserit, id est, ne usum opum et virium suarum .... contra alios quoscunque illi deneget. Vocaturque Unio.

есть личность, которой воля, по договору многихъ людей, *считается* волею всѣхъ, такъ что она можетъ пользоваться силами и способностями отдѣльныхъ лицъ для мира и общей обороны. Отъ союзовъ, возникающихъ въ его предѣлахъ, государство отличается тѣмъ, что ему подчиняются безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ (simpliciter et in omnibus rebus), такъ что съ нимъ невозможенъ никакой споръ и никакая тяжба.

Такимъ образомъ, необходимость государства объясняется *психологически*. Задача его—не удовлетвореніе разнообразнымъ потребностямъ человѣка (εὖ ζῆν) и не созданіе права: право, какъ принципъ, устанавливающій нравственный порядокъ, существуетъ и до государства, но въ силу присущихъ человѣку душевныхъ свойствъ, по причинѣ раздвоенности всей его духовной природы, оно не можетъ достичь своего назначенія. Моментъ возникновенія въ сознаніи идеи нормы отнюдь не совпадаетъ съ моментомъ замиренія житейскихъ отношеній [1]): право, само по себѣ, не въ состояніи установить миръ, который оно само-же предписываетъ, и котораго требуетъ. Оно есть созданіе разума, а воля человѣка подчиняется не только разуму, но и страстямъ; подчиняя себѣ разумъ, указывая ему различіе между правымъ и неправымъ, законъ природы нисколько еще не обезпечиваетъ себѣ дѣйствія на волю. Она остается открытой постороннимъ вліяніямъ. И имъ нужно противопоставить другія вліянія,—но того-же порядка. На волю нужно дѣйствовать страхомъ. Страхъ возбуждается сильной и прочной властью. Вотъ основаніе государства.

Изъ этого видно, что Гоббесъ не имѣетъ въ виду здѣсь

---

[1]) De cive V, 1; Ex quo intelligitur, leges naturales *non statim, ut cognitae sunt*, securitatem cuiquam praestare ipsas observandi.

историческаго происхожденія государства, онъ говоритъ не о томъ, какъ государство реально возникаетъ. Здѣсь объясняется лишь необходимость государства, и объясняется она изъ природы человѣка, взятаго внѣ условій пространства и времени. Вотъ почему договоръ, устанавливающій государственную власть, не слѣдуетъ понимать, какъ историческую форму образованія государственнаго порядка. Если воспользоваться терминологіей Канта, можно сказать, что договоръ въ теоріи Гоббеса есть принципъ регулятивный, а не конститутивный [1]). Въ § 12 главы V Гоббесъ раздѣляетъ всѣ государства по способу ихъ возникновенія на два вида—на государства патримоніальныя и политическія; первыя образуются естественнымъ путемъ изъ семейства, въ которомъ домохозяину принадлежитъ власть надъ дѣтьми и рабами [2]),—вторыя—путемъ договора отдѣльныхъ лицъ, соединяющихся для взаимной защиты и подчиняющихся добровольно общей власти. Это—чисто историческое различіе. Но, независимо отъ него, въ основѣ каждаго государства, какъ политическаго, такъ и патримоніальнаго, лежитъ договорное начало, и, по мысли Гоббеса, имъ только и можетъ быть объясненъ внутренній государственный порядокъ [3]). Государ-

---

[1]) Такое употребленіе этихъ терминовъ я заимствую у Liepmann'a: «Die Rechtsphilosophie des Jean Jacques Rousseau». Berl. 1898, стр. 44.

[2]) De cive V, 12: Prior modus initium habet a potentia naturali et dici potest *origo naturalis*; posterior a consilio et constitutione coeuntium, quae *origo ex instituto* est. Hinc est quod duo sint genera civitatum: alterum naturale, quale est Paternum et Despoticum; alterum institutivum, quod et *politicum* dici potest. — Ср. IX, 10: Pater-familias, liberi servique ejus, virtute imperii paterni, in unam personam civilem coaliti, Familia dicitur. Eadem, si multiplicatione prolis et servorum acquisitione numerosa fiat, ita ut sine belli incerta alea subjugari non possit, appelabitur Regnum *Patrimoniale*.

[3]) Тамъ же. Quod quamquam vi acquisitum differat a Monarchia institutiva origine et modo constituendi, constitutum tamen omnes easdem ha-

ство можетъ образоваться различными способами, но, разъ оно существуетъ, форма его образованія не имѣетъ никакого значенія для опредѣленія основъ и содержанія государственнаго права. Эту задачу можетъ выполнить лишь теорія договора.

Договоръ устанавливаетъ государство, но онъ не въ силахъ установить прочный юридическій порядокъ. Недостаточно, если всѣ соединяющіеся въ государство обѣщаютъ другъ другу исполнять законы, т. е. не убивать, не красть и т. д. Опытъ достаточно показываетъ, что такого рода договоры нисколько не обезпечиваютъ дѣйствительнаго исполненія законовъ [1]). Это обезпеченіе можетъ дать только независимая власть. Она опредѣляетъ наказанія за нарушеніе законовъ, и налагаетъ наказанія на провинившихся; ей принадлежитъ мечъ правосудія. Эта репрессія, строго и систематически примѣняемая, дѣлаетъ нарушеніе закона невыгоднымъ, и для человѣка является новый мотивъ подчинять свои дѣйствія закону. И такого рода организація принужденія [2]) составляетъ первѣйшую задачу и назначеніе государственной власти. Поэтому верховная власть составляетъ необходимый,

---

bet proprietates, et idem est utrobique imperii jus, ut non sit opus quidlibet de iis seorsim dicere.—IX, 12: in regno etiam patrimoniali eadem sunt jura, quae in institutivo.

[1]) De cive VI, 4: Ad securitatem hanc non sufficit, ut unusquisque eorum, qui in civitatem coalituri sunt, cum caeteris paciscatur,—vel verbis vel scripto, de non occidendo, non furando, et similibus legibus observandis. Manifesta enim omnibus est ingenii humani pravitas, et experientia nimis cognitum, quam parum, amota poena, conscientia promissorum homines in officio contineantur. Securitati itaque, non *pactis*, sed *poenis* providendum est.

[2]) De cive VI, 6: Qui enim poenas suo arbitrio jure sumit, jure omnes *cogit* ad omnia, quae ipse vult; quo imperium majus excogitari nullum potest.—Въ дальнѣйшемъ слово «принужденіе» будетъ употребляться именно въ этомъ смыслѣ.

существенный признакъ въ понятіи государства. Можно сомнѣваться, кому принадлежитъ власть въ данномъ государствѣ, въ тотъ или иной моментъ его жизни, во время возстанія, междоусобія и т. п.; но нельзя сомнѣваться въ существованіи абсолютной власти во всякомъ государствѣ. Безъ власти нѣтъ государства. Съ ея уничтоженіемъ все возвращается снова въ естественное состояніе, права снова становятся необезпеченными, и законъ теряетъ свою опредѣленность. Конечно, все имѣетъ свою оборотную сторону. Носители верховной власти, говоритъ Гоббесъ, очень часто пользуются ею для собственной пользы, а не для общаго блага, и это заставляетъ многихъ относиться отрицательно къ самому существу власти и искать такой формы государственнаго устройства, которая давала бы возможность обойтись безъ нея.

Но кромѣ организаціи принужденія верховная власть выполняетъ еще и другія функціи; главнѣйшая изъ нихъ есть законодательство.

Задача государства—установленіе мира; но устанавливать миръ не значитъ только подавлять раздоры, разбирать тяжбы и налагать наказанія. Гораздо важнѣе предупреждать возникновеніе раздоровъ и несогласій между гражданами. Раздоры-же возникаютъ оттого, что люди расходятся между собой въ мнѣніяхъ о «моемъ» и «твоемъ», справедливомъ и несправедливомъ, добромъ и зломъ, честномъ и безчестномъ. Поэтому, задача государственной власти дать для всѣхъ общія правила или мѣрки, которыя помогли бы разобраться во всѣхъ этихъ понятіяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлили бы, что́ слѣдуетъ дѣлать, и чего не слѣдуетъ. Такія правила называются гражданскими или государственными законами.

Ихъ можно опредѣлить, какъ велѣнія того, кто обладаетъ въ государствѣ верховной властью [1]).

Каково-же отношеніе нормъ позитивнаго права [2]) къ законамъ природы? Отношеніе это представляется различнымъ, смотря по тому, будемъ-ли мы разсматривать законы со стороны формальной или со стороны ихъ содержанія.

Разсматриваемые съ формальной стороны, законы природы являются или совѣтами благоразумія, направляющаго человѣка къ полезному,—но тогда они не имѣютъ никакой нравственной цѣны и никакой обязательности,—или въ нихъ можно видѣть велѣнія Божества. По мнѣнію Гоббеса, только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и можно говорить о законахъ природы. Съ этой точки зрѣнія, нормы позитивнаго права представляются первыми въ логическомъ порядкѣ и даже *единственными* человѣческими законами. «Весь человѣческій законъ, говоритъ Гоббесъ [3]), есть законъ гражданскій». Человѣческій законъ — это, значитъ, законъ, творимый человѣкомъ, исходящій изъ видимаго для всѣхъ источника и познаваемый естественными для человѣка средствами. И такимъ закономъ можетъ быть только законъ государственный. Ибо законъ природы черпаетъ основанія своей обязательности въ сверхъестественномъ началѣ, и признаніе его предполагаетъ наличность вѣры.

Со стороны-же содержанія, законъ гражданскій предста-

---

[1]) De cive VI, 9: Regulae autem, sive mensurae illae, vocari solent *leges civiles* sive *leges civitatis*, ut quae ejus, qui summum in civitate imperium obtinet, sunt mandata. Et leges civiles (ut eas definiamus) nihil aliud sunt, quam ejus, qui in civitate summa potestate praeditus est, de civium futuris actionibus mandata.

[2]) Терминъ «позитивный» у Гоббеса De cive XIV, 4 и въ Левіаѳанѣ, гл. 26 стр. 132.

[3]) Humana lex omnis civilis est. De cive XIV, 5.

вляется не чѣмъ инымъ, какъ разъясненіемъ, дополненіемъ и подтвержденіемъ закона природы.

Законы природы запрещаютъ воровство, убійство и т. п., но они не опредѣляютъ и не могутъ опредѣлить, что такое воровство, и что такое—убійство. Ибо не всякое похищеніе, но лишь похищеніе чужой вещи будетъ воровствомъ, и точно также не всякое лишеніе жизни подойдетъ подъ понятіе убійства, но лишь такое, которое запрещено закономъ даннаго государства; убійство, напр., на войнѣ или въ состояніи необходимой обороны не считается преступленіемъ. Прелюбодѣяніе предполагаетъ опредѣленными признаки законнаго брака. Соблюденіе договора можетъ быть обязательно только тогда, когда самый договоръ заключенъ правильно, безъ нарушенія установленныхъ условій [1]). Поэтому, чтобъ исполнять законы природы, нужно знать, что—мое, и что—чужое, въ какихъ предѣлахъ дозволена оборона, и въ какихъ нѣтъ. Опредѣленіе этого есть задача и содержаніе позитивнаго права. Такъ, законы государства опредѣляютъ, что̀ есть собственность, и что̀ принадлежитъ на правѣ собственности отдѣльнымъ гражданамъ, ибо собственность возникаетъ только въ государствѣ, вмѣстѣ съ его возникновеніемъ, въ состояніи-же чистой природы все общее, т. е. не принадлежитъ никому

---

[1]) Furtum, homicidium, adulterium, atque injuriae omnes legibus naturae prohibentur. Caeterum quid in cive furtum, quid homicidium, quid adulterium, quid denique injuria appellandum sit, id non naturali, sed civili lege determinandum est. Non enim omnis ablatio rei, quam alter possidet, sed rei alienae tantum, furtum est. Quid autem nostrum est, quid alienum, legis civilis quaestio est. Similiter non omnis occisio hominis homicidium est, sed ejus tantum, quem occidere vetat lex civilis; neque omnis concubitus adulterium est, sed is tantum, quem leges civiles prohibent.... Recte item ubique occiditur, quem bello vel necessitate propriae defensionis occidimus. Similiter qui concubitus in una civitate matrimonium est, in alia adulterium judicabitur, et e converso. (De cive VI, 16).

въ особенности [1]). То же нужно сказать о бракѣ, объ убійствѣ, о договорѣ. Законъ государства представляетъ изъ себя необходимое условіе для исполненія закона природы и, слѣдовательно, необходимое условіе, при которомъ только и получаетъ смыслъ самое существованіе закона природы [2]). Ибо до государства дѣйствіе этого закона парализуется именно тѣмъ, что каждый понимаетъ опредѣленія его по своему и незамѣтно для себя или подъ вліяніемъ страстей подставляетъ подъ нихъ такія понятія, при которыхъ норма закона получаетъ наиболѣе выгодный для него смыслъ. Государство-же устанавливаетъ одинаковое, обязательное для всѣхъ пониманіе закона природы и поясняетъ признаки, входящіе въ опредѣленіе его понятій.

Поэтому, говоритъ Гоббесъ, объемы закона природы и нормъ позитивнаго права совершенно совпадаютъ. Ибо первые только въ государствѣ становятся дѣйствительно законами, именно какъ велѣнія верховной власти, которая даетъ

---

[1]) De cive VI, 15: ante constitutionem civitatis omnia omnium sunt, neque est quod quis ita suum esse dicat, quod non alius quilibet idem eodem jure vendicet pro suo.. . sequitur proprietatem initium sumsisse cum ipsis civitatibus..

[2]) Это касается одинаково и христіанскаго государства: Jubet ergo lex Christi, circa occisionem, et proinde etiam circa omnem laesionem hominis et circa poenas statuendas, soli civitati obedire. Similiter praecepto, *non moechabere*, non prohibetur omnis concubitus, sed tantum cum *alrena*; quae vero *alrena* est, judicatio ad civitatem pertinet, et per regulas quas praescribet civitas determinanda est. Imperatur ergo praecepto hoc mari et foeminae, servare fidem, quam dederint mutuo, ex praescripto civitatis.....Cum autem natura justitiae in eo consistat, ut *suum* cuique tribuatur, manifestum est, ad civitatem pertinere etiam Christianam, quid sit justitia, et quid injustitia, sive peccatum contra justitiam, determinare.—De cive XVII, 10.— Ср. De cive XVII, 7, гдѣ говорится, что Христосъ не установилъ никакихъ новыхъ законовъ, ибо любовь къ ближнему есть законъ природы, lex naturalis, initium habens cum ipsa natura rationali.

имъ обязательную силу. Слѣдовательно, законъ природы долженъ въ каждомъ государствѣ составлять часть его законодательства. Но съ другой стороны, и гражданскій законъ есть часть закона природы, потому что такія положенія, какъ исполненіе договоровъ, воздаяніе каждому должнаго, составляютъ необходимыя условія обязательности всякаго гражданскаго закона. «Государственный и естественный законы не суть различные виды, но различныя части закона, изъ которыхъ одна, писанная, называется государственнымъ, а другая, неписанная,—естественнымъ» [1]).

Замѣчаніе это можетъ показаться не совсѣмъ яснымъ. Какимъ образомъ государственный законъ можетъ составлять часть закона естественнаго? Неужели все разнообразіе постоянно мѣняющагося законодательства, безразлично какого государства, можетъ быть уложено въ тѣсныя рамки «вѣчнаго и неизмѣннаго» закона природы? Неужели всѣ законы позитивнаго права, каковы бы они ни были, составляютъ только логическіе выводы изъ одного начала? Таковы неизбѣжныя сомнѣнія, которыя должны непремѣнно возникнуть при подобной постановкѣ вопроса. Но дѣло въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь предъ собой выраженіе, очевидно несоот-

---

[1]) The law of Nature and the civil law contain each other and are of equal extent.... The law of Nature therefore is a part of the civil law in all commonwealths of the world. Reciprocally also, the civil law is a part of the dictates of Nature. For justice, that is to say, performance of covenant, and giving to every man his own is a dictate of the law of Nature. But every subject in a commonwealth hath covenanted to obey the civil law; either one with another, as when they assemble to make a common representative, or with the represantative itself one by one, when subdued by the sword they promise obedience, that they may receive life; and therefore obedience to the civil law is part also of the law of Nature. Civil and natural law are not different kinds, but different parts of law... (Leviathan, гл 26, стр. 124).

вѣтствующее мыслямъ автора. Подъ государственными законами Гоббесъ разумѣетъ не законы какого-либо конкретнаго государства, но исключительно тѣ законы, которымъ люди обязаны повиноваться, какъ члены государства *вообще*, т. е. всякаго государства [1]). Это, слѣдовательно, нормы, которыя встрѣчаются во всякомъ законодательствѣ. А несомнѣнно, что во всякомъ законодательствѣ найдутся нормы, опредѣляющія понятія собственности и брака, и устанавливающія условія заключенія договоровъ. Безъ этихъ нормъ нѣтъ законодательства, и эти-то нормы только и имѣетъ въ виду Гоббесъ, оставляя прочія нормы на долю позитивнаго изученія права [2]). Но, конечно, и здѣсь нѣтъ неизмѣннаго и пребывающаго: не только различны понятія собственности и брака у различныхъ народовъ, но и у одного и тогоже народа они измѣняются съ теченіемъ времени. Неизмѣнно только одно: это—фактъ существованія такихъ опредѣленій. И въ этомъ смыслѣ, кажется, и слѣдуетъ понимать Гоббеса,—именно, что законъ государства, давая обязательныя для всѣхъ опредѣленія понятій, заключенныхъ въ законѣ природы, дѣлаетъ возможнымъ его примѣненіе. Съ другой стороны, если основывать обязательность гражданскихъ законовъ на договорѣ, то необходимо признать, что вся совокупность этихъ законовъ опирается косвенно на нормы законовъ природы, ибо только они устанавливаютъ обязательность этого договора. Такимъ образомъ, утвержденіе Гоб-

---

[1]) By «civil laws» J understand the laws that men are therefore bound to observe, because they are members, not of this or that commonwealth in particular, but of a commonwealth. (Leviathan, гл. 26). О разнообразіи позитивнаго права говорится напр. въ De homine, cap. XIII, 9; текстъ приведенъ выше на стр. 42 прим.

[2]) Тамъ-же.

беса, что законъ природы и законъ государства суть части одинъ другого, слѣдуетъ и можно понимать только въ смыслѣ утвержденія ихъ взаимной обусловленности.

Но этимъ однимъ не ограничивается ихъ взаимное отношеніе. Естественный законъ восполняетъ пробѣлы въ нормахъ позитивнаго права и служитъ опорнымъ пунктомъ при толкованіи его.

Обыкновенно, говоритъ Гоббесъ, различаютъ букву и смыслъ закона, и различіе это вполнѣ правильно, потому-что почти каждое слово имѣетъ нѣсколько значеній, и изъ всѣхъ значеній нужно выбрать то, которое имѣлъ въ виду законодатель, и которое наиболѣе соотвѣтствуетъ его намѣреніямъ. Это, въ особенности, трудно при неудачной редакціи закона. Но всегда нужно предполагать, что намѣреніе законодателя соотвѣтствуетъ справедливости, ибо обратное предположеніе было бы для него оскорбительно. Поэтому, если буква закона не даетъ возможности постановить разумный приговоръ (a reasonable sentence), необходимо дополнить законъ государственный закономъ природы. Гоббесъ приводитъ такой примѣръ. Законъ гласитъ, что тотъ, кого силой выгнали изъ его дома, долженъ силой-же быть водворенъ въ собственномъ жилищѣ. Положимъ, что кто-нибудь по небрежности оставилъ свой домъ открытымъ и, возвратившись, засталъ тамъ чужихъ людей, которые его и не пускаютъ; на такой случай нѣтъ спеціальнаго закона, но ясно, что онъ вообще закономъ предусмотрѣнъ, ибо иначе нарушенное право должно было бы оставаться не возстановленнымъ,—что, конечно, не согласуется съ намѣреніями законодателя. Поэтому судья долженъ дополнить приведенную норму сообразно съ естествен-

ной справедливостью [1]). Въ другомъ мѣстѣ Гоббесъ замѣчаетъ: такъ какъ невозможно установить такія общія правила, на основаніи которыхъ можно было бы разрѣшать всѣ будущіе споры, то признается, что въ случаѣ, не предусмотрѣнномъ писанными законами, нужно слѣдовать закону естественной справедливости (legem aequitatis naturalis), которая велитъ воздавать равное равнымъ; этого требуетъ самъ государственный законъ, ибо онъ наказываетъ тѣхъ, кто нарушаетъ законы природы (De cive XIV, 14). Это—то, что называется примѣненіемъ закона по аналогіи.

Изъ того, что законъ природы, который есть вѣчный законъ Бога, не можетъ быть никѣмъ отмѣненъ, слѣдуетъ, что только то толкованіе государственнаго закона можетъ быть принято, которое согласуется съ естественной справедливостью (natural equity). Такъ, напримѣръ, несправедливо наказывать невинныхъ; поэтому, говоритъ Гоббесъ, нельзя принять мнѣніе тѣхъ юристовъ, которые утверждаютъ, что по англійскимъ законамъ лицо, подозрѣваемое въ измѣнѣ и бѣгствомъ спасшееся отъ суда, должно быть лишено всего своего имущества, хотя бы виновность его не была доказана. Законъ стѣсняетъ свободу передвиженія только для преступниковъ; слѣдовательно, бѣгство лица, преступность котораго еще не доказана, не можетъ служить презумпціей его виновности [2]).

---

[1]) Leviathan, гл. 26, стр. 130: the intention of the legislator is always supposed to be equity: for it were a great contumely for a judge to think otherwise of the sovereign. He ought therefore, if the word of the law do not fully authorize a reasonable sentence, to supply it with the law of Nature; or if the case be difficult, to respite judgement till he have received more ample authority.

[2]) Тамъ-же, стр. 129.

Всѣ государственные законы, по различію содержанія (pro diversitate subjectae materiae), раздѣляются на церковные (sacrae, quae et ecclesiasticae dicuntur) и свѣтскіе (seculares). Но такъ какъ верховная власть преслѣдуетъ двѣ цѣли—установленіе права и принужденіе, то во всякомъ законѣ, независимо отъ его содержанія, есть двѣ части: распредѣлительная, или дистрибутивная и уголовная (distributiva—vindicativa). Дистрибутивная устанавливаетъ общія правила, которыя опредѣляютъ, что принадлежитъ мнѣ, и что—другимъ, чѣмъ я могу безпрепятственно пользоваться, что можно дѣлать, и чего нельзя; въ уголовной же опредѣляются наказанія для тѣхъ, кто нарушаетъ законъ[1]). Это—не виды юридическихъ нормъ, но необходимыя составныя *части* каждой юридической нормы[2]). Ибо задача каждаго закона—установленіе границъ дозволеннаго и недозволеннаго, но задача эта останется совершенно невыполненной, если не будетъ установлено наказанія, которое обезпечивало бы соблюденіе закона. Если законъ указываетъ способы пріобрѣтенія права собственности, но не облагаетъ наказаніемъ нарушенія этого права, то какой смыслъ въ законѣ? Такой государственный законъ ничѣмъ не отличался бы отъ закона естественнаго и, слѣдовательно, такъ-же плохо служилъ бы установленію мира, какъ и тотъ. Санкція есть настолько необходимая принадлежность нормы, что тамъ,

[1]) De cive XIV, 6: Rursus lex civilis pro duobus legislatoris officiis quorum alterum est judicare, alterum cogere, ut judiciis acquiescant, duas habet partes, alteram *distributivam*, alteram *vindicativam* sive poenariam. Distributiva est, qua jus suum cuique distribuitur, hoc est, quae regulas omnium rerum constituit, quibus sciamus, quid nobis, quid aliis proprium sit, ita ut nos nostris uti et frui alii non impediant..... Vindicativa est, qua, quae poenae sumendae sunt de iis qui legem violant, definitur. Ср. Lev. стр. 132.

[2]) Distributiva autem et vindicativa non sunt duae legum species, sed ejusdem legis duae partes (De cive XIV, 7).

гдѣ вовсе не указано наказанія, нужно предположить наказаніе произвольное, опредѣляемое на каждый случай особо. Ибо безполезенъ законъ, который можно безнаказанно нарушить: frustra enim est lex, quae impune violari potest[1]).

Уголовная репрессія есть то, что отличаетъ государственный законъ отъ закона природы; она составляетъ тотъ придатокъ, который дѣйствуетъ на психику человѣка и заставляетъ его соблюдать законъ. Но не въ этомъ заключаются основанія его обязательности.

Законъ есть велѣніе верховной власти. Изданіе законовъ есть одна изъ самыхъ существенныхъ ея функцій; если отнять эту функцію, власть не только потеряетъ все свое значеніе, но она фактически перестанетъ существовать[2]). Поэтому, основанія обязательности закона слѣдуетъ искать въ томъ-же самомъ, что кладетъ начало и основанію власти и что заставляетъ подданныхъ подчиняться всѣмъ ея дѣйствіямъ, т. е. въ договорѣ. Только изъ договора, предшествующаго образованію государства, можно объяснить себѣ, почему подданные обязаны исполнять велѣнія суверена, ибо въ самой природѣ основанія для этого отыскать нѣтъ возможности; по природѣ всѣ люди равны, и если кто властвуетъ надъ другими, то это власть чисто фактическая, опирающаяся на личное превосходство, а не на сознаніе обязанности. Но если обязанности подчиненія власти соотвѣтствуетъ на сторонѣ этой власти право требовать себѣ повиновенія, то такое юридическое

---

[1]) Тамъ-же, § 8.

[2]) Не слѣдуетъ забывать, что Гоббесъ опредѣляетъ законъ, не какъ *общее* велѣніе, а просто какъ велѣніе верховной власти. Впрочемъ, объ эдиктахъ и декретахъ онъ говоритъ въ De cive XIV, 13, о постановленіяхъ самоуправляющихся союзовъ (constitutiones urbium et societatum) — cap. XIV, 3.

отношеніе можетъ вытекать только изъ договора и ни изъ чего иного. Ибо только договоръ, какъ мы видѣли [1]), устанавливаетъ *право*, т. е. обязанность другой стороны не сопротивляться опредѣленнымъ дѣйствіямъ управомоченнаго.

Изъ этого общаго основанія Гоббесъ выводитъ, затѣмъ, *условія* обязательности каждаго отдѣльнаго закона. Если основаніе своей обязательности законъ носитъ въ самомъ себѣ, то и условія, при которыхъ эта обязательность наступаетъ, должны заключаться въ самомъ понятіи закона. Законъ есть велѣніе верховной власти. Поэтому для обязательности закона нужно, чтобъ въ сознаніе подданнаго вошло содержаніе нормы, и при томъ, чтобъ норма мыслилась, какъ исходящая отъ верховной власти. Знать законъ и знать, кто его издалъ,— вотъ что Гоббесъ выставляетъ, какъ необходимое условіе дѣйствія закона и даже его существованія; ибо норма, не вошедшая въ сознаніе, не есть вовсе норма.

Для существа закона, говоритъ Гоббесъ, необходимо, чтобы гражданамъ стали извѣстны двѣ вещи: во-первыхъ, какое лицо или какое собраніе имѣетъ верховную власть т. е. право издавать законы, и во-вторыхъ, что́ говоритъ самый законъ. Кто не знаетъ, кому онъ обязанъ, или къ чему онъ обязанъ, тотъ не можетъ повиноваться и потому какъ-бы вовсе не обязанъ (acsi non teneţur). «Я не говорю, прибавляетъ Гоббесъ, что для существа закона необходимо, чтобы то и другое постоянно сознавалось (perpetuo cognitum), но нужно только, чтобъ оно хоть однажды было сознано (semel cognitum); такъ что, если потомъ гражданинъ и забудетъ о правѣ, которымъ обладаетъ тотъ, кто издаетъ законъ, или о самомъ законѣ,

---

[1]) Выше стр. 53 и 62—64.

то это уже не мѣшаетъ ему быть обязаннымъ повиноваться, такъ какъ онъ можетъ припомнить, было-ли у него желаніе повиноваться (voluntas obediendi), какъ того требуетъ естественный законъ» [1]).

Знаніе законодателя зависитъ отъ самого гражданина, ибо безъ его собственнаго согласія и договора — явнаго или подразумѣваемаго — никому не могло быть сообщено право законодательства [2]). Согласіе бываетъ явнымъ, когда граждане съ самаго начала соглашаются между собой о формѣ правленія (forma regendae civitatis), или когда они по своему обѣщанію подчиняются чьему-нибудь господству; напротивъ, согласіе только подразумѣвается, когда люди просто пользуются покровительствомъ какой-нибудь власти и ея законовъ для защиты себя отъ кого-нибудь другого. Ибо изъ того, что люди подчиняются власти для собственнаго блага, нужно заключить, что эту власть они считаютъ законной [3]). Наоборотъ, знаніе законовъ зависитъ отъ законодателя: на его обязанности лежитъ обнародованіе закона (promulgatio legis), ибо законъ не обнародованный не есть вовсе законъ (aliter non sunt leges). Промульгація заключаетъ въ себѣ двѣ части: въ первой указывается, что издатель закона имѣетъ собственное или переданное ему право законодательства, во второй—излагается самое содержаніе закона. Но, строго говоря, убѣдиться въ томъ, что данные законы исходятъ отъ суверена, могутъ очень немногіе — только тѣ, кто слышитъ о нихъ изъ соб-

---

[1]) De cive XIV, 11.

[2]) Cognitio legislatoris dependet ab ipso cive; nam sine consensu et pacto suo proprio, vel expresso, vel subaudito jus legislationis conferri in neminem potuit (XIV, 12),

[3]) Тамъ-же.

ственныхъ устъ суверена; остальные-же заключаютъ объ этомъ лишь съ нѣкоторой вѣроятностью: они *вѣрятъ*, что законъ исходитъ отъ верховной власти [1]).

Все это очень хорошо разъясняетъ основную мысль Гоббеса. Для обязательности нормъ позитивнаго права совсѣмъ не нужно, чтобъ онѣ исходили отъ верховной власти—не въ этомъ центръ тяжести; нужно только, чтобъ онѣ представлялись сознанію, *какъ* исходящія отъ нея. Слѣдовательно, условія обязательности нормъ заключаются отнюдь не въ какихъ-нибудь внѣшнихъ фактахъ, а исключительно въ состояніи нашего сознанія. Вотъ почему Гоббесъ признаетъ, что законъ существуетъ только для тѣхъ, кто можетъ его сознавать; законъ необязателенъ для дѣтей, безумныхъ, сумасшедшихъ. Эти разряды людей такъ-же мало могутъ воспринимать велѣнія государства, какъ и животныя; нарушеніе ими закона признается извинительнымъ, потому-что законъ для нихъ, собственно, вовсе не есть законъ [2])

---

[1]) In promulgatione autem duo constare debent, quorum alterum, est ut is vel ii, qui legem promulgant, vel habeant ipsi jus legislationis, vel id faciant autoritate ejus vel eorum, qui habent. Alterum est ipsa legis sententia. Primum autem quod leges promulgatae procedant ab eo qui summum habet imperium, constare, hoc est scire accurate et philosophice loquendo non potest, nisi ab iis qui ab ore ipsius imperantis eas accipiunt; caeteri credunt; sed credendi rationes tantae sunt, ut non credere vix sit possibile. (De cive XIV, 13).

[2]) Leviathan, гл. 26, стр. 126 the command of the commonwealth is law only to those, that have means to take notice of it. Over natural fools, children, or madmen, there is no law, no more than over brute beasts nor are they capable of the title of just or unjust; because they had never power to make any covenant, or to understand the consequences thereof, and consequently never took upon them to authorize the actions of any sovereign, as they must do that make to themselves a commonwealth. And... every man from whom any accident .. hath taken away the means to take notice of any particular law, is excused if he observe it not, and, to speak properly, that law is no law to him.

Несомнѣнно, что это—пунктъ чрезвычайно важный, передъ которымъ останавливалось большинство теорій, не находя сколько-нибудь удовлетворительнаго разъясненія этого вопроса. Почему законъ обязателенъ? Въ силу договора. Но тогда онъ необязателенъ для лицъ недѣеспособныхъ, которыя не могутъ участвовать въ заключеніи договоровъ. Гоббесъ такъ и говоритъ: если недѣеспособный совершитъ преступленіе, онъ не подлежитъ наказанію, *потому что* онъ не заключалъ договора и, значитъ, закона для него не существуетъ. Но это—отвѣтъ далеко неполный. Кромѣ уголовнаго права есть цѣлый рядъ другихъ юридическихъ отношеній. Дѣти подчиняются власти родителей, ихъ личность и имущество подлежатъ опекѣ сумасшедшихъ лишаютъ свободы, подвергаютъ принудительному лѣченію и т. д. И все это на основаніи законовъ, на которые эти лица не давали своего согласія, ибо предполагать молчаливое согласіе на сторонѣ сумасшедшаго, который энергично сопротивляется, когда его отправляютъ въ желтый домъ, бѣжитъ изъ него, и котораго туда опять насильно водворяютъ,—было бы грубой несообразностью. Безсиліе договорной теоріи кажется тутъ вполнѣ очевиднымъ.

Какъ-же поступаетъ Гоббесъ? Не видитъ онъ вовсе этихъ затрудненій, или онъ просто обходитъ ихъ молчаніемъ? Прямого и рѣшительнаго отвѣта мы не найдемъ въ его теоріи, но онъ даетъ очень хорошее косвенное рѣшеніе вопроса. Въ § 20, гл. XIV De cive онъ разсматриваетъ природу преступленія, называемаго «оскорбленіемъ величества» (crimen laesae majestatis). Подъ этимъ именемъ разумѣется дѣйствіе подданнаго, которымъ онъ объявляетъ, что не желаетъ больше повиноваться тому лицу, которому поручена высшая въ государствѣ власть. Это заявленіе можетъ implicite заключаться

въ какомъ-нибудь поступкѣ, напр. въ государственной измѣнѣ, цареубійствѣ и т. п., но можетъ быть и такъ, что кто-нибудь открыто проповѣдуетъ, что верховной власти не слѣдуетъ повиноваться вообще или въ извѣстныхъ случаяхъ, что она не имѣетъ права объявлять войну, заключать миръ, призывать подданныхъ на военную службу, устанавливать подати, избирать министровъ, издавать законы, налагать наказанія и т. п. Преступленіе этого рода отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что здѣсь человѣкъ нарушаетъ не одинъ какой-нибудь законъ, а всѣ законы заразъ. Если даже онъ отрицаетъ у верховной власти одно какое-нибудь полномочіе, то онъ отрицаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ другія полномочія, потому-что верховная власть недѣлима: кто не можетъ издавать законы, тотъ не можетъ и собирать подати, и наоборотъ; отвергая же верховную власть, гражданинъ, очевидно, нарушаетъ первоначальный договоръ подчиненія, на которомъ основывается обязательная сила всего позитивнаго права, и который составляетъ начало всей государственной жизни. Обязанность повиновенія первѣе всѣхъ государственныхъ законовъ; поэтому, нарушеніе этой обязанности—оскорбленіе величества — есть нарушеніе не государственнаго, а естественнаго закона—того закона, который предписываетъ исполненіе договоровъ. Измѣнники и бунтовщики повсюду подвергаются наказаніямъ; однако — на основаніи какихъ законовъ? Наказывать ихъ въ силу велѣнія государственныхъ законовъ невозможно, потому что эти законы дѣйствуютъ только по отношенію къ тѣмъ, кто признаетъ ихъ обязательную силу, а они какъ-разъ эту силу-то у нихъ и отрицаютъ. Остается принять, поэтому, что преступники этого рода наказываются не на основаніи государственныхъ, а на основаніи естественныхъ

законовъ, не какъ дурные граждане, а какъ враги государства,—не по праву власти, а по праву войны [1]).

Отсюда съ значительной достовѣрностью можно заключить, какъ разрѣшилъ бы Гоббесъ тотъ вопросъ объ отношеніи государства къ лицамъ, неспособнымъ выражать свою волю,—къ дѣтямъ, сумасшедшимъ и т. п. Въ существѣ дѣла здѣсь нѣтъ большой разницы. Дѣти отдаются во власть родителей, которымъ они не обязывались подчиняться; власть эта регулируется законами, на которые они не давали своего согласія: опека блюдетъ имущество несовершеннолѣтнихъ, которые, быть можетъ, явно высказываютъ стремленіе къ безконтрольному, самостоятельному управленію своими дѣлами. Очевидно, они подчиняются велѣніямъ и дѣйствіямъ государственной власти не потому, что они обязались ей подчиняться, а потому, что они не могутъ ей не подчиняться. Въ основѣ ихъ подчиненія лежитъ не нравственный, а чисто физическій принципъ. И власть примѣняетъ къ нимъ извѣстныя нормы не въ силу принципа законности (позитивнаго права), а въ силу принципа самосохраненія (поддержанія внѣшняго и внутренняго мира) и естественной справедливости (aequitas, или lex naturalis)

Таковы формальныя условія обязательности закона. Но

---

[1]) De cive, cap. XIV § 20: manifestum est civem qui pacto generali obedientiae renunciaverit, omnibus simul legibus renunciare —§ 21: Peccatum autem id, quod per legem naturalem crimen laesae majestatis est, legis naturalis transgressio est, non civilis. Cum enim obligatio ad obedientiam civilem, cujus vi leges civiles validae sunt, omni lege civili prior sit,—sitque crimen laesae majestatis naturaliter nihil aliud, quam obligationis illius violatio; sequitur, crimine laesae majestatis violari legem quae praecessit legem civilem. nempe naturalem, qua prohibemur violare pacta et fidem datam.—§ 22: Sequitur ex hoc, puniri rebelles, proditores et caeteros laesae majestatis convictos, non jure civili, sed naturali, hoc est, non ut cives malos, sed ut civitatis hostes, nec jure imperii sive dominii, sed jure belli.

можетъ-ли законъ, удовлетворяющій всѣмъ формальнымъ требованіямъ, быть все-таки необязательнымъ по своему содержанію? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не отличается у Гоббеса большой ясностью. Общая формула отвѣта такова: никого нельзя обязать, чтобъ онъ желалъ своей смерти, а еще менѣе—обязать къ тому, что тяжелѣе смерти. Поэтому, повелѣнія убить себя или правителя, или родителей можно не исполнять, ибо нельзя допустить, чтобы такія и имъ подобныя дѣйствія были поставлены въ государственномъ договорѣ. Есть много случаевъ, говоритъ Гоббесъ, когда какое-нибудь повелѣніе однимъ кажется безчестнымъ, а другимъ нѣтъ, и тогда одни могутъ повиноваться, другіе имѣютъ право не повиноваться, потому что абсолютное право государства остается неприкосновеннымъ: оно можетъ осуществить свою власть жизни и смерти по отношенію къ тѣмъ, кто отказываетъ ему въ повиновеніи [1]).

Выше смерти—спасеніе души, будущая жизнь. Поэтому государство, при существованіи естественной религіи, не можетъ устанавливать такіе религіозные обряды, которые противорѣчили бы общимъ понятіямъ о богопочтеніи [2]); точно также не слѣдуетъ повиноваться, если государство прямо прикажетъ оскорблять Бога или запретитъ почитать Его [3]).

---

[1]) De cive VI, 13.

[2]) De cive XV, 16: Actiones autem significant non ex constituto hominum, sed naturaliter, sicut effectus sunt signa suarum causarum, quarum quaedam semper signa sunt contemtus eorum coram quibus fiunt, nimirum quibus ostentatur corporis immundities et quaecunque pudet facere coram iis quos reveremur. Aliae semper sunt signa honoris, ut accedere, et alloqui decenter, et humiliter, cedere de via, vel de alio quocunque commodo. Nihil in his mutare civitas potest.

[3]) De cive XV, 18: Въ томъ-же параграфѣ читаемъ дальше: Deinde, si quaeratur, an obediendum civitati sit, si imperet aliquid dici, vel fieri,

То же самое говоритъ Гоббесъ и о христіанскомъ государствѣ: и тамъ возможно неповиновеніе, когда законы приходятъ въ столкновеніе съ заповѣдями Спасителя [1]). Но возможно-ли такое столкновеніе? Дѣло въ томъ, что Слово Божіе нуждается въ толкованіи; кому-же принадлежитъ оно? Оно не можетъ принадлежать отдѣльнымъ лицамъ, потому-что каждое отдѣльное лицо способно ошибаться и приписывать Слову Божію такой смыслъ, какого оно не имѣетъ [2]). Поэтому толкованіе принадлежитъ только верховной власти [3]), а если такъ, то очевидно, что коллизія между гражданскими законами и религіозными заповѣдями положительно невозможна. Всѣ велѣнія государства имѣютъ одинаково обязательную силу, потому-что единственно возможный опорный пунктъ для критики закона опредѣляется опять-таки государствомъ, и коллизія, съ точки зрѣнія Гоббеса, возможна лишь потенціально, въ дѣйствительности она невозможна, такъ какъ христіанское правительство, обязанное въ своей дѣятельности руководиться законами природы, будетъ толковать Писаніе, какъ источникъ этихъ

---

quod non est *directe* in Dei contumeliam, sed ex quo *per ratiocinationem* consequentiae contumeliosae possunt *derivari*; veluti si imperetur Deum colere sub imagine, coram iis, qui id fieri honorificum esse putant? Certe faciendum est.

[1]) De cive XVIII, 1: Siquidem enim mandatum Principis vel civitatis tale sit, ut obediri ei possit sine jactura salutis aeternae, injustum est non obedire .. Contra, si facere jusserint, quae puniuntur morte aeterna, insanum est, non potius mori mortem naturalem, quam obediendo mori in aeternum.

[2]) De cive XVII, 18· Neque interpres Scripturae canonicus unusquisque est, qui commentarios scribit. Possunt enim homines errare, possunt etiam eam vel ad ambitionem suam inflectere, vel in servitutem praejudiciis suis trahere etiam repugnantem: unde sequetur, habendam esse sententiam erroneam pro Verbo Dei

[3]) См. De cive XVII, 27, текстъ котораго приведенъ ниже Ср. Cap. XVI §§ 13—17 .и cap. XVII §§ 21—22, гдѣ доказывается, что толкованіе всегда принадлежало гражданской власти, и что civitas Christiana, idem quod Ecclesia Christiana.

законовъ. конечно, въ духѣ христіанства [1]). Пока правители объявляютъ себя христіанами, они не могутъ, не противорѣча себѣ, повелѣть гражданамъ отречься отъ Христа или совершить какой-нибудь поступокъ позорный для христіанина [2]). Противорѣчіе между свѣтскимъ и религіознымъ законодательствомъ можетъ возникнуть только въ томъ случаѣ, когда верховная власть находится въ рукахъ нехристіанина. Что-же дѣлать христіанину, если государь прикажетъ ему что-нибудь противное его религіи? Онъ не можетъ оказывать активное сопротивленіе, потому-что это противорѣчило бы государственному договору, но онъ долженъ не повиноваться, хотя бы ему пришлось идти за это на мученія [3]). Здѣсь Гоббесъ отдаетъ замѣтное предпочтеніе государственному закону, въ «Левіаѳанѣ» же первенство государственнаго закона провозглашается еще энергичнѣе. Тамъ высказывается мысль, что христіанинъ можетъ свободно исполнять всѣ велѣнія невѣрнаго государя и *вѣровать*, подобно Нееману Сиріянину, *только сердцемъ*. Государственный законъ, слѣдовательно, сохраняетъ обязательность независимо отъ своего содержанія [4]).

---

[1]) Это приводитъ къ неизбѣжному кругу, но мы уже не можемъ поднимать вопросъ, откуда получился этотъ кругъ, т. е. по какимъ основаніямъ Гоббесъ вручилъ государству право толкованія: вытекаетъ-ли это изъ понятія законнаго порядка, или изъ соображеній государственной пользы, или изъ ученія о Церкви. Меньше всего имѣетъ за себя, кажется, второе предположеніе, но для насъ имѣютъ важность единственно тѣ выводы, которые приведены въ текстѣ.

[2]) De cive, Cap. XVIII art 13.

[3]) An principibus resistendum est, ubi obediendum non est? Minime sane; hoc enim contra pactum est civile. Quid ergo agendum? Eundum ad Christum per martyrium. (Тамъ-же).

[4]) Lev. ch, 42 стр. 226—227. Очевидно, различіе между De cive и «Левіаѳаномъ» не принципіальное (какъ думаютъ нѣкоторые), а лишь въ степени; что такъ нужно понимать Гоббеса, доказывается тѣмъ, что въ De Corpore politico (Part II ch. 6 § 14) изложеніе болѣе близкое къ «Левіа-

Законъ, однако, не есть единственный источникъ права въ государствѣ. Такими источниками являются еще обычай и естественный законъ [1]). Но между ними и закономъ есть существенное различіе въ формальныхъ условіяхъ дѣйствія.

Обычай (consuetudo) обязателенъ не въ силу давности, не потому, что опредѣленное дѣйствіе совершается въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, а только потому, что верховная власть молчаніемъ своимъ выражаетъ свое согласіе. Это ясно изъ того, что сила обычая прекращается, какъ скоро верховная власть нарушитъ молчаніе и выскажетъ свою волю по тому вопросу, котораго обычай касается. Поэтому, говоритъ Гоббесъ, если возникаетъ вопросъ о какомъ-нибудь правѣ, насколько оно предоставлено законами, то давность, сама по себѣ, не составляетъ еще презумпціи въ пользу права, и вопросъ долженъ быть рѣшенъ по соображеніямъ справедливости [2]). Замѣчаніе это, очевидно, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что при отсутствіи положительнаго закона обычай не всегда можетъ служить основаніемъ права; необходимо прежде убѣдиться, насколько самъ обычай соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости. Ибо съ незапамят-

---

ѳану», чѣмъ къ De cive. Если бы въ «Левіаѳанѣ» излагались болѣе позднія воззрѣнія Гоббеса, они не могли бы отразиться на De Corpore politico, написанн. раньше, чѣмъ De Cive. Во всякомъ случаѣ, разногласіе можетъ быть найдено лишь съ точки зрѣнія религіозной и церковной, но не съ юридической и государственной.

[1]) Объ эдиктахъ и декретахъ см. De cive XIV, 13.

[2]) When long use obtaineth the authority of a law, it is not the length of time that maketh the authority, but the will of the sovereign signified by his silence, for silence is sometimes an argument of consent; and it is no longer law, than the sovereign shall be silent therein. And therefore if the sovereign shall have a question of right grounded, not upon his present will, but upon the laws formerly made; the length of time shall bring no prejudice to his right; but the question schall be judged by equity (Lev. гл. 26, п. 3, стр. 124). Ср. De cive XIV, 15.

ныхъ временъ совершаются неправильныя дѣйствія и произносятся неправильные приговоры.

Что касается науки права (scripta jurisprudentium), то она не имѣетъ никакого юридическаго значенія, исключая тѣхъ случаевъ, когда то или другое мнѣніе получаетъ санкцію закона [1]).

Естественный законъ, какъ мы уже видѣли выше, служитъ для восполненія государственнаго закона. Съ этой точки зрѣнія Гоббесъ раздѣляетъ всѣ государственные законы на писанные и неписанные, и естественный законъ относитъ ко второму разряду; такимъ образомъ, выходитъ, что естественный законъ есть видъ закона государственнаго, именно, поскольку онъ касается внѣшней дѣятельности, а не настроенія воли [2]). Но есть, кромѣ того, цѣлый кругъ отношеній, гдѣ естественный законъ является самостоятельнымъ источникомъ права, гдѣ имъ однимъ только опредѣляются и права, и обязанности. Это — отношенія государственной власти къ подданнымъ.

Правительство, обладающее верховной властью, не подчиняется государственнымъ законамъ, но оно обязано во всемъ повиноваться закону естественному, нравственному и божескому. А такъ какъ государство устанавливается ради мира, а къ миру стремятся потому, что видятъ въ немъ необходимое условіе благосостоянія, то всѣ обязанности правительства

---

[1]) De cive, XIV, 15.

[2]) Non scripta est ea, quae non alia indiget promulgatione praeter vocem naturae, sive rationem naturalem, quales sunt leges naturales. Lex enim naturalis, quamquam a civili distinguatur, quatenus voluntati praecipit, tamen quod ad actiones attinet, civilis est; exempli gratia, haec, *Non concupisces*, quae pertinet tantum ad animum, lex naturalis tantum est, haec vero, *Non invades*, et naturalis et civilis est (De cive XIV, 14).

сводятся къ обезпеченію народнаго блага; и то правительство, которое пользуется своей властью для другихъ цѣлей, нарушаетъ естественный законъ. Такимъ образомъ, всѣ требованія естественнаго закона, поскольку онъ касается верховной власти, могутъ быть выведены изъ основной нормы (pax quaerenda) и формулированы въ одномъ положеніи: Salus populi—suprema lex [1]). Естественный законъ, по Гоббесу, есть законъ вѣчный и неизмѣнный; поэтому, нормы, обязательныя для верховной власти, имѣютъ значеніе для всѣхъ государствъ и для всѣхъ временъ.

Но въ чемъ-же заключается народное благо, и каковы вытекающія изъ него отдѣльныя обязанности правительства?

Народное благо есть наибольшее благо наибольшаго числа гражданъ, а самое благо слѣдуетъ понимать, не какъ простое только сохраненіе жизни, но какъ жизнь, сколь возможно, счастливую. Поэтому, предержащія власти должны стараться дать гражданамъ, всѣмъ безъ изъятія, всѣ возможныя средства для лучшаго устроенія жизни [2]). Всѣ блага, потребныя

---

[1]) De cive XIII, 2: Imperantium autem officia omnia hoc uno dicto continentur: Salus populi suprema lex. Quamquam enim ii qui summum inter homines imperium obtinent, legibus proprie dictis, hoc est, hominum voluntati subjici non possunt, quia summum esse et alius subjici contradictoria sunt, officii tamen *eorum est, rectae rationi, quae lex est naturalis, moralis et divina, quantum possunt, in omnibus obedire.* Quoniam autem imperia pacis causa constituta sunt, et pax propter salutem quaesita, qui in imperio positus, eo aliter quam ad salutem populi uteretur, faceret contra pacis rationes, hoc est, contra legem naturalem.—Скорѣе изъ этого мѣста, чѣмъ изъ De cive V, 6, можно было бы вывести, что воля правителей не всегда есть воля государства, какъ это дѣлаетъ Rehm, Geschichte der Staatsrechtswissenschaft, 1896, стр. 248. Liepmann (Die Rechtsphilosophie des Jean Jacques Rousseau, 1898) понимаетъ это, напротивъ, такъ, что подданный всегда долженъ повиноваться, и никогда это повиновеніе не можетъ стать въ противорѣчіе съ естественнымъ закономъ, но что такое противорѣчіе вполнѣ возможно въ дѣятельности самого правительства (стр. 40).

[2]) Vita beata, jucundissime vivere (De cive XIII, 3 и 4).

гражданамъ, могутъ быть подведены подъ четыре категоріи: 1) защита отъ внѣшнихъ враговъ, 2) внутренній миръ, 3) богатство и 4) свобода. Больше этого государство не можетъ дать [1]). И сообразно этому, всѣ обязанности верховной власти могутъ быть сведены къ четыремъ группамъ.

1) Государства находятся между собой во враждебныхъ отношеніяхъ не только во время войны, но и во время мира; каждое изъ нихъ постоянно наблюдаетъ за всѣми дѣйствіями другого и степень своей безопасности измѣряетъ не количествомъ и важностью трактатовъ, а силами и планами противника. Поэтому для защиты государства нужно знать его силы и планы, а для этого нужно содержать достаточное количество агентовъ (exploratores),—и, во-вторыхъ, имѣть наготовѣ потребное количество войска [2]).

2) Внутреннему миру угрожаютъ, прежде всего, различныя ложныя ученія, напр., что верховная власть подчинена государственнымъ законамъ, что собственность гражданъ неприкосновенна для государства, что верховная власть можетъ быть раздѣлена и т. п. [3]). Долгъ правительства—искоренять всѣ такія ученія и давать гражданамъ правильныя понятія о существѣ государственнаго устройства и о правахъ верховной

---

[1]) De cive XIII, 6: Commoda civium, quae hanc tantum vitam spectant, in quatuor genera distribui possunt· 1. ut ab hostibus externis defendantur, 2. ut pax interna conservetur, 3. ut quantum cum securitate publica consistere potest, locupletentur, 4 ut libertate innoxia perfruantur. Amplius enim ad felicitatem civilem, quam ut a bello externo et civili tuti, opibus industria partis frui possint, summi imperatores conferre non possunt.

[2]) De cive XIII, 7 и 8.

[3]) См. De cive, гл. 12: «De causis internis civitatem dissolventibus». Ср. De cive XVII, 12: Errores autem, etiam circa Philosophica haec, aliquando nocent publice, magnarumque seditionum et injuriarum occasionem praebent. Oportet igitur, quoties repugnans bono publico, et paci communi controversia de his rebus oritur, esse aliquem qui de ratiocinatione, id est, an quod infertur, recte inferatur, sententiam ferat, ut controversia finiatur.

власти. При этомъ недостаточно издать законъ, запрещающій ложное ученіе,—страхомъ наказанія тутъ немного можно сдѣлать: нужно дѣйствовать убѣжденіемъ, а не силой. Правительство должно заботиться, чтобы во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподавались юношамъ элементы истинной государственной теоріи, которая такимъ путемъ войдетъ постепенно въ сознаніе всего населенія [1]). Важной причиной бунтовъ и возстаній является, затѣмъ, бѣдность — особенно, когда она обусловливается неправильнымъ распредѣленіемъ государственныхъ повинностей (onera civitatis). Когда весь народъ несетъ повинность, она не можетъ быть слишкомъ тяжела; но когда многіе отъ нея освобождаются, тогда остальнымъ становится невыносимо, и не столько трудно людямъ исполнять повинности, сколько терпѣть несправедливость въ ихъ распредѣленіи. Поэтому, для общественнаго спокойствія въ высшей степени важно (quietis publicae interest), чтобъ не было такихъ несправедливостей, и забота объ этомъ составляетъ обязанность верховной власти. Но равномѣрное распредѣленіе правъ есть требованіе естественнаго закона; слѣдовательно, и эта обязанность верховной власти вытекаетъ изъ естественнаго закона [2]).

---

[1]) De cive XIII, 9. Quoniam autem opiniones non imperando, sed docendo; non terrore poenarum, sed perspicuitate rationum animis hominum inferuntur, leges, quibus huic malo obviandum est, non in errantes, sed ipsos errores constituendae sunt.... Illic (in Academiis) fundamenta doctrinae civilis vera et vere demonstrata jacienda sunt, quibus imbuti adolescentes plebem postea privatim et publice instruere possint.—См. также Lev. гл. 30, стр. 153.

[2]) De cive XIII, 10. Lex autem naturalis est (per art. 15 cap. 3) unusquisque in jure alius distribuendo omnibus aequalem se praebeat; quare imperantes, ut onera civitatis civibus aequaliter imponant, lege naturali obligantur.—Въ слѣдующемъ параграфѣ Гоббесъ выясняетъ, какое именно распредѣленіе налоговъ слѣдуетъ считать наиболѣе справедливымъ.

Наконецъ, естественный законъ повелѣваетъ правительству искоренять всякія политическія партіи и смирять отдѣльныхъ особенно честолюбивыхъ лицъ, стремящихся къ власти [1]).

3) Богатство гражданъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ трехъ условій: отъ производительности природы, отъ труда и бережливости. Поэтому, на обязанности верховной власти лежитъ изданіе законовъ, поощряющихъ различныя прикладныя и чистыя науки (agricultura, mechanica, ars navigandi, scientiae mathematicae) и запрещающихъ чрезмѣрные расходы на пищу, одежду и вообще на предметы потребляемые (quae usu consumuntur [2]).

4) Подъ свободой въ государствѣ Гоббесъ разумѣетъ ту область, которая не затронута законами. Такъ какъ, говоритъ онъ, не всѣ дѣйствія гражданъ (actiones) предусмотрѣны законами, по причинѣ ихъ крайняго разнообразія, то остается безчисленное множество дѣйствій, которыя и не запрещены, и не предписаны; здѣсь каждый можетъ поступать по собственному усмотрѣнію. Въ этомъ и состоитъ свобода, и очевидно, чѣмъ меньше законодательныхъ опредѣленій, тѣмъ шире свобода гражданина. Но крайности и въ ту, и въ другую сторону одинаково нежелательны, ибо законъ имѣетъ своей задачей не подавить человѣческую дѣятельность, а только урегулировать ее, дать ей направленіе. Мѣра свободы опредѣляется благомъ гражданъ и всего государства. Люди производятъ оцѣнку своихъ поступковъ гораздо чаще по здравому смыслу, чѣмъ съ точки зрѣнія законовъ, поэтому, если законовъ будетъ такъ много, что ихъ нельзя даже всѣ запомнить, и они запрещаютъ такіе поступки, которые прямо не запрещены здра-

[1]) Та же глава, §§ 12 и 13.
[2]) Тамъ-же, § 14.

вымъ смысломъ, то ясно, что законъ будутъ нарушать по одному невѣдѣнію его, безъ всякаго злого умысла [1]). Поэтому, естественный законъ обязываетъ верховную власть не стѣснять свободы гражданъ чрезмѣрной регламентаціей.

Въ «Левіаѳанѣ» Гоббесъ, по этому же вопросу, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе. Суверенъ, говорится здѣсь, долженъ издавать хорошіе законы. Но что такое хорошій законъ? Это— не то же, что законъ справедливый, потому-что законъ вообще не можетъ быть несправедливъ; хорошій законъ тотъ, который необходимъ для блага суверена и народа. «Законы не необходимые суть дурные законы» [2]). Но законъ, кромѣ того, долженъ быть изложенъ въ понятной для каждаго формѣ и снабженъ мотивами, въ которыхъ выясняется цѣль законодателя и необходимость изданія новаго закона.

Свобода гражданина стѣсняется также и тогда, когда верховная власть присуждаетъ къ наказаніямъ болѣе высокимъ, чѣмъ тѣ, которыя опредѣлены за данное преступленіе въ уголовномъ законѣ [3]).

Такова довольно обширная область дѣйствія естественнаго закона въ государствѣ. Это законъ неписанный; откуда же узнаютъ о немъ граждане, и насколько обязателенъ онъ для

---

[1]) De cive XIII, 15: Quare contra officium eorum, qui imperant et legum ferendarum autoritatem habent, in primis est, ut plures leges sint, quam ad bonum civium et civitatis necessario conducat. Nam cum de eo, quod facere vel non facere debent, saepius per rationem naturalem, quam per scientiam legum homines deliberare soleant; ubi leges plures sunt, quam ut earum facile meminisse possimus, et per eas prohibentur ea, quae ratio per se non prohibet; necesse est, ut per ignorantiam, sine ulla prava intentione, incidant tamen in leges, tanquam in laqueos, contra libertatem innoxiam, quam imperantes civibus conservare lege naturali obligantur.

[2]) Lev. гл 30, стр. 158: Unnecessary laws are not good laws.

[3]) De cive XIII, 16 Также Lev. гл. 30, стр. 159.

судьи? Очевидно, нельзя предоставить всѣмъ и каждому ссылаться на норму естественнаго закона, т. е. на свой здравый разумъ; этимъ въ корнѣ подрывался бы авторитетъ позитивнаго права. Поэтому Гоббесъ признаетъ, что единственнымъ источникомъ познанія естественнаго закона являются судебныя рѣшенія; точно также и толкованіе его зависитъ единственно отъ судьи, который при этомъ нисколько не связанъ толкованіями моралистовъ и философовъ [1]). Впрочемъ, совершенно то же самое Гоббесъ говоритъ и о толкованіи закона государственнаго.

6.

Насколько разработано у Гоббеса понятіе закона, какъ источника объективнаго права, настолько же неполны, отрывочны и сбивчивы его воззрѣнія на право субъективное. Въ историко-философскихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ теоріямъ естественнаго права, обыкновенно говорится по этому вопросу

---

[1]) The interpretation of the laws of Nature in a commonwealth dependeth not on the books of moral philosophy. Lev. гл. 26 стр. 127—129. Ср. De cive гл. XIV, 13 и XV, 17: Concludi itaque potest, *legum naturalium*, tam sacrarum, quam secularium, regnante Deo per solam naturam, interpretationem dependere ab autoritate civitatis, hoc est, ejus hominis, vel curiae, cui concessum est summum civitatis imperium. Точно также толкованіе Св. Писанія принадлежитъ верховной власти, а не отдѣльнымъ гражданамъ: Ne vero ab arbitrio dependeat singulorum, prohibent inter alia, consequuntura inde incommoda et absurda. Quorum praecipuum est hoc, quod non modo omnis tolleretur (contra praeceptum Christi) obedientia civilis, sed etiam omnis societas et pax humana (contra leges naturales) dissolveretur. Cum enim Scripturam Sacram singuli interpretentur sibi, id est, unusquisque judicem se faciat, quid Deo placeat, quid displiceat, non ante Principibus obedire possunt, quam ipsi de mandatis eorum, utrum conformia sint scripturae necne, judicaverint. Atque sic vel non obediunt propter judicium proprium, hoc est, sibi obediunt, non civitati. Tollitur ergo obedientia civilis—De cive XVII, 27.

о прирожденныхъ правахъ и о томъ, что въ нѣмецкой литературѣ извѣстно подъ именемъ Reservatrechte. Но, во-первыхъ, и эти понятія у Гоббеса очень мало иллюстрированы, а во-вторыхъ, анализъ ихъ имѣетъ почти исключительно политическій интересъ. Самое большее,—онъ можетъ служить къ разъясненію природы государственнаго отношенія, какъ такового, но онъ ровно ничего не дастъ для *теоріи* субъективнаго права.

Мы видѣли, что въ состояніи чистой природы Гоббесъ признаетъ за каждымъ человѣкомъ безграничную свободу дѣйствія; но это—свобода не нравственная, а чисто физическая, ибо она не опирается ни на какой нравственный принципъ: человѣкъ можетъ дѣлать все, что хочетъ, именно потому, что у него нѣтъ идеи о томъ, что должно, и чего не должно. Гоббесъ самъ признаетъ, что эту естественную свободу никоимъ образомъ нельзя отождествлять съ субъективнымъ правомъ [1]). Право есть извѣстнаго рода нравственная возможность совершать опредѣленныя дѣйствія, опирающаяся на объективныя нормы; слѣдовательно, праву долженъ непремѣнно предшествовать другой фактъ сознанія: возникновеніе идеи нормы. Нормы говорятъ, что должно, и чего не должно дѣлать; косвенно, онѣ говорятъ о томъ, что можно дѣлать, и чего нельзя. *Должно* и *не должно* дѣлать то, что предписано и запрещено

---

[1]) Едва-ли этому противорѣчатъ слѣдующія строки изъ De cive, cap. XV § 7: Sunt autem *obligationis naturalis* duae species Una ubi libertas impedimentis corporeis tollitur; juxta quam coelum et terram et creaturas omnes communibus suae creationis legibus obedire dicimus. Altera ubi tollitur spe et metu; juxta quam, infirmior potentiori cui resistere se posse desperat, non potest non obedire. — Здѣсь обязанность, очевидно, смѣшивается съ физической необходимостью, а нравственный законъ—съ закономъ природы.

нормами; *нельзя* дѣлать того, что запрещено, и не дѣлать того, что предписано; *можно* дѣлать все то, о чемъ нормы умалчиваютъ, что въ нихъ вовсе не затронуто. Но есть-ли тутъ мѣсто субъективному праву? Это вопросъ чрезвычайно затруднительный. Есть-ли логическія основанія отождествлять область права съ тѣмъ, что *можно* дѣлать? Гоббесъ въ томъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, гдѣ онъ говоритъ объ этомъ, даетъ отвѣтъ отрицательный. Всякому праву онъ противополагаетъ обязанность, а тому, что человѣкъ можетъ дѣлать (не запрещенное и не предписанное), не соотвѣтствуетъ, очевидно, никакой обязанности на сторонѣ другого лица. Значитъ, это не есть право. Право возникаетъ только изъ договора. Въ договорѣ одна сторона отказывается въ пользу другой отъ нѣкоторой части своей свободы, т. е. обязуется совершать извѣстныя дѣйствія или воздерживаться отъ извѣстныхъ дѣйствій, о которыхъ естественный законъ ничего не говоритъ. Такая обязанность, не вытекающая непосредственно изъ закона, устанавливаетъ право на сторонѣ лица, въ пользу котораго совершенъ договоръ. Въ чемъ содержаніе этого права? Лицо управомоченное можетъ совершать опредѣленныя дѣйствія, которыя и раньше уже входили въ сферу его свободы; но разница та, что до возникновенія договора лицо, теперь обязанное, могло тѣмъ или инымъ способомъ помѣшать, воспрепятствовать ему на вполнѣ законномъ основаніи, такъ какъ объемъ свободы у всѣхъ одинаковъ. При существованіи же договора такія дѣйствія являются нарушеніемъ чужого права (injuria), а слѣдовательно, и противозаконными (injustitia). Таково краткое ученіе о субъективномъ правѣ въ состояніи природы.

Съ возникновеніемъ государства естественный законъ усту-

паетъ первое мѣсто закону, изданному верховной властью. Но измѣняется-ли отъ этого субъективное право? Гоббесъ совсѣмъ не касается этого вопроса. Изъ того, что онъ говоритъ объ отношеніи государственнаго закона къ закону естественному, можно было бы заключить, что въ государствѣ субъективныя права могутъ основываться не только на договорѣ, но и на самомъ законѣ безъ посредства какихъ-либо юридическихъ дѣйствій. Хотя онъ указываетъ, что «весь человѣческій законъ есть законъ государственный» (а съ различіемъ между человѣческимъ и божескимъ закономъ онъ не соединяетъ мысли о различіи между закономъ юридическимъ и нравственнымъ: объ этомъ различіи онъ нигдѣ не говоритъ, и можно даже думать, что оно осталось для него совсѣмъ неизвѣстнымъ), но, по мысли его, государственный законъ составляетъ необходимое условіе возможности исполненія закона природы: «не укради» возможно только тогда, когда извѣстно, что мое, и что чужое, и потому государственный законъ устанавливаетъ признаки собственности, способы ея пріобрѣтенія и т. д. Такимъ образомъ, повидимому, законъ непосредственно устанавливаетъ субъективное право, въ данномъ случаѣ — право собственности.

Но здѣсь возникаетъ вопросъ: есть-ли собственность, у Гоббеса, институтъ частнаго права, и есть-ли это вообще юридическій институтъ? Съ одной стороны, можетъ казаться несомнѣннымъ, что субъектомъ права собственности является у Гоббеса не отдѣльный гражданинъ, а все государство, какъ цѣлое. Объ этомъ онъ говоритъ въ § 15 гл. VI De cive. Глава эта называется: «О правѣ того собранія или человѣка, который обладаетъ въ государствѣ верховной властью»

(De iure ejus, sive Concilii, sive Hominis unius, qui in civitate cum summa potestate est), а параграфъ носитъ слѣдующее названіе: «Ни у кого нѣтъ никакой собственности по отношенію къ тому, кто имѣетъ верховную власть» (Nemini proprium esse quicquam contra illum, qui habet summum imperium); уже изъ этого одного можно заключить, что верховная власть есть истинный субъектъ права на тѣ вещи, которыя мы привыкли считать собственностью отдѣльныхъ лицъ. Въ самомъ же параграфѣ говорится вотъ что: собственность отдѣльныхъ гражданъ составляетъ то, на что не имѣетъ права ни одинъ изъ ихъ согражданъ, потому-что они связаны одними и тѣми-же законами; но у нихъ нѣтъ такой собственности, на которую бы не имѣлъ права тотъ, кто обладаетъ верховной властью, чьи велѣнія суть законы, въ чьей волѣ заключается воля отдѣльныхъ лицъ, кого отдѣльныя лица признаютъ верховнымъ судьей. Хотя государство многое дозволяетъ гражданамъ, и даже иногда можно вчинять искъ противъ обладающаго верховной властью, но такой искъ основывается не на правѣ (iuris civilis), а на естественной справедливости, и искъ этотъ — не о томъ, что по праву *можетъ* верховная власть, но о томъ, чего она хочетъ [1]).

Въ параграфѣ 7 главы XII Гоббесъ выставляетъ, какъ

---

[1]) Ex quo intelligitur, singulos cives suum sibi proprium habere, in quod nemo concivium suorum jus habet, quia iisdem legibus tenentur; non autem proprium ita habere quicquam, in quod non habeat jus ille, qui habet imperium summum, cujus mandata sunt ipsae leges, cujus voluntate voluntas singulorum continetur et qui a singulis constituitur judex supremus. Quamquam autem multa sint, quae civitas civibus permittit, ideoque aliquando contra habentem summum imperium lege agi possit: actio tamen ea *non est juris civilis, sed aequitatis naturalis,* neque agitur de eo, quod jure possit is, qui summum imperium habet, sed de eo, quod *voluit*...

противное даже государственному порядку, ученіе, что отдѣльнымъ гражданамъ принадлежитъ безусловное господство (absolutum dominium) надъ тѣми вещами, которыми они обладаютъ. Невѣрно, говоритъ онъ здѣсь, чтобы была такая собственность, которая исключала бы право другихъ на тѣ-же вещи и даже право самого государства. «Откуда у тебя собственность, какъ не отъ государства? А откуда она у государства, если не оттого, что каждый перенесъ на государство свое право? Поэтому, твое господство и твоя собственность такъ велики и длятся такъ долго, какъ этого хочетъ государство» [1]).

Нельзя сказать, чтобы мысль Гоббеса была вполнѣ ясна, и чтобы аргументація его отличалась особенной силой. Неизвѣстно, опирается-ли все это разсужденіе, какъ на свою большую посылку, на принципъ безотвѣтственности верховной власти и необязательности для нея ею-же самою изданныхъ законовъ, и не потому-ли у гражданъ нѣтъ собственности, что отнятіе ея со стороны власти не составляетъ правонарушенія? Правда, что въ примѣчаніи къ гл. VI, 15 онъ говоритъ, что возраженіе невозможно, когда государство требуетъ уплаты податей, но возможенъ споръ, когда оно требуетъ отъ гражданина уплаты долга [2]); но нельзя забывать,

---

[1]) Septima civitatibus adversa doctrina est, Civibus singulis earum rerum, quas possident, absolutum esse Dominium. Hoc est, proprietatem talem, quae jus caeterorum omnium, non modo concivium, sed etiam ipsius civitatis in easdem res excludit. Id quod verum non est.. Dic ergo, unde tibi proprietas haec, nisi a civitate? Unde autem civitati, nisi quod unusquisque jus suum in civitatem transtulisset? Et tu ergo tuum jus civitati quoque concessisti. Dominium ergo et proprietas tua tanta est, et tamdiu durat, quanta et quamdiu ipsa vult.

[2]) Cum itaque pecuniam duobus nominibus civitas a cive petere possit, nimirum ut tributum, vel ut debitum, in priore casu actio legis non conce-

что и на взиманіе податей онъ смотритъ, не какъ на актъ властвованія, а какъ на осуществленіе права. Поэтому строгаго различія здѣсь нѣтъ. Если же выходить изъ того положенія, что princeps legibus solutus est, то, очевидно, у гражданъ вовсе нѣтъ собственности, потому-что у нихъ нѣтъ и никакого права. Тогда верховное юридическое господство надъ всѣми вещами принадлежитъ государству, а на сторонѣ гражданъ—только владѣніе, которое неприкосновенно для третьихъ лицъ. И такое владѣніе *условно* называется собственностью. Посягательство на эту собственность со стороны частныхъ лицъ будетъ только нарушеніемъ закона и, пожалуй, правъ верховной власти, но никакъ не посягательствомъ на субъективное право собственника.

Возможно, однако, и другое толкованіе. Можно представлять себѣ дѣло такъ, что собственность есть право въ полномъ смыслѣ этого слова т. е. такая нравственная возможность пользоваться опредѣленнымъ благомъ, которой на сторонѣ *всѣхъ* другихъ лицъ соотвѣтствуетъ обязанность т. е. нравственная необходимость воздерживаться отъ опредѣленныхъ дѣйствій. Тогда посягательство на чужую собственность будетъ посягательствомъ на частныя права гражданина. Государство же можетъ отнимать собственность не въ силу своихъ правъ на нее, а въ силу своей безграничной власти. Такое толкованіе значительно приближало бы ученіе Гоббеса къ современной теоріи собственности; но ученіе его изложено настолько отрывочно и сбивчиво, что ни одно изъ этихъ толкованій не

---

ditur: nam quaeri non potest, an civitas tributi exigendi jus habeat: in secundo concediturr, propterea quod nihil vult auferre civitas a cive per calliditatem; et tamen, si opus est,—omnia aperte.

можетъ быть принято, какъ вполнѣ достовѣрное, а потому нѣтъ и никакого твердаго опорнаго пункта для опредѣленія связи между субъективнымъ правомъ и нормой государственнаго закона. Можно прибавить еще, что данныя въ пользу отрицательнаго рѣшенія этого вопроса находятся въ гл. III, 4 De cive, гдѣ говорится слѣдующее: если кто въ государствѣ нарушаетъ интересы лица, съ которымъ онъ не заключалъ никакого договора, онъ только наноситъ ему вредъ, нарушаетъ же при этомъ право только того лица, которое обладаетъ государственной властью [1]).

Въ связи съ этимъ стоитъ и другой вопросъ, до крайности трудный даже для современной науки. Это—вопросъ о томъ, считать-ли возможность совершать дѣйствія, не запрещенныя закономъ, субъективнымъ правомъ или сферой дѣйствій юридически-безразличныхъ.

Насколько вопросъ этотъ касается естественнаго состоянія, мы видѣли, что Гоббесъ скорѣе склоняется къ рѣшенію его во второмъ смыслѣ; но спрашивается: остается-ли въ силѣ это рѣшеніе, когда рѣчь идетъ о состояніи государственности? Въ приведенномъ уже однажды мѣстѣ гл. XIII, 15 De cive Гоббесъ говоритъ, что почти безчисленное количество дѣйствій законъ оставляетъ незапрещеннымъ и непредписаннымъ, и здѣсь каждый можетъ поступать по своему усмотрѣнію; «въ этихъ предѣлахъ каждый, какъ говорятъ, пользуется своей свободой, и въ этомъ смыслѣ и надо понимать здѣсь свободу,—именно, какъ ту часть естественнаго права, кото-

---

[1]) Sic quoque in civitate, si quis alicui noceat, quicum nihil pactus est, *damnum* ei infert cui malum; *injuriam* soli illi, qui totius civitatis potestatem habet.

рая оставлена и дозволена гражданамъ законами государства». Можно-ли на основаніи этого текста утверждать, что дѣйствія, не предусмотрѣнныя ни одной нормой закона — вродѣ приводимыхъ теперь въ примѣръ: ѣзды верхомъ, ношенія бѣлаго жилета и т. п.—Гоббесъ опредѣлялъ именно, какъ субъективныя права? [1]) Мнѣ кажется, что данныхъ для этого здѣсь нѣтъ. Здѣсь говорится только, что это есть остатокъ естественнаго права; но естественное право есть опять-таки право лишь по имени, потому-что это простая физическая возможность, не стѣсняемая никакими нравственными правилами. Оно было бы правомъ только въ томъ случаѣ, если бы въ опредѣленіи его—libertas facultatibus naturalibus secundum rectam rationem utendi—подъ recta ratio можно было разумѣть естественный законъ, какъ dictamen rectae rationis [2]). Но такъ какъ этого нѣтъ (законъ является въ сознаніи гораздо позже), то подъ естественнымъ правомъ слѣдуетъ разумѣть физическую свободу; ее можно было бы понимать, какъ свободу нравственную, если бы на сторонѣ всѣхъ другихъ гражданъ лежала обязанность соотвѣтственнаго содержанія. Но и объ этомъ Гоббесъ не говоритъ ровно ничего.

Остается указать еще на одинъ пунктъ въ ученіи о субъективномъ правѣ. Это вопросъ о томъ, можетъ-ли одно и то же лицо имѣть и право, и обязанность по отношенію къ одному и тому же объекту? Какъ извѣстно, совмѣщеніе права и обязанности въ одномъ лицѣ многіе теоретики считаютъ признакомъ, отличающимъ публичное право отъ

---

[1]) См. Thon, Rechtsnorm und subjectives Recht, стр. 292 и слѣд.; Jellinek, System der subjectiven offentlichen Rechte, стр. 47, 52 и др.

[2]) Таково, приблизительно, мнѣніе Кумберлэнда; см. ниже.

права частнаго. Какъ будто, того же мнѣнія держался и Гоббесъ. Въ началѣ 30 главы «Левіаѳана» онъ говоритъ: такъ какъ съ уничтоженіемъ существенныхъ правъ суверенитета государство распадается, и каждый возвращается въ состояніе войны со всякимъ другимъ—что есть величайшее зло въ этой жизни,—то на обязанности суверена лежитъ сохраненіе въ цѣлости этихъ правъ. Здѣсь осуществленіе права признается какъ бы обязанностью. Въ главѣ VI De cive перечисляются права верховной власти, между прочимъ—право суда, право вербовать войска, право цензуры; а въ главѣ XIII, гдѣ говорится объ обязанностяхъ верховной власти, разборъ тяжебъ, приготовленіе вооруженныхъ силъ и запрещеніе ложныхъ ученій разсматриваются, какъ обязанности. Но, какъ кажется, полнаго тождества здѣсь нѣтъ,—именно потому, что содержаніе права не совсѣмъ соотвѣтствуетъ содержанію обязанности. Право есть возможность совершенія опредѣленныхъ дѣйствій, обязанность есть необходимость дѣйствія, или воздержанія; уже по идеѣ своей онѣ не могутъ совпадать, и у Гоббеса обязанности верховной власти состоятъ не въ совершеніи тѣхъ дѣйствій, на которыя она имѣетъ право, а въ соблюденіи опредѣленныхъ условій при осуществленіи права; главное же—то, что въ гл. XIII, 1 De cive обязанности и права верховной власти совершенно ясно противополагаются однѣ другимъ: Apparent ex hactenus dictis in unoquoque civitatis genere *officia* civium et subditorum; et quid summi imperantes in eos *possint*. Ipsorum autem imperantium *officia*, et quo modo in subditos gerere se *debeant*, nondum dictum est. Но въ другихъ мѣстахъ Гоббесъ выражается въ томъ смыслѣ, что государству принадлежатъ *не только* права, но и обязанности, напримѣръ,

cap. XIII, 8 : «non modo licitum eis esse, exploratores emittere, milites alere..., sed etiam ea non facere. illicitum». Въ концѣ концовъ, нужно сознаться, что и здѣсь уловить мысль Гоббеса оказывается совсѣмъ невозможнымъ, и все ученіе о субъективномъ правѣ остается до крайности неполнымъ, отрывочнымъ и неопредѣленнымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Критика ученія Гоббеса

7.

Ученіе Гоббеса о правѣ и государствѣ, съ перваго же момента своего появленія, стало предметомъ самой оживленной полемики. Представители разнообразныхъ научныхъ направленій и отдѣльно стоящіе мыслители не только вступали съ Гоббесомъ въ переписку, выражая ему свое сочувствіе или несочувствіе, но и въ своихъ литературныхъ трудахъ считали своимъ непремѣннымъ долгомъ высказать о немъ свое мнѣніе, свое одобреніе или порицаніе; еще при жизни Гоббеса было написано нѣсколько объемистыхъ трактатовъ, имѣющихъ единственную задачу—опроверженіе его теоріи; позднѣе появилось множество монографій и диссертацій, касающихся отдѣльныхъ, иногда очень мелкихъ вопросовъ, затронутыхъ имъ, а еще позднѣе, съ возникновеніемъ исторіи отдѣльныхъ юридическихъ и философскихъ наукъ, возникла полемика о томъ, какъ слѣдуетъ понимать и толковать его теоріи, и каково ихъ значеніе для науки. Такъ составилась огромная литература о Гоббесѣ. Указанія на нее можно найти у Meister'a: Bibliotheka iuris naturalis et gentium, у

Whewell: History of moral philosophy, у Rémusat: Histoire de la philosophie en Angleterre и др.

Задача моего изслѣдованія — не только представить анализъ ученія Гоббеса о правѣ и законѣ и установить наиболѣе правильное его пониманіе, но и дать оцѣнку этого ученія, т. е. опредѣлить его внутреннія достоинства и его значеніе съ точки зрѣнія исторіи философіи права и современнаго ея положенія. Для выполненія этой задачи необходимо изученіе указанной литературы. Однако при внимательномъ знакомствѣ съ нею оказывается, что большинство сочиненій, написанныхъ противъ Гоббеса или даже въ защиту его, не даютъ въ этомъ отношеніи никакого матеріала, такъ какъ разсматриваютъ его ученіе съ точки зрѣнія политической или богословской и церковной, но не философской[1]). Изъ всей литературы остается сравнительно небольшая часть, имѣющая болѣе или менѣе близкое отношеніе къ понятію закона, какъ источника права. Въ этомъ и слѣдующемъ параграфахъ представлены результаты изученія этой литературы. Здѣсь читатель не найдетъ ни исторіи Гоббесовскихъ вопросовъ, ни исторіи его вліянія, ни исторіи реакціи противъ этого вліянія; эти задачи уже выполнены болѣе или менѣе удачно Іодлемъ въ его «Geschichte der Ethik in der neueren Philosophie» и Смирновымъ въ его «Исторіи англійской этики». Для моей цѣли было достаточно привести лишь главнѣйшія *возраженія*

---

[1]) Таковы напр. соч. Bramhalli: Defensio verae libertatis actionum humanarum ab antecedenti et extrinseca nacessitate, responsi loco ad librum Tho. Hobbes, 1677. Eduardi com. Clarendoniae A brief View and Survey of the dangerous and pernicious errors to Church and State in Hobbes's Book entitled Leviathan, 1676; Cocquii: Vindiciae pro religione in regno Dei naturali contra tractatus Th. Hobbii, 1668, многочисленныя сочиненія того-же автора, Христофила и др.

и главнѣйшія *характеристики*. Какъ въ разное время понимали Гоббеса и что ему возражали,—вотъ два вопроса, которые я себѣ поставилъ; отвѣтъ на первый вопросъ можетъ служить матеріаломъ для провѣрки уже сдѣланнаго анализа его ученія, отвѣтъ на второй вопросъ дастъ руководящія нити для оцѣнки его ученія, которую ещѣ предстоитъ сдѣлать.

Семнадцатое и восемнадцатое столѣтія могутъ быть, въ этомъ отношеніи, отдѣлены отъ девятнадцатаго. Литература первыхъ двухъ заключаетъ въ себѣ, по преимуществу, возраженія, литература послѣдняго, главнымъ образомъ,—характеристики; тамъ авторы строятъ критику на почвѣ современныхъ имъ и, подчасъ, собственныхъ воззрѣній каждаго,—здѣсь господствуетъ историческій взглядъ, и потому критика почти никогда не принимаетъ полемической формы.

Сообразно этому дѣленію, въ настоящемъ параграфѣ будутъ разсмотрѣны взгляды и замѣчанія Кумберлэнда, Бекмана, Кедворта, Альберти, Пуфендорфа, Монтескье и Адама Смита. Воззрѣнія писателей XIX в. отнесены къ слѣдующему параграфу.

Кумберлэндъ посвятилъ разбору теоріи Гоббеса цѣлое, довольно обширное сочиненіе: «О законахъ природы» [1]). Уже въ Epistola dedicatoria къ этому сочиненію онъ указываетъ главнѣйшій пунктъ своего разногласія съ Гоббесомъ, именно что, по ученію послѣдняго, велѣнія разума не обязываютъ

---

[1]) Полное заглавіе этого сочиненія таково: De legibus naturae Disquisitio philosophica, in qua earum forma, summa, capita, ordo, promulgatio e rerum Natura investigantur; quin etiam elementa Philosophiae Hobbianae cum moralis tum civilis, considerantur et refutantur Authore Ricardo Cumberland, S. T. B. apud Cantabrigienses.—Я пользовался вторымъ изданіемъ (1683. Lubeca et Francofurti), первое—вышло въ 1671 году.

никого къ внѣшнимъ поступкамъ и имѣютъ значеніе законовъ лишь постольку, поскольку они входятъ въ составъ законовъ государства, и поскольку нарушеніе ихъ влечетъ за собой примѣненіе установленнаго властью наказанія [1]). Но собственно этимъ однимъ не ограничивается ихъ разногласіе; при внимательномъ чтеніи оказывается, что Кумберлэндъ споритъ съ Гоббесомъ еще по вопросамъ о методѣ, о состояніи природы, объ основаніяхъ обязательной силы закона, о содержаніи естественнаго права, о договорѣ и др.

Никакого естественнаго состоянія, какъ состоянія, предшествующаго государственному и противоположнаго ему, не существуетъ; тѣмъ менѣе можно представлять себѣ это состояніе, какъ войну всѣхъ противъ всѣхъ [2]). Если даже предположить, что множество людей жили внѣ государства, и у нихъ довольно было силъ, чтобъ помогать или даже вредить другъ другу съ цѣлью простого существованія, то они могли бы дожить до назначенныхъ природой предѣловъ, несомнѣнно, только при томъ условіи, чтобы каждый изъ нихъ допустилъ счастіе, или благополучіе другого; доброжелательство такъ же необходимо для жизни, какъ воздухъ (253). Существуетъ у всѣхъ людей стремленіе къ общему благу, и въ этомъ—достаточный залогъ мирнаго общежитія. Гоббесъ же приходитъ къ изображенію войны всѣхъ противъ всѣхъ вслѣдствіе ошибокъ въ наблюденіи, отчасти вслѣдствіе неправильности въ методѣ.

1) Всѣ вообще выраженія стремленія къ общему благу онъ пытается объяснить, какъ стремленія къ самосохраненію;

---

[1]) Стр. 303 и слѣд.

[2]) Non enim supponit (sc. haec thesis) homines in statu civili natos, nec extra eum.—De leg. N. Prolegomena, § XI.

такъ понимаетъ онъ взаимное влеченіе половъ и заботы о дѣтяхъ (118). Но силлогизмъ долженъ быть построенъ какъ-разъ обратно. Изъ того, что, разсматривая человѣка, какъ существо по преимуществу эгоистическое, мы приходимъ ко всеобщей войнѣ, нужно заключить, что ему присущъ и альтруизмъ—стремленіе къ общему благу (24).

2) Признавая способность къ мирному общежитію у животныхъ и отрицая ее у человѣка, Гоббесъ упустилъ изъ виду много такихъ свойствъ человѣческой природы, которыхъ вовсе нѣтъ у животныхъ, и въ которыхъ именно заключаются гарантіи всеобщаго мира. Такъ, напримѣръ, онъ просмотрѣлъ у человѣка способность строить общія понятія (II, 23, 11 и др.).

3) Гоббесъ пришелъ къ естественному состоянію, въ которомъ каждый заботится только о своемъ безграничномъ правѣ, и законы природы не получаютъ никакого приложенія; это потому, что онъ слишкомъ узко понялъ задачи человѣческой жизни, сводя всѣ ихъ къ самосохраненію, и забывая о болѣе высокихъ — объ усовершенствованіи духовной природы и приближеніи къ вѣчной жизни. Съ другой стороны, онъ придалъ слишкомъ мало значенія разуму, какъ силѣ, способной подавлять посягательства на всякія права (invasionem omnium jurium reprimendam, 261). Кромѣ того, нарушеніе закона даже и невыгодно, потому-что ведетъ за собой наказаніе въ видѣ мести со стороны потерпѣвшаго (267—268).

4) Миръ нельзя опредѣлять, какъ отсутствіе войны (De cive, I, 13), и считать его явленіемъ позднѣйшимъ по сравненію съ войной: какъ жизнь раньше смерти, такъ и миръ раньше войны (274—277).

Противъ ученія Гоббеса о законѣ природы Кумберлэндъ возражаетъ, главнымъ образомъ, по тремъ пунктамъ; это— основаніе его обязательности, его значеніе для внѣшней дѣятельности и отношеніе къ закону государственному.

1) Подъ обязательностью закона Кумберлэндъ понималъ силу, присущую аргументамъ, которыми пользуется законодатель для внушенія всѣмъ чувства доброжелательства [1]). Опредѣленіе это, однако, оказывается слишкомъ узкимъ и недостаточно проникающимъ въ сущность вопроса, такъ что съ этой точки зрѣнія нельзя и понять его возраженій. Гоббесъ утверждаетъ, что законы природы не суть законы въ собственномъ смыслѣ, и что они становятся таковыми, только когда за ними стоитъ авторитетъ Бога или государства. Но это, по мнѣнію Кумберлэнда, невѣрно. У насъ нѣтъ твердаго критерія для установленія признаковъ воли Божіей, никто не можетъ съ увѣренностью принимать откровеніе, которое получилъ другой, и неизвѣстно, почему авторомъ Писанія слѣдуетъ признавать Бога. Да и самъ Гоббесъ (De cive, IV, 1) соглашался, что не безъ основанія законъ природы называется божескимъ закономъ; значитъ, онъ противорѣчитъ самому себѣ, то признавая, то отрицая законъ природы (17—18). На самомъ дѣлѣ, законъ природы носитъ въ самомъ себѣ основанія своей обязательности, потому-что за неисполненіе закона природа сама наказываетъ человѣка, насылая на него разныя бѣдствія, и, наоборотъ, исполненіе закона ведетъ къ счастливой жизни (19, 257—258). Точно также неправильно возводить обязательность естественнаго закона къ авторитету

---

[1]) De legibus Naturae, стр. 258: Ego vero obligationem Legum nihil aliud esse reor praeter vim insitam omnium illorum argumentorum, quibus Legislator (Deum puta) utitur ad universalem benevolentiam suadendam.

государства. Если законъ природы обязателенъ только потому, что таково велѣніе верховной власти, то ясно, что сама верховная власть въ своихъ дѣйствіяхъ не связана законами природы т. е. не связана ничѣмъ. Это признается и Гоббесомъ во многихъ мѣстахъ (напр. De cive, cap. XII, 1), гдѣ онъ указываетъ, что законы природы составляютъ часть государственнаго законодательства, а власть этимъ законодательствомъ не связана (195, 403—404). Но такое рѣшеніе, во-первыхъ, противорѣчитъ фактамъ, потому-что во всякомъ государствѣ значительная часть дѣятельности человѣка регулируется не государственными законами, а просто идеями о добрѣ и справедливости, и эти же идеи кладутся въ основу реформы дѣйствующаго законодательства (correctio legum civilium), а во-вторыхъ, это рѣшеніе совсѣмъ не объясняетъ, почему мы все-таки порицаемъ или хвалимъ правителей государства: вѣдь если они не связаны никакими законами, они не могутъ поступать ни дурно, ни хорошо (403—409). Но и самъ Гоббесъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій (De cive, VI, 13 и XIV, 10) склонялся къ противоположному мнѣнію, отрицая безграничность законодательной власти, признавая ея отвѣтственность передъ законами природы и указывая отдѣльные случаи, когда законъ государственный долженъ быть непремѣнно согласованъ съ закономъ природы (409—411).

2) Гоббесъ неправильно ограничивалъ обязательность закона природы внутреннимъ міромъ—настроеніемъ и совѣстью человѣка, не считая для него обязательнымъ осуществленіе закона во внѣшней дѣятельности [1]). Невозможно стремиться

---

[1]) Кумберлэндъ разумѣетъ здѣсь, главнымъ образомъ, Ann. къ cap. III, 27 De cive.

къ миру и отказываться отъ своихъ правъ однимъ актомъ своей воли, не проявляя этого акта во-внѣ: такая дѣятельность не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, потому-что никто о ней не будетъ знать (270); къ тому же въ естественномъ состояніи, гдѣ каждый самъ судья себѣ, какъ думаетъ Гоббесъ, не было бы большой разницы, еслибъ признать законъ обязательнымъ и для внѣшней дѣятельности (313). Гоббесъ основываетъ свое мнѣніе на томъ, что въ состояніи природы нѣтъ увѣренности, что всѣ будутъ исполнять законъ, и потому тотъ, кто станетъ согласовать съ нимъ не только свои намѣренія, но и внѣшнюю дѣятельность, будетъ больше способствовать войнѣ, чѣмъ миру; но, во-первыхъ, такой увѣренности никогда не можетъ быть и въ государствѣ, однако государственный законъ граждане должны соблюдать не только въ помыслахъ, но и въ поступкахъ, — а во-вторыхъ, для внѣшней обязательности закона не нужно ничего, кромѣ тѣхъ же фактовъ, которые дѣлаютъ его вообще обязательнымъ, исполненіе же его другими—обстоятельство совершенно безразличное (303 и слѣд.).

3) Отсюда уже можно заключить, насколько неяснымъ должно быть у Гоббеса ученіе объ отношеніи государственнаго закона къ закону природы. Дѣйствителенъ-ли первый лишь подъ условіемъ согласія со вторымъ, или, на-оборотъ, второй получаетъ свою силу, только становясь частью перваго? Въ этомъ пунктѣ всего болѣе противорѣчій. Неудовлетворительной представляется также вся конструкція criminis laesae Majestatis. Съ точки зрѣнія Гоббеса, это есть нарушеніе естественнаго, а не государственнаго закона, и виновный наказывается, не какъ дурной гражданинъ, а какъ врагъ государства, по праву войны. Но въ такомъ случаѣ это совсѣмъ

не есть преступленіе, потому-что законъ природы не обязываетъ ни къ внѣшнимъ поступкамъ, ни къ воздержанію, и, слѣдовательно, всякій имѣетъ *право* нарушать долгъ вѣрности своему государству. Если же требуется воздержаніе отъ внѣшнихъ поступковъ, то оскорбленіе величества есть нарушеніе государственнаго закона, потому-что только онъ имѣетъ, у Гоббеса, внѣшнюю обязательность. Къ этому нужно еще прибавить, что снабженіе государственнаго закона внѣшнею обязательностью также недостаточно мотивировано. Въ состояніи природы законъ лишенъ этой обязательности, потому-что нѣтъ гарантій соблюденія его другими, государство же, по мнѣнію Гоббеса, какъ-разъ даетъ эти гарантіи; въ этомъ, по крайней мѣрѣ, полагаетъ онъ весь смыслъ его существованія и возникновенія (De cive, V, 3 и слѣд.). Но кто же не видитъ, что и государство не даетъ полной гарантіи соблюденія законнаго порядка, и что вся разница между нимъ и состояніемъ чистой природы — только количественная? (309—311).

Противъ понятія ius naturale, какъ оно опредѣляется у Гоббеса, Кумберлэндъ выставляетъ слѣдующія возраженія:

1) Естественное право такъ же вытекаетъ изъ разума, какъ и законъ, но первое даетъ каждому дозволеніе воевать противъ всѣхъ остальныхъ, а второй запрещаетъ эту войну и велитъ стремиться къ миру. Изъ одного и того же источника выводятся два противоположныя предписанія. Какъ объяснить такое противорѣчіе? (87).

2) Если всякому принадлежитъ *право* на все, какимъ образомъ въ состояніи природы возникаетъ всеобщая война, и каждый пользуется неограниченнымъ произволомъ? Вѣдь

право есть предоставленная закономъ возможность дѣйствія (35—36) [1]).

3) Содержаніе естественнаго права, какъ права на все, Гоббесъ выводитъ при помощи слѣдующаго силлогизма: всякому принадлежитъ право пользоваться всѣми необходимыми средствами для самосохраненія, слѣдовательно, всякому принадлежитъ право на все (Ann. ad I, 10 De cive). Здѣсь, очевидно, пропущена малая посылка, безъ которой выводъ представляется необоснованнымъ; ее можно формулировать, приблизительно, такъ: „каждый считаетъ необходимымъ для своего самосохраненія всѣмъ владѣть и все дѣлать“. Но эту посылку нѣтъ никакой возможности допустить, во-первыхъ, потому, что она ни на чемъ не основана, а во-вторыхъ—потому, что она противорѣчитъ опредѣленію права, какъ возможности пользоваться своими способностями secundum rectam rationem: невозможно, чтобы разсудокъ призналъ всѣ дѣйствія и всѣ блага безусловно необходимыми для самосохраненія (47—49). Полезность и необходимость вещи для жизни зависятъ отъ устройства природы и не могутъ измѣняться отъ мнѣнія человѣка. Если кто въ состояніи природы и признаетъ аконитъ полезнымъ или даже необходимымъ для питанія тѣла и потому станетъ усиленно питаться его сокомъ, трава эта все-таки не сдѣлается отъ того полезной пищей (49—52).

4) Въ De cive право каждаго на все ведетъ, какъ причина къ слѣдствію, къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ; въ Левіаѳанѣ, на-оборотъ, Гоббесъ сначала указываетъ, что естественное состояніе есть состояніе всеобщей войны, а потомъ уже отсюда выводитъ, что въ такомъ состояніи всякому дoз-

---

[1]) Jus enim est facultas aliquid agendi a lege concessa.

волено все, что онъ хочетъ (Lev. гл. 13). Такимъ образомъ, то война есть основаніе права, то право—основаніе войны. Противорѣчіе это неустранимо (59—68).

5) По Гоббесу нарушеніе права (а слѣдовательно, и самое право) возможно лишь по отношенію къ тому, съ кѣмъ предварительно былъ заключенъ договоръ (De cive, III, 4). Это противорѣчитъ его-же пониманію естественнаго права, принадлежащаго каждому человѣку (58).

6) Вопреки Гоббесу, право предполагаетъ уже существованіе закона и даже не можетъ быть безъ него понято и опредѣлено.

Противъ ученія о договорѣ, лежащемъ въ основѣ государственнаго порядка, Кумберлэндъ высказываетъ слѣдующія соображенія:

1) Законъ природы, по мнѣнію Гоббеса, не обязываетъ къ внѣшнимъ дѣйствіямъ, поэтому и договоръ государственный обязателенъ для гражданъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой исполненіе его обезпечивается установленными положительнымъ правомъ наказаніями; но карательные законы верховная власть примѣняетъ при содѣйствіи тѣхъ же гражданъ, которые такъ же мало обязаны соблюдать договоръ, какъ и всѣ прочіе, слѣдовательно — у правительства совсѣмъ нѣтъ силы принудить нарушителей положительнаго права, договоръ не имѣетъ смысла, и государство, только-что возникнетъ, должно неминуемо распасться (319). Противорѣчіе это возникаетъ оттого, что Гоббесъ отрицаетъ у законовъ природы (а слѣдовательно, и у договора) внѣшнюю обязательность.

2) Договоръ, по ученію Гоббеса, теряетъ свою силу, коль скоро съ обѣихъ сторонъ возникаетъ основательный

страхъ (De cive, II, 11), но послѣ заключенія государственнаго договора возникаетъ опасеніе, что взаимныя обѣщанія не будутъ исполнены; слѣдовательно, договоръ этотъ недѣйствителенъ (397—398).

Ко всему этому нужно прибавить, что Кумберлэндъ видѣлъ причину большей части погрѣшностей теоріи Гоббеса въ томъ, что онъ слѣдовалъ неправильному методу, т. е. исходилъ изъ апріорныхъ посылокъ, а не изъ опыта, и мало пользовался анализомъ [1]).

Бекманъ, очень мало читаемый теперь писатель XVII столѣтія, говоритъ о Гоббесѣ въ двухъ своихъ сочиненіяхъ: Meditationes politicae и Politica parallela [2]). Говоритъ онъ о Гоббесѣ мимоходомъ, совершенно отрывочно, но при сколько-нибудь внимательномъ чтеніи не трудно замѣтить, что онъ находится подъ сильнымъ вліяніемъ Гоббеса и по многимъ принципіальнымъ вопросамъ вполнѣ съ нимъ согласенъ. Самъ онъ держится того мнѣнія, что Гоббесъ исходилъ изъ вполнѣ вѣрныхъ началъ, но не умѣлъ примѣнить эти начала: Hobbesius principia vitae socialis vere explicat sed male applicat: unde omnis illa in doctrina ejus perversitas [3]).

Онъ выставляетъ положеніе, что не въ природѣ заключена причина общественной жизни (natura non videtur esse causa societatis), и въ защиту этого положенія онъ, ссылаясь на Гоб-

---

[1]) См. напр. Proleg. VI, VII; cap. I, 3; также стр. 289 и др.

[2]) Въ томъ изданіи, которымъ я пользовался, оба эти сочиненія помѣщены въ одномъ томѣ подъ заглавіемъ: Meditationes politicae insdemque continuandis et illustrandis addita Politica parallela. XXXIV dissertationibus academicis antehac exposuit Joh. Christoph. Becmanus. Editio tertia. Anno 1679.

[3]) Politica parallela, cap. I, 5.

беса, высказываетъ мысли, буквально заимствованныя у него и даже выраженныя его словами [1]). Поэтому, естественное состояніе, и для него, есть состояніе войны; здѣсь онъ, опять дѣлая ссылку на Гоббеса, предвидитъ возможность возраженій и очень хорошо отвѣчаетъ на нихъ. Могутъ сказать, что такого состоянія не существуетъ, но 1) оно можетъ существовать, потому-что и животныя одного вида становятся врагами, какъ только они стремятся къ одной цѣли, въ одномъ и томъ-же видятъ свою выгоду; 2) подобіе этого состоянія всегда существовало и существуетъ въ отношеніяхъ между государствами, которыя ведутъ постоянную борьбу изъ-за своихъ интересовъ; 3) наконецъ, если даже состояніе войны есть полнѣйшая фикція, которой въ жизни нѣтъ ничего соотвѣтственнаго, на нее можно смотрѣть, какъ на результатъ отвлеченія отъ той общественной жизни, которую мы наблюдаемъ: если бы люди жили внѣ государства, они вели бы непрерывную войну другъ съ другомъ [2]). Изъ этого уже одного видно, какъ правильно Бекманъ понималъ Гоббеса, какъ онъ ему сочувствовалъ, и какъ умѣлъ развивать его мысли. Точно также слѣдуетъ онъ Гоббесу и въ пониманіи закона, опредѣляя его, какъ велѣніе законодателя [3]); но изъ этого опредѣленія онъ дѣлаетъ выводъ, лишь очень отдаленно напоминающій ученіе Гоббеса. Именно, онъ противополагаетъ законамъ вообще законы моральные и указываетъ на то, что послѣдніе не суть законы въ истинномъ смыслѣ этого слова (leges morales vere leges non esse): хотя они налагаютъ на

---

[1]) Это—извѣстное мѣсто изъ гл. I, 2 De cive: «si homo hominem amaret naturaliter...

[2]) Meditationes, cap. IV, 4.

[3]) Здѣсь опять—ссылка на Гоббеса.

насъ обязанности и принуждаютъ къ извѣстнымъ поступкамъ, но они не суть велѣнія и не зависятъ ни отъ чьей воли; поступки Каина и Хама были дурны, хотя не существовало никакого велѣнія, которое бы они нарушали [1]). Такимъ образомъ, въ существѣ дѣла онъ говоритъ то же, что и Гоббесъ, но онъ не дѣлаетъ тѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ, къ которымъ пришелъ Гоббесъ: онъ оставляетъ совершенно безъ вниманія ту связь, которая наблюдается между закономъ нравственности и вѣрой, какъ опредѣленнымъ психическимъ состояніемъ, и какъ логическимъ основаніемъ этого закона.

Несмотря на это, Бекмана нужно отнести къ числу тѣхъ немногихъ и незамѣтныхъ дѣятелей литературы, которые, въ общемъ, правильно понимали Гоббеса и пользовались его теоріей для подкрѣпленія и обоснованія собственныхъ выводовъ. Характерно только то, что Бекманъ, подобно большинству критиковъ Гоббеса, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ методахъ и задачахъ его философіи. По его мнѣнію, главная задача его состояла въ томъ, чтобы построить политику и *вывести* ее изъ первыхъ началъ разумной природы и общественной жизни; въ этомъ смѣломъ предпріятіи ему принадлежитъ пальма первенства: никто до него не ставилъ себѣ такой задачи въ политикѣ (стр. 417). Нечего разъяснять, какъ далеко это пониманіе отъ истины.

Кедвортъ въ своемъ двухтомномъ сочиненіи «Интеллектуальная система» и въ небольшомъ трактатѣ «О вѣчной и неизмѣнной природѣ нравственности или справедливаго и чест-

---

[1]) Meditationes, cap. XIII, 9.

наго» [1]) гораздо чаще говоритъ о Гоббесѣ и гораздо чаще дѣлаетъ ему возраженія, чѣмъ называетъ его по имени. Кедвортъ отдалъ всѣ свои труды на борьбу съ атеизмомъ, атеистомъ же считаетъ онъ и Гоббеса. Онъ относитъ его къ числу тѣхъ писателей, которые, отрицая Бога, отрицаютъ и въ человѣческой природѣ всякое достоинство, которые не находятъ въ человѣкѣ ничего достойнаго похвалы или порицанія и не видятъ въ нашей душѣ даже начатковъ любви и справедливости. Поэтому, если кто чувствуетъ къ другому доброе влеченіе, они объясняютъ это страхомъ или безпомощностью человѣка, а происхожденіе общественной жизни они объясняютъ стремленіемъ къ личной выгодѣ. Они осуждаютъ тѣхъ, кто думаетъ въ природѣ отыскать различіе между справедливостью и несправедливостью, и утверждаютъ, что по закону природы каждому принадлежитъ право на все, что люди — природные враги, и естественное для нихъ состояніе есть всеобщая война [2]). Но если начало законовъ и обязанностей они видятъ въ перенесеніи своихъ правъ на другое лицо [3]), то гдѣ же твердое основаніе справедливости? Что основывается на волѣ, то можетъ быть и отмѣнено не дѣйствіемъ права, а актомъ той же воли; поэтому и людскіе законы можно свободно отмѣнить и сдѣлать снова дозволеннымъ то, что прежде было запрещено. Но если отъ одной воли зависитъ измѣнить то, что

[1]) Я пользуюсь слѣдующимъ изданіемъ: Radulphi Cudworthi, theol. d. et in Academia Cantabrigiensi professoris, Systema Intellectuale hujus Universi, seu de veris naturae rerum originibus commentarii, quibus omnis eorum philosophia, qui Deum esse negant, funditur evertitur. Accedunt reliqua ejus opuscula. Editio secunda. Lugduni 1773 —См. также комментаріи Moshemius'a, которые очень облегчаютъ пользованіе этими сочиненіями.

[2]) Systema, Cap. V sect. 5 § XXIX.

[3]) Здѣсь приводится мѣсто изъ De cive, cap. II, 4, хотя имени Гоббеса не упоминается, и Кедвортъ называетъ его просто «nuperus quidam auctor». (Тамъ-же, § XXXII).

называется справедливостью и закономъ, то какія же существуютъ разумныя основанія, по которымъ можно было бы указать, что въ нашихъ поступкахъ противорѣчитъ справедливости?

Говорятъ, далѣе, что несправедливость есть нарушеніе договора, и больше ничего. Но положеніе это не можетъ быть принято. Если существуетъ отъ природы обязательный для людей законъ, то онъ можетъ придти въ столкновеніе съ установленнымъ договоромъ; если же нѣтъ ничего несправедливаго по природѣ, то нельзя считать несправедливостью и нарушеніе договора. Представители же этого ученія не принимаютъ ни того, ни другого вывода; они то признаютъ законы природы, то отрицаютъ ихъ. По ихъ теоріи, законъ есть не что иное, какъ приказаніе того лица, которое имѣетъ власть надъ другими, и всѣ обязанности возникаютъ изъ государственнаго закона; силу этого закона они основываютъ на законѣ исполненія договоровъ, необходимость же исполненія договоровъ они выводятъ изъ закона природы, а законъ природы сводятъ, въ концѣ концовъ, къ законамъ государственнымъ, безъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, и законъ природы не имѣетъ обязательности. Такимъ образомъ, въ своихъ разсужденіяхъ они допускаютъ логическій кругъ [1]). Очевидно, если не существуетъ естественнаго права, нельзя доказать, что существуетъ какое-нибудь искусственное право; а если нѣтъ ничего несправедливаго по природѣ, никто одной своей волей не можетъ сдѣлать, чтобы нѣчто стало несправедливымъ [2]).

---

[1]) Systema, cap. V sect. 5, § 32.

[2]) Si nullum est naturae jus, frustra laborant Athei, ut ostendant, esse jus aliquid artificiosum.... At si nihil ipsa natura injustum est, nemo voluntate sua et verbis efficere potest, ut sibi aliquid injustum sit.—Тамъ-же, Argumentum.

По этому ученію, всѣ обязанности основываются на законѣ, который, въ существѣ своемъ, есть повелѣніе, изъ чего нужно заключить, что повелѣніе и воля болѣе сильныхъ (potentiorum) заключаютъ въ себѣ силу обязывать людей «страхомъ наказанія». Если бы это было такъ, еслибъ все основаніе повиновенія, котораго требуютъ себѣ законы государства, заключалось въ страхѣ, то ни отъ кого нельзя было бы требовать, чтобъ онъ пожертвовалъ собой для блага государства, а тѣ, кто былъ бы увѣренъ въ безнаказанности своихъ проступковъ, получили бы свободу нарушать всѣ законы, какіе пожелаютъ, такъ какъ они ничѣмъ уже не были бы связаны. И если обязательность законовъ, издаваемыхъ правительствомъ, коренится только въ страхѣ наказанія, то что же такое—право, какъ не простая сила и власть? Поэтому, злодѣяніе, для совершенія котораго оказалось достаточно силы, не есть уже злодѣяніе, и всякій, участвующій въ возстаніи противъ государства, если только судьба будетъ ему благопріятствовать, и предпріятіе его удастся, не совершитъ никакого преступленія, можно даже сказать—поступитъ вполнѣ справедливо. Если бы государственная власть не имѣла другого основанія, кромѣ силы и страха, то всѣ государства погибли бы прежде своего образованія, ибо природа могущественнѣе этой силы и этого страха; на дѣлѣ, однако, мы видимъ обратное [1]). Поэтому должна существовать нѣкоторая высшая и вѣчная норма (superior quaedam et aeterna norma), которая обязывала бы гражданъ повиноваться велѣніямъ и справедливымъ законамъ правительства, а правительство, съ другой стороны, обязывала бы издавать справедливые законы и заботиться о благѣ государства. Даже авторитетъ

---

[1]) Тамъ-же, § 33.

Бога опирается на справедливость, а государственная власть не можетъ имѣть другого основанія, кромѣ божественнаго авторитета. Если бы государство основывалось на волѣ человѣка, то этою же волей оно могло бы быть уничтожено; слѣды божественнаго происхожденія государства видны въ правѣ жизни и смерти, принадлежащемъ правительству: до возникновенія государства право это не принадлежало отдѣльнымъ людямъ, слѣдовательно, они не могли и перенести его на другое лицо. Государство возникло тогда, когда Богъ установилъ власть и подчиненіе, повелѣлъ однимъ издавать законы, другимъ—повиноваться и каждому указалъ его обязанности; ни искусство, ни ложь и обманъ, ни сила никогда не могли бы образовать государство. Высшее юридическое господство (iure dominatum) принадлежитъ, поэтому, не Левіаѳану, а Богу. А право высшей власти опирается на естественное право, на авторитетъ Бога и на общее сознаніе (conscientia hominum); страхъ нуженъ, какъ одно изъ побудительныхъ средствъ для исполненія законовъ, но и этотъ страхъ надо понимать, не только какъ страхъ наказанія, но и какъ страхъ передъ всемогущимъ Богомъ [1]).

Гоббесъ [2]) утверждаетъ, что обязанность повиновенія законамъ опирается на эгоизмъ, на стремленіе къ собственной выгодѣ. Но если каждый самъ рѣшаетъ, что ему выгодно, и что невыгодно, и никто посторонній не можетъ быть здѣсь судьей, то ничего преступнаго не сдѣлаетъ тотъ, кто ради успѣха своего дѣла рѣшитъ убить своего государя или произвести возстаніе. Если повиновеніе общественному порядку

---

[1]) Тамъ-же § 34 и Argumentum къ нему.
[2]) Libri de cive auctor.

настолько лишь обязательно, насколько это согласно съ частной пользой отдѣльнаго лица (privatae utilitates), то отъ указанной обязанности можно легко и съ соблюденіемъ полной справедливости освободиться. Но тогда нѣтъ никакого прочнаго общественнаго порядка [1]).

Таковъ общій характеръ тѣхъ возраженій, которыя дѣлаетъ Гоббесу Кедвортъ. Въ своемъ трактатѣ о неизмѣнной природѣ нравственности онъ только упоминаетъ о нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ Гоббеса, съ которыми несогласенъ, но не дѣлаетъ противъ нихъ никакихъ возраженій и не разбираетъ ихъ. Такъ, въ lib. I cap. I § 4 онъ упоминаетъ, что Гоббесъ [2]) не признаетъ никакой естественной справедливости, что законъ, по его мнѣнію, не можетъ быть несправедливымъ, и что до изданія законовъ не предписывалась не только справедливость, но даже и умѣренность [3]).

Альберти, написавшій противъ Гоббеса даже отдѣльное сочиненіе по одному спеціальному вопросу неюридическаго характера [4]), расходился съ нимъ по самымъ существеннымъ вопросамъ теоріи права. Задачи и отправная точка его изслѣдованія не имѣютъ ничего общаго съ той задачей и той от-

---

[1]) Systema, cap. V sect. 1. § 78.

[2]) Nuperus ille de re morali et civili scriptor.

[3]) Не соглашается съ Гоббесомъ въ опредѣленіи естественнаго права, какъ права на все, и Горнъ, вообще писавшій о Гоббесѣ лишь съ политической точки зрѣнія (I. F. Hornii. Architectonica de civitate. Lugduni 1799). Когда каждый имѣетъ право на всякую вещь, говоритъ онъ, то, строго разсуждая, не имѣютъ права ни собственникъ, ни держатель вещи. Существованіе такого права принять никакъ нельзя — тѣмъ болѣе, что самъ Гоббесъ считаетъ это естественное право безполезнымъ (pag. 325 et passim).

Dissertatio de ortu domini in homines, adversus Hobbesium. 1697 (?).

правной точкой, которыя принимаетъ Гоббесъ. Желая укрѣпить въ сознаніи своихъ современниковъ идею вѣчнаго и неизмѣннаго естественнаго права, онъ понимаетъ его, какъ право наиболѣе *естественное* для человѣка и наиболѣе совершенное. Оно исторически предшествовало позитивному, несовершенному праву и теперь должно примѣняться, какъ не превзойденный еще образецъ [1]). Поэтому, естественное состояніе, въ которомъ это право дѣйствовало, есть золотой вѣкъ, состояніе непорочности, status integritatis, которое кончилось вмѣстѣ съ грѣхопаденіемъ человѣка [2]). Въ своихъ доказательствахъ Альберти ссылается, главнымъ образомъ, на Св. Писаніе [3]). Отсюда уже ясно, въ чемъ должны заключаться его возраженія Гоббесу. Онъ упрекаетъ его въ полномъ игнорированіи истиннаго естественнаго состоянія, которое предшествовало образованію государства, и въ замѣнѣ его состояніемъ всеобщей войны. Не оправдываетъ его въ этомъ отношеніи и то (говоритъ Альберти), что изъ такой предпосылки онъ выводитъ необходимость и полезность общественной жизни и много другого хорошаго: ибо на основаніи ложныхъ посылокъ доказать ничего нельзя. Его гипотеза (hypothesis) тѣмъ хуже (deterior), что онъ считаетъ ее за истинную и соотвѣтствующую дѣйствительности (pro vera atque actuali); въ состояніи войны онъ предлагаетъ не фикцію, а дѣйствительность и свою мысль подкрѣпляетъ ссылкой на примѣры Каина, Американцевъ и пр. Повидимому, источникомъ всѣхъ ложныхъ утвержденій Гоббеса Альберти считаетъ его атеизмъ (см. напр. II, стр. 57).

---

[1]) L. V. Alberti. Compendium juris naturae orthodoxae theologiae conformatum et in duas partes distributum. Lipsiae 1678 I, стр. 29.

[2]) Напр. I § 30: status integritatis—norma ad normatum.

[3]) См. I, стр. 34 (§ 21).

Пуфендорфъ занимаетъ, по отношенію къ Гоббесу, мѣсто по серединѣ между его противниками и его защитниками. По многимъ существеннымъ вопросамъ онъ съ нимъ согласенъ, по другимъ, не менѣе существеннымъ вопросамъ онъ съ нимъ полемизируетъ. Въ этомъ отношеніи онъ очень часто даже противорѣчитъ себѣ, принимая какое-нибудь положеніе Гоббеса или даже приводя его въ подкрѣпленіе своей теоріи, и, съ другой стороны, упорно отвергая выводы изъ этого положенія.

Естественное состояніе онъ понимаетъ такъ же, какъ и Гоббесъ (приводится текстъ De cive X, 1): для него это также состояніе безпомощности, отсутствія промышленности, состояніе страха, бѣдности и проч. Чтобъ узнать, какія права существуютъ въ этомъ состояніи, нужно обратиться къ основному свойству человѣка и всѣхъ животныхъ. Человѣкъ стремится къ самосохраненію; отсюда слѣдуетъ, что онъ имѣетъ право пользоваться всѣми средствами, пріобрѣтать и дѣлать все, что необходимо для его самосохраненія; а такъ какъ въ естественномъ состояніи человѣкъ не подчиненъ никакой власти, то выборъ средствъ вполнѣ зависитъ отъ его усмотрѣнія. Въ этомъ смыслѣ, говоритъ Пуфендорфъ, и нужно понимать ученіе Гоббеса, но не слѣдуетъ забывать еще, что крайности его ученія умѣряются тѣмъ, что онъ подчиняетъ человѣка въ этомъ состояніи законамъ здраваго разума [1]).

Однако Пуфендорфъ рѣшительно несогласенъ съ тѣмъ, что въ естественномъ состояніи всѣ люди враги. Не могутъ вредить другъ другу люди, которыхъ раздѣляетъ болѣе или менѣе значительное пространство; они могутъ вредить только

---

[1]) De jure naturae et gentium (1694), lib. II §§ 2 и 3.

чрезъ посредство третьихъ лицъ. Пока они не сойдутся ближе, ихъ слѣдуетъ считать друзьями, а не врагами, потому-что дружба есть отсутствіе желанія и способности вредить [1]). Затѣмъ, то равенство силъ, на которомъ настаиваетъ Гоббесъ, должно вести, на-оборотъ, къ тому, чтобы всѣ воздерживались, сколько возможно, отъ борьбы. Вѣдь исходъ ея, при равенствѣ сторонъ, вполнѣ гадателенъ, и каждый одинаково подвергаетъ свою жизнь опасности, а это должно каждаго удерживать отъ войны, потому-что онъ рискуетъ самымъ большимъ для себя благомъ. Кромѣ того, причинами всеобщей войны Гоббесъ выставляетъ обстоятельства, далеко не общаго, а скорѣе случайнаго характера, поэтому и война можетъ быть между нѣкоторыми, а вовсе не между всѣми. Наконецъ, нельзя допустить, чтобы Богъ такъ мало позаботился о нуждахъ людей, что они должны постоянно спорить о каждой вещи [2]).

Разсматривая ученіе Гоббеса о законѣ природы, Пуфендорфъ останавливается единственно на вопросѣ: можно-ли противополагать другъ другу себялюбіе и общежительную природу человѣка (socialitatem)? Что эти понятія не составляютъ противоположности, видно уже изъ того, что Гоббесъ выводитъ законы изъ себялюбія: человѣку полезно, когда и всѣ другіе поступаютъ согласно велѣніямъ здраваго разума, и эти велѣнія становятся законами въ силу того же самаго принципа, т. е. въ силу того, что они полезны для всякаго отдѣльнаго лица.

---

[1]) amicitiam etiam voluntate et facultate non nocendi posse censeri.— Вводя въ опредѣленіе понятія дружбы признакъ воли, Пуфендорфъ, очевидно, самъ подрываетъ свой аргументъ, потому-что желаніе нанести вредъ нисколько не зависитъ отъ условій пространства.

[2]) Тамъ-же, § 8.

Но съ другой стороны, разсужденіе Гоббеса о томъ, что любовь къ ближнимъ не есть природное свойство человѣка, потому-что онъ любилъ бы тогда всѣхъ людей одинаково, — Пуфендорфъ признаетъ ошибочнымъ: здѣсь смѣшано общее понятіе общежительности съ отдѣльнымъ обществомъ или союзомъ (socialitas—societas), и общая любовь смѣшана съ тою, которая возникаетъ изъ особыхъ причинъ.—Собственно о законѣ въ этихъ параграфахъ [1]), въ которыхъ обѣщано разсмотрѣть именно эту часть ученія Гоббеса, не говорится ничего. Въ другомъ мѣстѣ онъ только указываетъ на то, что неправильно основывать законы на Св. Писаніи: Богъ инымъ способомъ открылъ ихъ человѣку, чтобы не могъ отговариваться незнаніемъ ихъ и почитать себя безгрѣшнымъ и тотъ, кто не читалъ Писанія, да и самъ Гоббесъ (De cive XIV, 3) говоритъ, что божескіе законы открываются троякимъ путемъ [2]). Нѣсколько страницъ онъ посвящаетъ также разбору ученія о справедливости и выражаетъ свое несогласіе съ двумя положеніями Гоббеса: 1) что справедливость основывается только на договорѣ, и 2) что въ государствѣ несправедливость возможна лишь по отношенію къ государственной власти, а не къ отдѣльнымъ гражданамъ; но вся критика ограничивается риторическими вопросами,—существенныхъ возраженій Пуфендорфъ не выставляетъ [3]).

Остается сказать еще нѣсколько словъ о двухъ знаменитыхъ писателяхъ 18-го столѣтія—Монтескье и Адамѣ Смитѣ,

---

[1]) D. I. N. et G. liber II cap. III §§ 16, 17, 18.
[2]) Тамъ-же, cap. III § 20. Ср. lib. I cap. VI § 4.
[3]) Lib. I cap. VII § 13.

которые высказали мимоходомъ свое мнѣніе о теоріи Гоббеса — каждый съ своей точки зрѣнія.

Монтескье, какъ извѣстно, опредѣлялъ законы вообще, какъ необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей, и признавалъ, что до изданія позитивныхъ законовъ уже существовали отношенія справедливости. По его мнѣнію, отрицать это, т. е. говорить, что справедливое и несправедливое есть только то, что повелѣваютъ или запрещаютъ позитивные законы, значитъ отрицать равенство радіусовъ, пока не начерченъ кругъ. Эти «законы природы» (lois de la nature) вытекаютъ единственно изъ существа человѣка (constitution de notre être), и для открытія ихъ необходимо разсмотрѣть человѣка до возникновенія общества [1]). Такимъ образомъ, можетъ показаться, что Монтескье понималъ законъ природы очень близко къ тому, какъ его понималъ Гоббесъ, и совершенно сходился съ нимъ въ вопросѣ о методѣ. Но на самомъ дѣлѣ они расходятся между собой по вопросу о содержаніи законовъ природы. Монтескье требуетъ, чтобы различали законы по степени ихъ важности и по порядку ихъ возникновенія въ сознаніи; такъ, напримѣръ, почтеніе къ Творцу есть первый по своей важности (importance) законъ, но онъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайно отвлеченныя идеи, а первыя идеи должны были имѣть болѣе конкретное содержаніе. Человѣкъ заботится о самосохраненіи прежде, чѣмъ начнетъ думать о своемъ происхожденіи. Первый человѣкъ чувствуетъ только свою слабость, онъ считаетъ себя ниже всѣхъ, всѣхъ боится; идеи равенства у него еще нѣтъ. При такихъ условіяхъ никто не рѣшится сдѣлать нападеніе на другого, и потому *миръ* есть

[1]) De l'esprit des lois. Lib. I ch. I и II. (стереотипное изданіе 1803 г., стр. 65—71).

первый естественный законъ. Отсюда ясно, что въ этомъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ Монтескье понималъ подъ закономъ природы не правило поведенія, а нѣчто совсѣмъ другое, именно характеристику естественнаго состоянія. Но въ этой характеристикѣ онъ и расходится съ Гоббесомъ. Желаніе подчинять себѣ другихъ, которое Гоббесъ съ самаго начала приписываетъ людямъ, по мнѣнію Монтескье, совсѣмъ не связано съ идеями разума. «Идея власти и господства такъ сложна и зависитъ отъ такого множества другихъ идей, что она ни въ коемъ случаѣ не могла бы быть у человѣка съ самаго начала». «Гоббесъ спрашиваетъ, почему, если люди не находятся отъ природы въ состояніи войны, они постоянно ходятъ вооруженными, и почему у нихъ есть ключи для запиранія домовъ. Но при этомъ какъ будто не чувствуется, что людямъ до возникновенія общества приписываютъ то, чего у нихъ вовсе не можетъ быть до его возникновенія, которое собою обусловливаетъ появленіе мотивовъ вражды и защиты». Какъ извѣстно, Монтескье полагалъ, что война возникаетъ лишь вмѣстѣ съ возникновеніемъ общества—и при томъ не только война международная, но и между отдѣльными лицами, а вмѣстѣ съ этимъ образуется и положительное право.

А. Смитъ говоритъ о Гоббесѣ очень немного. Онъ относитъ его вмѣстѣ съ Пуфендорфомъ и Мандевиллемъ къ разряду тѣхъ философовъ, которые основывали нравственность на себялюбіи или личной выгодѣ. «По мнѣнію Гоббеса и многихъ его послѣдователей, говоритъ онъ, человѣкъ любитъ общество не вслѣдствіе естественной склонности къ своимъ ближнимъ, но вслѣдствіе того, что безъ ихъ содѣйствія онъ не могъ бы пользоваться удобствомъ и безопасностью. Вотъ причина, почему.... онъ смотритъ на все, что

клонится къ выгодѣ и къ сохраненію общества, какъ на нѣчто, имѣющее отдаленное отношеніе къ ого личнымъ интересамъ, и на все, что клонится къ возмущенію и разрушенію общества, какъ на нѣчто вредное и гибельное для него самого. Добродѣтель поддерживаетъ общество, порокъ разрушаетъ его.... человѣкъ любитъ добродѣтель, потому-что она сулитъ ему счастіе, и ненавидитъ порокъ, потому-что послѣдній грозитъ разрушеніемъ того, отъ чего зависитъ его благоденствіе и безопасность его существованія». Опровергаетъ Смитъ эту теорію указаніемъ на неправильный фактическій составъ ея, на то, что, одобряя или порицая чужіе поступки, мы вовсе не думаемъ, насколько они полезны или вредны для общества, мы просто сочувствуемъ или не сочувствуемъ чужимъ радостямъ и страданіямъ. Говоря далѣе, что, по мнѣнію Гоббеса, законы, изданные правительствомъ, даютъ высшій критерій справедливости, онъ называетъ такое ученіе «возмутительнымъ» и присоединяется къ «основательному» замѣчанію Кедворта, что долженъ существовать критерій для опредѣленія, насколько справедливъ самый законъ [1]). Впрочемъ, съ ученіемъ Кедворта онъ тоже несовсѣмъ согласенъ.

8.

По мнѣнію *Шталя*, знаменитаго критика теоріи естественнаго права, ученіе Гоббеса исходитъ изъ тѣхъ-же самыхъ предпосылокъ, которыя принимаютъ и другіе писатели его вѣка, и которыя впервые были выставлены Г. Гроціемъ. «И онъ не признаетъ надъ человѣкомъ никакого самостоятельнаго порядка съ присущими ему нравственными законами, но

[1]) А. Смитъ Теорія нравственныхъ чувствъ. Русск. пер. Бибикова. СПБ. 1868 г. стр 410—418.

стремится вывести его изъ природы отдѣльнаго человѣка». Онъ, поэтому, также основываетъ государство на договорѣ, и для него нѣтъ другого понятія неправды, кромѣ нарушенія договора, такъ что по отношенію къ тѣмъ, съ которыми договора не было заключено, вовсе нельзя поступить несправедливо. Но особенность его теоріи составляетъ то, что право и государство, и даже мораль онъ лишаетъ ихъ нравственнаго характера (entsittlicht). Законъ природы, на которомъ онъ единственно строитъ право и нравственность, не заключаетъ въ себѣ ничего нравственнаго,—это простое физическое стремленіе къ самосохраненію: «здравый разумъ» есть не болѣе, какъ законъ благоразумія (klugheitsgesetz).

Однако Шталь признаетъ, что Гоббесъ имѣетъ передъ философіей права большія заслуги; онѣ состоятъ въ томъ, что онъ значительно развилъ и подвинулъ впередъ систему Гуго Гроція; то, что у Гроція было только намѣчено, онъ разработалъ до полной опредѣленности. Это, въ особенности, ученіе о естественномъ состояніи, указаніе на то, что въ этомъ состояніи высшій правовой принципъ не можетъ быть реализованъ и потому постулируетъ государство; сюда же нужно отнести описаніе процесса образованія государства. Эти ученія, говоритъ Шталь, хотя сами по себѣ и невѣрны, представляются, однако, необходимыми съ принятой точки зрѣнія и потому составили неотъемлемую часть всей теоріи «естественнаго права» [1]).

Жуффруа относитъ систему Гоббеса къ разряду тѣхъ, «qui détruisent la loi obligatoire en la méconnaissant». Всѣ

---

[1]) Stahl. Die Philosophie des Rechts, 4. Aufl Bd. I S. 179—181 (1-ое изд.—въ 1829 г.).

возраженія свои онъ раздѣляетъ на двѣ части: онъ показываетъ, во-первыхъ, что теорія Гоббеса не согласуется съ фактами дѣйствительности, и, во-вторыхъ, что въ ней самой заключаются внутреннія противорѣчія.

Гоббесъ, говоря о мотивахъ человѣческой дѣятельности, смѣшиваетъ эгоистическіе мотивы съ инстинктомъ. Послѣдняя цѣль всякаго инстинктивнаго стремленія есть тотъ самый предметъ, къ которому мы стремимся; такъ напр., потребность знанія, сама по себѣ, заставляетъ стремиться къ нему безъ всякаго соображенія о томъ удовольствіи, которое доставитъ достигнутый успѣхъ. Удовольствіе будетъ получено, но оно не составляетъ мотива дѣятельности. Эгоизмъ есть любовь къ удовольствіямъ, проистекающимъ изъ удовлетворенія разнообразныхъ потребностей; но мы не могли бы испытать ни одного удовольствія, если бы у насъ не было потребностей, т. е. стремленій къ тѣмъ или инымъ предметамъ. Мы никогда не испытывали бы удовольствія отъ удовлетворенія жажды, если бы не существовало самой жажды, какъ стремленія, предметъ котораго—вода. Слѣдовательно, эгоистическіе мотивы возможны только потому, что въ человѣкѣ есть другіе мотивы — инстинктивные. Этихъ-то мотивовъ Гоббесъ и не замѣтилъ. Но онъ не замѣтилъ и еще одного мотива— мотива долга и смѣшалъ его съ эгоистическимъ. Очень часто, правда, мотивъ долга совпадаетъ или дѣйствуетъ согласно (agit de concert) съ инстинктомъ и мотивомъ удовольствія, но несомнѣнно, что есть случаи, когда онъ дѣйствуетъ одинъ, т. е. не совпадаетъ ни съ инстинктивнымъ стремленіемъ, ни съ стремленіемъ къ удовольствію [1]).

---

[1]) Jouffroy, Cours de droit naturel. 1843. т. I стр. 339—345.

Далѣе, замѣчаетъ Жуффруа, Гоббесъ дѣлаетъ психологическую ошибку, представляя себѣ эгоизмъ явленіемъ болѣе простымъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. «Онъ заключаетъ въ себѣ другіе элементы, кромѣ удовольствія, и другія идеи, кромѣ идеи счастья». Жуффруа разумѣетъ здѣсь чувство симпатіи и идею «блага въ себѣ», или того, что соотвѣтствуетъ нашей природѣ (ce qui convient à notre nature); отъ этой идеи, которая еще находится въ сферѣ эгоизма, недалеко до идеи объ абсолютной цѣли, а эта идея составляетъ переходъ къ морали [1]).

Обращаясь, затѣмъ, къ внутреннимъ противорѣчіямъ въ системѣ Гоббеса, Жуффруа указываетъ на противорѣчія въ понятіяхъ естественнаго состоянія и естественнаго права. Естественное состояніе, говоритъ Гоббесъ, заключаетъ въ себѣ всевозможныя бѣдствія, и потому въ интересѣ каждаго— принять какія угодно условія, лишь бы перейти въ состояніе мира. Но если переходъ отъ состоянія войны въ состояніе мира совершается по соображеніямъ интереса, то это-же самое соображеніе должно было бы сдѣлать невозможнымъ самое состояніе природы; ибо если *въ природѣ человѣка* — видѣть, что состояніе войны наиболѣе противорѣчитъ интересамъ каждаго, какъ могло бы состояніе войны быть состояніемъ *природы?* Если эгоизмъ приводитъ человѣка къ этой истинѣ, непонятно, почему онъ приводитъ къ состоянію войны, а не мира.

Естественное право, о которомъ говоритъ Гоббесъ, есть право только по имени, потому-что ему не соотвѣтствуетъ никакой обязанности, но, напротивъ, каждый имѣетъ право

---

[1]) Тамъ-же, стр. 348—349.

нарушать права, принадлежащія другому. Это слѣдуетъ непосредственно изъ опредѣленія естественнаго права, какъ права на все. Точно также и обязанности подданныхъ по отношенію къ государственной власти суть не что иное, какъ правильно понятый интересъ (когда повиновеніе выгодно), либо онѣ сводятся къ нулю, когда повиновеніе кажется невыгоднымъ. ибо нѣтъ ничего выше собственнаго интереса, какъ каждый его понимаетъ. Понятно, поэтому, что и договоръ, на которомъ Гоббесъ пытается основать общественный порядокъ, остается пустымъ звукомъ, потому-что нѣтъ никакого начала, которое сдѣлало бы исполненіе его обязательнымъ; обѣщаніе ненарушимо потому, что нашъ разумъ признаетъ его такимъ (notre raison la déclare telle), но Гоббесъ не находитъ ничего выше личнаго интереса [1]).

Гинрихсъ, выясняя ученіе Гоббеса о законѣ и правѣ, пользуется для этого сравненіемъ его теоріи съ теоріей Гроція.

Гроцій прямо принималъ, что въ человѣка заложено стремленіе къ общенію; человѣческое общество вытекаетъ, по его мнѣнію, изъ требованій разума, и человѣческая природа есть источникъ права. Гроцій, поэтому, отправлялся отъ права и общества, какъ *данныхъ*. У Гоббеса, на-оборотъ, естественные законы и право самосохраненія *выводятся* изъ человѣческой природы. Что Гроцій выставляетъ, какъ положеніе — «естественное право существуетъ, если даже мы предположимъ, что нѣтъ Бога»,—то Гоббесъ показываетъ и развиваетъ. Онъ первый обратилъ серьезное вниманіе на принципъ соціальности (Socialität), который — если только это, дѣйстви-

[1]) Тамъ-же, стр. 356—365.

тельно, есть принципъ—долженъ найти въ самомъ себѣ свое доказательство и оправданіе. Поэтому схоластическія опредѣленія Гроція оказываются уже ненужными. Природа человѣка и его первоначальное право являются у Гоббеса въ неразрывномъ единствѣ, и въ этомъ отношеніи онъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ право божеское. Правда, и онъ называетъ естественное право божескимъ правомъ и даже подтверждаетъ естественные законы ссылками на Св. Писаніе, но онъ не ставитъ ихъ существованіе въ зависимость отъ Откровенія. Приводимыя имъ мѣста согласуются съ естественными законами не потому, чтобы они заключали въ себѣ откровенное право, но потому, что въ нихъ даются опредѣленія, согласныя съ человѣческой природой [1]). Поэтому Гоббесъ расходится съ Гроціемъ и въ пониманіи государства. Гроцій предвосхищалъ государственный порядокъ и его образованіе въ описаніи естественнаго общенія людей и видѣлъ въ немъ лишь продолженіе и развитіе этого общенія; между тѣмъ, по Гоббесу, государство не вытекаетъ непосредственно изъ человѣческой природы, и въ естественномъ состояніи оно прямо невозможно. Но это состояніе само уничтожаетъ себя, потому-что оно ведетъ къ страху смерти и, слѣдовательно, противорѣчитъ жизни. Въ естественномъ состояніи жизнь человѣка не обезпечена, поэтому онъ принужденъ искать этого обезпеченія въ государствѣ. Значитъ, государство возникаетъ въ силу необходимости, и эта необходимость есть сама жизнь, но вмѣстѣ съ возникновеніемъ государства человѣкъ теряетъ свою естественную свободу [2]).

---

[1]) Hinrichs. Geschichte der Rechts- und Staatsprincipien, 1848, Bd. I, S. 135—136.

[2]) Тамъ-же, 140—141.

Форлендеръ [1]), расходясь въ этомъ отношеніи со Шталемъ, высказываетъ мнѣніе, что этическая теорія Гоббеса составляетъ противоположность господствовавшимъ въ его время воззрѣніямъ. Если — говоритъ онъ — согласно этимъ воззрѣніямъ, всѣ искали мѣрку обязанностей въ Св. Писаніи, которое каждый толковалъ по собственному вдохновенію, а это вызывало вѣчные споры между религіозными сектами, то Гоббесъ выставляетъ, на-оборотъ, объективный и всеобщій законъ, какъ общую для всѣхъ мѣру обязанностей. И чтобы эта мѣра не стала опять предметомъ спора и произвола, Гоббесъ утверждаетъ ее на двухъ основаніяхъ: съ одной стороны, ее опредѣляетъ государственная власть, которая является представителемъ воли всего общества, съ другой — эта самая власть опредѣляетъ ее на основаніи закона природы и законовъ, открытыхъ въ христіанскомъ ученіи. А законъ природы характеризуется тѣмъ, что онъ прекращаетъ споры и устанавливаетъ миръ. Такимъ образомъ, Гоббесъ въ нравственномъ, или естественномъ законѣ обращаетъ вниманіе только на его благотворное дѣйствіе, онъ показываетъ, что всякое нарушеніе договора, всякая несправедливость есть шагъ назадъ къ состоянію природы, къ враждѣ и революціи, и что спасеніе, поэтому, только въ справедливости и въ мирѣ.

Казалось бы, что это ученіе должно было бы всѣми быть принято—особенно въ то время, когда оно появилось; однако съ самаго начала оно стало предметомъ жестокой критики, и всѣ возражатели сходятся на томъ, что это ученіе цѣликомъ построено на эгоизмѣ и на отрицаніи гражданской свободы и свободы совѣсти.

---

[1]) Geschichte der philosophischen Moral, Rechts- und Staats-Lehre der Engländer und Franzosen. 1855.

Конечно, говоритъ Форлендеръ, Гоббесъ, какъ-будто отрицаетъ за нравственными идеями самостоятельное значеніе и ставитъ ихъ въ зависимость отъ опредѣленій государственной власти; но онъ учитъ, кромѣ того, что законы природы—любовь и справедливость—обязательны для совѣсти даже тогда, когда они не имѣютъ обязательности юридической, хотя нельзя не согласиться, что эту внутреннюю обязательность онъ недостаточно прочно обосновываетъ. Далѣе, натуралистическій взглядъ Гоббеса на нравственность не только страдаетъ односторонностью, но и прямо невѣренъ, поскольку онъ оставляетъ безъ вниманія ея важнѣйшую сторону, ея отношеніе къ внутренней свободѣ человѣка, къ его свободному совершенствованію. Но опять-таки не слѣдуетъ думать, что для него вся нравственность вытекаетъ изъ эгоизма, или что эгоизмъ составляетъ, по его мнѣнію, единственный мотивъ человѣческихъ поступковъ. Такое пониманіе было бы совершенно ложно. Хотя въ естественномъ состояніи люди, дѣйствительно, обращаются къ закону природы изъ чувства страха, слѣдовательно, изъ эгоизма, но, принявъ его, они должны уже оставить свою дѣятельность, направленную только на самосохраненіе, такъ какъ осуществленіе ихъ частныхъ интересовъ съ этихъ поръ возможно не иначе, какъ вмѣстѣ съ осуществленіемъ интересовъ общихъ [1]). Такъ, по мнѣнію Форлендера, слѣдуетъ понимать теорію Гоббеса.

Куно Фишеръ [2]) признаетъ Гоббеса за послѣдователя и продолжателя философіи Бэкона. Гоббесъ, говоритъ онъ, мыслилъ

---

[1]) Назв. соч. стр. 373—375.

[2]) Реальная философія и ея вѣкъ, русск. пер., изд. второе.

естественное состояніе человѣка чисто атомистически, онъ понималъ мораль чисто политически, самое государство онъ объяснялъ реалистически, *т. е.* (?) изъ естественнаго договора, который съ необходимостью слѣдуетъ изъ естественнаго состоянія. Онъ «сводитъ на естественные законы весь нравственный міръ». Мораль возможна только при существованіи государства, только вслѣдствіе характера общепринятости моральное ощущеніе становится нравственностью. Но въ естественномъ состояніи нѣтъ общежитія, тамъ своекорыстіе рѣшаетъ вопросъ о цѣнѣ вещей, а добромъ называется предметъ своекорыстной склонности. «*Итакъ* (подчеркиваетъ К. Фишеръ) *естественной морали не существуетъ*. Или — естественный элементъ всякой такъ-называемой морали есть человѣческій эгоизмъ». Принципъ естественной морали, по Гоббесу, есть человѣческое своекорыстіе, которое, на самомъ дѣлѣ, есть противоположность всякой морали. Поэтому только государство рѣшаетъ, что̀ есть добро и зло *для всѣхъ*, что̀ справедливо и несправедливо, публичный законъ есть единственный критерій для оцѣнки дѣйствій человѣка, и, слѣдовательно, различія легальности и моральности съ точки зрѣнія Гоббеса совсѣмъ не существуетъ.

Свое изложеніе теоріи Гоббеса К. Фишеръ заключаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ. Гоббесъ разрѣшилъ выставленную Бэкономъ задачу: онъ обосновалъ физически мораль и политику—и при томъ такъ, что подчинилъ мораль политикѣ, а политику свелъ на законы природы [1]).

По мнѣнію *Вундта* [2]), основная идея теоріи Гоббеса та же,

[1]) Назв. соч, стр. 297—310.
[2]) Этика, русск. пер., стр. 326—329.

что у Бэкона: польза опредѣляетъ всюду дѣйствія людей. «Естественный законъ нравственности состоитъ для Гоббеса въ правильномъ обсужденіи полезныхъ или вредныхъ послѣдствій поступка. Нарушеніе этого закона есть, поэтому, просто ошибка разсудка, она можетъ произойти лишь отъ ложнаго умозаключенія, такъ какъ никто намѣренно не станетъ дѣйствовать противъ собственной пользы». Невозможно, чтобы божественный и государственный законы въ чемъ-нибудь не согласовались съ естественнымъ, противорѣчія между ними могутъ быть только кажущимися и зависѣть отъ заблужденія; разрѣшеніе каждаго отдѣльнаго вопроса принадлежитъ государственному закону, такъ какъ «индивидуальное сужденіе» можетъ противорѣчить общественному порядку, «который есть необходимое условіе каждаго полезнаго стремленія». Такимъ образомъ, для Гоббеса являются характерными три черты: 1) Отдѣленіе морали отъ религіи, которое состоитъ въ разграниченіи трехъ областей закона: естественнаго закона нравственности, основаннаго на индивидуальномъ усмотрѣніи, государственнаго закона, опирающагося на власть, и религіознаго закона откровенія. 2) Мотивы нравственности опредѣляются, какъ сужденія о полезномъ и вредномъ, и нравственное совпадаетъ съ логически правильнымъ; «сверхъ того, для объясненія совпаденія религіознаго закона съ гражданскимъ, къ нему присоединяются своеобразныя метафизическія предположенія; для религіознаго закона принимается *допущеніе*, что онъ содержитъ въ видѣ откровенія то же самое, къ чему само собой приводится разумное умозаключеніе», а для гражданскаго,—что верховную волю признало разумное мышленіе, стремясь найти выходъ изъ состоянія всеобщей войны. 3) Конечною цѣлью нравственности Гоббесъ признаетъ индиви-

дуальную пользу, а общее благо—лишь настолько, насколько оно заключаетъ въ себѣ благо отдѣльныхъ лицъ.

Іодль [1]), разбирая ученіе Гоббеса, довольно долго останавливается на естественномъ состояніи и на происхожденіи нравственности; онъ разсматриваетъ нѣкоторыя изъ возраженій, которыя дѣлались Гоббесу въ разное время, защищаетъ его въ этихъ пунктахъ его ученія, но, въ общемъ, высказываетъ здѣсь мало новаго. Гораздо интереснѣе его замѣчанія по другому вопросу — объ отношеніи государства къ закону природы. «Нерѣдко, говоритъ онъ, дѣло представлялось такъ, будто Гоббесъ своимъ обращеніемъ къ положительному праву уничтожилъ въ сущности все то естественное право, которое онъ передъ тѣмъ установилъ». Дѣйствительно, онъ учитъ, что въ государствѣ отдѣльное лицо не можетъ уже само рѣшать о справедливости и несправедливости и должно подчиняться опредѣленіямъ закона; но не слѣдуетъ забывать, что это подчиненіе устанавливается въ интересахъ охраненія мира, а это охраненіе есть для Гоббеса «первое и самое благородное велѣніе естественнаго закона». Точно также его утвержденіе, что государственный законъ не можетъ предписывать ничего противнаго закону естественному, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что естественный законъ обязываетъ человѣка подчиниться государству и, слѣдовательно, всѣмъ его предписаніямъ. Но если Гоббесъ хочетъ сказать, что «никакой государственный законъ не можетъ противорѣчить естественному», то это уже невѣрно: источникъ одного есть разумъ, а другого—воля государственной власти,—

---

[1]) Исторія этики въ новой философіи; русск. пер т. I, 1896, стр. 83—95.

значитъ, противорѣчіе между ними вполнѣ возможно. «Въ дѣйствительности на этомъ, дающемъ себя отъ времени до времени чувствовать, противорѣчіи гражданскаго порядка съ требуемымъ измѣняющимися обстоятельствами правомъ разума, покоится всякое дальнѣйшее развитіе правовыхъ нормъ. *Но Гоббесу именно недостаетъ пониманія живого процесса этого созданія права*». Его точка зрѣнія «формальной легальности» не обнимаетъ всего существа дѣла, потому-что «рядомъ» съ положительнымъ правомъ есть еще обширная область обычая, въ которомъ lex naturalis «отдѣльныхъ индивидуумовъ» восполняетъ и исправляетъ правовой порядокъ. Ошибка его состоитъ въ томъ, что законы естественный и государственный не стоятъ у него рядомъ, но находятся въ отношеніи подчиненности.

Значительное число ошибокъ Гоббеса объясняются, по мнѣнію Іодля, тѣмъ, что факты, на которые опирается его теорія, представлены невѣрно и съ значительными пробѣлами. «Онъ видитъ въ человѣкѣ только эгоистически изолированную особь, а въ нравственномъ только средство къ мирному и безопасному существованію». Основаніемъ его теоріи служитъ «не человѣкъ въ цѣломъ (говоритъ Іодль), а только часть человѣческаго существа»: онъ пытается объяснить всю нравственность, какъ видоизмѣненіе человѣческаго себялюбія. Въ концѣ концовъ Іодль признаетъ, однако, что теорія Гоббеса опирается на неоспоримые факты опыта (стр. 94).

Спеціально юридическому и государственному ученію Гоббеса посвятили свои болѣе или менѣе обширныя монографіи: Нюшелеръ, Жанвро, Теннiесъ, Колльбергъ, Робертсонъ, Луисъ,

Ліонъ и Мессеръ. Мы остановимся теперь на этихъ изслѣдованіяхъ, за исключеніемъ небольшой брошюры Жанвро, который даетъ одно лишь популярное и безпритязательное *изложеніе* теоріи Гоббеса, не освѣщая ее никакими критическими замѣчаніями [1]).

Нюшелеръ [2]) интересуется, главнымъ образомъ, политической теоріей Гоббеса и касается понятій права и закона лишь настолько, насколько это нужно для его темы. Онъ объясняетъ «эгоистическую» мораль Гоббеса, какъ необходимое слѣдствіе его номинализма, для котораго добро и зло суть лишь слова, обозначающія то, что нравится или не нравится отдѣльному человѣку. Но въ этомъ «атомистическомъ раздробленіи» нравственныхъ понятій Гоббесъ не могъ идти очень далеко, потому-что, по его ученію, всѣ естественныя стремленія человѣка возбуждаются внѣшними объектами и ими опредѣляются; слѣдовательно, онъ не можетъ въ своей этикѣ ограничиться однимъ индивидуумомъ, хотя это и согласовалось бы вполнѣ съ его номиналистическимъ направленіемъ. Благо, въ которомъ принимаютъ участіе многіе, онъ ставитъ впереди пользы отдѣльныхъ лицъ. Еще болѣе противорѣча себѣ, Гоббесъ признаетъ общіе, отъ природы данные намъ законы разума, которые должны соединить «эгоистически изо-

---

[1]) Jeanvrot. De l'origine et des principes des lois d'après Thomas Hobbes. 1880. — Я опускаю также всю довольно обширную литературу о «Гоббесѣ и Спинозѣ»—по основаніямъ, указаннымъ выше на стр. 31. Для интересующихся этимъ вопросомъ могу рекомендовать обстоятельную статью Гартенштейна (помѣщ. въ его Historisch-philosophische Abhandlungen), также Sigwart: Vergleich der Rechts- und Staatstheorien des Spinoza und des Hobbes. 1842, Dessauer: Hobbes und Spinoza, Gaspary Spinoza and Hobbes, Gaul: Die Staatstheorie von Hobbes und Spinoza (въ Jahresbericht des Grossherz. Realschule zu Alsfeld за 1887 г.).

[2]) H. Nuscheler. Die Staatstheorie des Thomas Hobbes, 1865.

лированныхъ индивидуумовъ» въ нравственномъ общеніи. Уступка номинализму состоитъ только въ томъ, что онъ не допускаетъ дѣйствительнаго существованія такого общенія: законы разума онъ не признаетъ достаточно сильными для того, чтобы привести къ единству всѣхъ людей, изъ которыхъ у каждаго свои эгоистическія желанія. Стремленія къ общежитію онъ не отрицаетъ, но возможныхъ отсюда выводовъ онъ избѣгаетъ тѣмъ, что отрицаетъ у «естественно образующихся соединеній» (natürlichgesellige Vereinigungen) характеръ государства, ибо уже заранѣе опредѣлилъ государство, какъ искусственное тѣло, образованное путемъ договора; съ тою же цѣлью онъ стремится показать, что естественныя соединенія всегда носятъ «эгоистическій характеръ» и потому не могутъ долго существовать, ни достигать болѣе или менѣе значительной величины. Въ противоположность теоріи общежительности человѣка, онъ утверждаетъ, что человѣку отъ природы свойственна, на-оборотъ, недовѣрчивость, и чтобъ подкрѣпить это утвержденіе, онъ старается свести къ минимуму естественное неравенство. Но остается все-таки открытымъ вопросъ: какая же сила дѣлаетъ изолированныхъ индивидуумовъ членами одного тѣла? Самый простой отвѣтъ и, притомъ, отвѣтъ, «наиболѣе согласный съ основными идеями ученія Гоббеса», состоялъ бы въ признаніи, что право есть сила. Но это противорѣчило бы признанію всеобщаго равенства, ибо если всѣ люди равны, неоткуда и взяться силѣ т. е. превосходству однихъ передъ другими. Поэтому, онъ обращается къ теоріи договора. А чтобъ сдѣлать возможнымъ договоръ между эгоистически настроенными индивидуумами, Гоббесъ выдвигаетъ впередъ понятіе разума, дѣйствующаго по опредѣленнымъ естественнымъ законамъ. Обязательность договора

онъ основываетъ на томъ соображеніи, что было бы противорѣчіемъ—неисполненіемъ договора сдѣлать безплодной свою ясно выраженную волю—достичь обезпеченнаго состоянія; но, не смотря на это соображеніе, онъ видитъ настоящее обезпеченіе исполненія договора въ матеріальной силѣ, превосходящей своимъ могуществомъ силы отдѣльныхъ лицъ [1]).

Такимъ образомъ, Нюшелеръ не находитъ въ теоріи Гоббеса ничего, кромѣ грубыхъ, безысходныхъ противорѣчій.

Теннісъ посвятилъ Гоббесу двѣ довольно обширныя журнальныя статьи [2]), но, собственно, понятія закона и другихъ, непосредственно съ нимъ связанныхъ понятій, онъ касается очень мало. Всю Гоббесову моральную философію онъ характеризуетъ именемъ раціоналистической [3]), желая этимъ обозначить противоположность освѣщенія предмета съ богословской точки зрѣнія. Хотя, говоритъ онъ, Гоббесъ и допускаетъ очень часто это освѣщеніе и даже *«по обычаю того времени»* подкрѣпляетъ свои аргументы текстами Писанія, но зато эти самые аргументы тщательно очищены отъ придатка религіознаго и церковнаго мышленія. Понятія естественнаго права и естественнаго закона, которыми пользуется Гоббесъ,—только необходимая дань схоластикѣ, его истинное намѣреніе—дать понятія для фактическихъ отношеній: онъ хочетъ только показать, что естественное, *или первобытное* состояніе человѣ-

---

[1]) Назв. соч. стр. 22 и слѣд и стр. 110—119.

[2]) «Anmerkungen uber die Philosophie des Hobbes» (Vierteljahrsschrift f. wiss. Philosophie Bd. III — V, 1878—81); «Thomas Hobbes. Zum dritten Saculargedächtniss seines Geburtsjahres» (Deutsche Rundschau, 1889, Heft 7). Вторая изъ этихъ статей заключаетъ въ себѣ популярный очеркъ жизни и ученія Гоббеса.

[3]) Viertelj. V, стр. 199.

чества характеризуется понятіемъ безысходной (rücksichtslos) вражды, онъ хочетъ *логически* объяснить уже совершившійся фактически переходъ къ мирному общенію. Естественнымъ закономъ обозначается полученный изъ опыта разумный взглядъ, который заставилъ человѣка положить конецъ невыносимому состоянію всеобщей войны и заключить «общественный договоръ». Тенніесъ и останавливается затѣмъ подробно на образованіи общественнаго порядка и выясняетъ отношеніе Гоббеса къ этому вопросу съ точки зрѣнія его основныхъ философскихъ воззрѣній. Вышеприведенныя замѣчанія—единственное, что можно извлечь изъ его статей о понятіи закона.

По мнѣнію *Колльберга* [1]), заслуга Гоббеса состоитъ въ новой постановкѣ вопроса о соціальной природѣ человѣка, но рѣшеніе, которое онъ даетъ, не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Гоббесъ пытается выяснить мотивы, которые приводятъ человѣка къ общенію, и находитъ, что человѣкъ есть существо несоціальное, и что государство, поэтому, есть нѣчто искусственное (ein künstliches Product). Но опытъ открываетъ намъ въ человѣкѣ не только эгоистическія побужденія, но и чисто соціальныя (sociale Triebe), а ихъ то Гоббесъ и не видитъ. Однако, и безъ этого видна натяжка въ его выводахъ. Онъ признаетъ государство явленіемъ не необходимымъ, а случайнымъ (ex accidente), т. е. такимъ, которое не вытекаетъ изъ человѣческой природы и не составляетъ необходимаго элемента его жизни; а такъ какъ государство возникаетъ изъ страха, изъ эгоистическихъ побужденій, то эти самыя побужденія должны были бы составлять также нѣчто случайное въ природѣ человѣка; но у Гоббеса этого нѣтъ,

[1]) Kollberg. Hobbes' Staatslehre. 1883

онъ, напротивъ, признаетъ человѣка эгоистомъ отъ природы. Это грубое противорѣчіе. Устранить его можно было бы только тѣмъ, что признать эгоистическія побужденія лишь за causa impulsiva, а не за истинную, внутреннюю причину государства.

Большое значеніе придаетъ Колльбергъ также тому, что Гоббесъ выводитъ невозможность естественнаго права изъ того, что оно въ діалектическомъ процессѣ своего развитія само себя уничтожаетъ: право на все есть право на ничто. Въ этомъ отношеніи Гоббесъ является даже отчасти предшественникомъ Гегеля. А если (замѣчаетъ Колльбергъ) присоединить сюда то положеніе, которое Гоббесъ развиваетъ въ дальнѣйшихъ главахъ своего трактата — именно, что только то есть право, что признано таковымъ со стороны государства, то нельзя не замѣтить, что Гоббесъ становится въ рѣзкое противорѣчіе со всей естественно-правовой школой, что онъ догадывался уже объ истинномъ характерѣ права и тѣмъ подготовилъ то пониманіе его, которое вошло въ науку только благодаря работамъ Савиньи и его послѣдователей. Гоббесъ видѣлъ,—хотя и не съумѣлъ правильно формулировать этого,— что нѣтъ никакого естественнаго права, что все право позитивно и создано властью государства [1]). Колльбергъ ставитъ въ упрекъ Гоббесу еще и то, что онъ не съумѣлъ провести точную границу между правомъ и нравственностью, хотя это вполнѣ было возможно при его пониманіи закона природы; все различіе между ними сглаживается тѣмъ, что въ государствѣ законъ природы теряетъ свою силу и подчиняется позитивному праву [2]).

---

[1]) Стр. 16—36.

[2]) На его способъ «of subordinating moral to positive law» указываетъ также Робертсонъ («Hobbes» — въ Blackwood's philosophical classics — стр. 143).

Луисъ [1]) строго отдѣляетъ въ философіи Гоббеса право отъ морали—естественное право отъ естественнаго закона. Гоббесъ говоритъ, что въ естественномъ состояніи разумъ повелѣваетъ дѣлать все для защиты своей жизни, и, затѣмъ, отождествляя велѣніе разума съ естественнымъ правомъ, выставляетъ такую формулу, въ которой отрицается существованіе въ природѣ всякаго различія между правомъ и неправомъ. Отсюда нетрудно сдѣлать выводъ о необходимости нравственныхъ законовъ, какъ основанія для другой жизни. Эти законы Гоббесъ выводитъ отчасти изъ разума, отчасти изъ чувства самосохраненія; именно, стремленіе къ самосохраненію даетъ руководящія точки зрѣнія для заповѣдей разума, а разумъ имѣетъ своей задачей установить общія условія, которыя лучше всего гарантировали бы охрану человѣческой личности. Однако, такое раздѣленіе функцій между разумомъ и стремленіемъ къ самосохраненію, по которому первый даетъ форму, а второе—содержаніе нормамъ нравственности, Гоббесъ не съумѣлъ провести до конца. Онъ смѣшиваетъ эти функціи, и отсюда возникаетъ цѣлый рядъ противорѣчій. На одно только стремленіе къ самосохраненію у него опирается все «ученіе объ эгоистическихъ обязанностяхъ»: храбрость есть требованіе разума, потому-что она обѣщаетъ спасеніе отъ опасности, умѣренность,—потому-что сохраняетъ душевныя силы; альтруистическія же обязанности вытекаютъ изъ того положенія, что всякій долженъ стремиться къ миру, но эти обязанности, въ свою очередь, раздѣляются на два вида—доброжелательство и право. Къ первому сводятся скромность, справедливость, любезность и др., а всѣ эти требова-

---

[1]) G. Louis. Uber den Individualismus des Hobbes. 1891. стр. 30 и слѣд.

нія получаютъ свое содержаніе, конечно, только отъ стремленія къ самосохраненію, потому-что только такой смыслъ и имѣетъ требованіе мира, а, слѣдовательно, эти обязанности ничѣмъ по существу не отличаются отъ эгоистическихъ. Въ области правовыхъ требованій разумъ играетъ болѣе значительную роль. По ученію Гоббеса, слова *справедливость* и *несправедливость* не имѣютъ, первоначально, никакого содержанія, они получаютъ его только вмѣстѣ съ заключеніемъ договора. Но при этомъ онъ объясняетъ, что люди, не исполняющіе договоровъ, не могутъ жить другъ съ другомъ въ мирѣ, и потому обязанность исполненія договора, которая лежитъ у него въ основаніи всѣхъ прочихъ юридическихъ обязанностей, оказывается простымъ средствомъ для самосохраненія. Съ другой стороны, онъ указываетъ, что нарушеніе договора заключаетъ въ себѣ противорѣчіе и, слѣдовательно, не можетъ быть допущено разумомъ. Такимъ образомъ, «отсутствіе противорѣчія въ житейскихъ отношеніяхъ индивидуума является требованіемъ разума, которое вмѣстѣ съ цѣлесообразностью для самосохраненія (Zweckmassigkeit für die Selbsterhaltung) лежитъ въ основѣ правовыхъ обязанностей». Вопросъ о томъ, почему люди станутъ исполнять обязанности, Гоббесъ рѣшаетъ очень просто, признавая, что великодушіе и справедливость (Billigkeit) суть природныя свойства человѣка; этотъ же оптимистическій взглядъ онъ переноситъ и въ сферу права [1]).

По мнѣнію Луиса, слѣдовательно, Гоббесъ то рѣзко отдѣляетъ право отъ нравственности, то смѣшиваетъ ихъ, и раз-

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что Луису не удалось достаточно рельефно показать то основное противорѣчіе, которое ему видится въ ученіи Гоббеса о законѣ.

умъ разсматриваетъ, то какъ простую способность дѣлать выводы, то какъ нѣчто, имѣющее свое опредѣленное содержаніе.

Лионъ [1]) ставитъ въ особую заслугу Гоббесу то, что въ своей этической теоріи онъ не занимается никакими апріорными построеніями. Онъ стремится къ изученію нравовъ приложить тотъ же геометрическій методъ, который, по его мнѣнію, такъ много сдѣлалъ для физики, и хотя этотъ методъ по преимуществу дедуктивный, но основанія для доказательствъ Гоббесъ беретъ только изъ опыта. Онъ беретъ человѣка, какъ онъ есть,—со всѣми его душевными свойствами—и спрашиваетъ, какихъ правилъ должна держаться воля, чтобы слѣдовать лучшему изъ своихъ стремленій. Къ этому сводится для Гоббеса вся нравственная проблема. Мрачныя краски, которыми онъ описываетъ естественное состояніе, не слѣдуетъ объяснять только его пессимизмомъ и думать, что люди, по его мнѣнію, могутъ относиться другъ къ другу только со злобой; его мысль иная: пока не возникло общество и вмѣстѣ съ нимъ нравственность, ничто не гарантируетъ человѣка отъ дурныхъ намѣреній другого—никакая обязанность и никакой законъ, потому-что законъ и обязанность предполагаютъ уже существованіе общенія. Возникновеніе общества и возникновеніе морали есть одно и то же. Но для Гоббеса здѣсь идетъ рѣчь не о фактахъ; онъ не становится на историческую точку зрѣнія, онъ не спрашиваетъ себя, происходило-ли все на самомъ дѣлѣ такъ, какъ онъ думаетъ, и есть-ли свидѣтельства о томъ, что таковъ, дѣйствительно, былъ ходъ собы-

---

[1]) G. Lyon. La philosophie de Hobbes. 1893. Стр. 148 и слѣд.

тій. Какъ настоящій геометръ, онъ не заботится объ эмпирическихъ доказательствахъ, для него достаточно, что теперь люди живутъ въ гражданскомъ состояніи—значитъ, въ прошломъ произошелъ цѣлый рядъ необходимыхъ измѣненій, подъ вліяніемъ которыхъ должна была сложиться человѣческая психика. Точнѣе, все представляется такъ, *«какъ если бы* оно было продуктомъ извѣстнаго историческаго процесса». — Что касается того, какъ Ліонъ понимаетъ „законъ природы" Гоббеса, то объ этомъ замѣчено было уже выше на стр. 33.

Мессеръ [1]) задался цѣлью выяснить взаимоотношеніе нравственнаго и государственнаго закона по ученію Гоббеса. Онъ признается, что Гоббесъ чрезвычайно рѣдко употребляетъ выраженіе *нравственный законъ*, но считаетъ возможнымъ, ссылаясь на De cive III, 31, понимать терминъ lex naturalis вообще, какъ синонимъ нравственнаго закона. Однако, говоритъ онъ, хотя взаимныя обязанности людей составляютъ все содержаніе legis moralis, но lex naturalis заключаетъ еще кое-что другое, что нельзя подвести подъ понятіе нравственнаго закона, *какъ оно установлено самимъ Гоббесомъ;* сюда относится, напр., все, что естественный законъ трактуетъ о правахъ и обязанностяхъ государственной власти и объ отношеніи человѣка къ Богу. Основанія обязательности этого нравственнаго закона коренятся въ томъ, что исполненіе его ведетъ къ миру и безопасности. «Поэтому для Гоббеса совсѣмъ нѣтъ нужды выводить обязательность естественнаго закона изъ авторитета стоящей надъ человѣкомъ божественной воли». Онъ

[1]) W. Messer. Das Verhältniss von Sittengesetz und Staatsgesetz bei Thomas Hobbes. 1893.

принимаетъ, правда, отождествленіе lex naturalis съ lex divina, но онъ дѣлаетъ это отнюдь не для того, чтобы придать нравственнымъ законамъ особую обязательную силу; ибо «въ собственномъ интересѣ человѣка—ихъ исполнять, и непреодолимое естественное стремленіе должно его къ этому пріучить. Такимъ образомъ, понятіе обязанности въ смыслѣ новой этики (категорическій императивъ и т. п.) осталось для Гоббеса неизвѣстнымъ». Отношеніе нравственнаго закона къ государственному характеризуется, прежде всего, тѣмъ, что lex naturalis omnes leges civiles jubet observari. Эту мысль Мессеръ поясняетъ вполнѣ согласно съ текстомъ De cive: законъ нравственный предписываетъ миръ, онъ возможенъ только благодаря государственнымъ законамъ,—значитъ, ихъ нужно соблюдать. Но далѣе онъ прибавляетъ: «Только этимъ достигаетъ государственный законъ характера закона, *обязывающаго совѣсть*, ибо государственный законъ, *самъ по себѣ*, обязываетъ только къ дѣйствіямъ, но не къ волѣ, согласной съ закономъ». При этомъ сдѣлана ссылка на De cive XIV, 14, но, очевидно, что это мѣсто авторъ понялъ совершенно невѣрно [1]).

Изъ того, что Гоббесъ допускаетъ иногда возможность неисполненія государственнаго закона, — именно, когда онъ требуетъ отъ гражданина пожертвованія жизнью, — Мессеръ выводитъ недостаточность выставленнаго Гоббесомъ моральнаго принципа; ибо онъ не признаетъ, что самопожертвова-

---

[1]) Вотъ это мѣсто: Lex enim naturalis, quamquam à civili distinguatur, quatenus voluntati praecipit, tamen quod ad actiones attinet, civilis est; exempli gratia, haec, *Non concupisces*, quae pertinet tantum ad animum, lex naturalis tantum est; haec vero, *Non invades*, et naturalis et civilis est.

ніе можетъ когда-нибудь быть нравственнымъ долгомъ и имѣть высокую нравственную цѣну.

Вторая формула, опредѣляющая отношеніе этихъ понятій, гласитъ, что только въ государствѣ возможно совершенное исполненіе нравственнаго закона. Изъ сопоставленія этихъ двухъ формулъ вытекаетъ большое затрудненіе: нравственный законъ можетъ быть соблюдаемъ только въ государственномъ состояніи, но въ это состояніе можно придти изъ состоянія естественнаго, только путемъ соблюденія нравственнаго закона, т. е. соблюденія того договора, который кладетъ начало государству. Это затрудненіе, говоритъ Мессеръ, нельзя устранить тѣмъ, что считать естественное состояніе у Гоббеса простой фикціей, потому-что онъ, несомнѣнно, понималъ «естественное» состояніе, какъ состояніе исторически данное, до-государственное (ссылка на извѣстное мѣсто Левіаѳана).

Непосредственно изъ этой формулы вытекающее положеніе, что leges naturales etiam civiles sunt, Мессеръ объясняетъ тѣмъ, что Гоббесъ не считаетъ возможнымъ осуществленіе нравственности безъ «императивовъ внѣшняго принужденія», и потому принужденіе для всей области нравственнаго должно принадлежать государству. Такая точка зрѣнія страдаетъ односторонностью, но Гоббесъ не замѣчаетъ этого потому, что въ понятіи закона природы онъ мыслитъ, главнымъ образомъ, тѣ заповѣди, которыя регулируютъ наши отношенія къ другимъ, а эта регулировка составляетъ какъ-разъ задачу правового порядка.

Въ виду такой тѣсной связи между закономъ государства и закономъ природы, говоритъ Мессеръ, возникаетъ вопросъ, принималъ-ли Гоббесъ существованіе естественнаго права, какъ опредѣленія границъ „моего и твоего“. Оказывается,

что онъ совершенно отдѣлялъ право отъ нравственности, ибо, признавая независимый отъ государства нравственный законъ, не признавалъ естественнаго права въ смыслѣ «нравственнаго фактора», сохраняющаго свое значеніе и для позитивнаго права. Это видно изъ его понятія права каждаго на все. Но въ выводѣ этого опредѣленія права изъ того, что все можетъ служить средствомъ къ самосохраненію, Мессеръ видитъ ошибку: хотя все можетъ намъ представляться необходимымъ для самосохраненія, но мы имѣемъ на это право *не безусловно* (schlechthin), *а лишь въ томъ случаѣ*, когда это нужно для упомянутой цѣли. Поэтому, слово «право» изъ обозначенія нравственной возможности, согласной съ стоящимъ надъ нимъ закономъ, становится выраженіемъ чисто физической возможности. Какъ бы то ни было, создателемъ права является государство; поэтому не можетъ быть несправедливыхъ (ungerechte) государственныхъ законовъ, и никто не имѣетъ по отношенію къ государству никакихъ «естественныхъ правъ». Но это касается только области частнаго права, публичное же право онъ цѣликомъ выводитъ изъ закона природы. Съ другой стороны, весь нравственный законъ сводится къ одной формулѣ—повинуйся законамъ государства—и потому поглощается этими законами и становится вслѣдствіе этого совсѣмъ ненужнымъ. Въ этихъ предѣлахъ ученіе Гоббеса страдаетъ непримиримыми противорѣчіями.

Въ русской литературѣ Гоббесу не очень посчастливилось. Спеціальныхъ монографій о немъ нѣтъ вовсе, а изъ авторовъ общихъ курсовъ Чичеринъ разсматриваетъ все его ученіе, не исключая и ученія о законѣ, только съ точки зрѣнія

политической; Коркуновъ [1]) удѣляетъ ему меньше десяти страницъ, причемъ онъ даетъ лишь сжатое (правда, чрезвычайно точное) изложеніе, но ни однимъ словомъ не высказываетъ своихъ взглядовъ на теорію Гоббеса и не говоритъ ничего о тѣхъ возраженіяхъ, которыя въ разное время были ему сдѣланы; Бершадскій останавливается на Гоббесѣ нѣсколько больше, это—по всему видно—одинъ изъ любимыхъ его писателей, у него есть и изложеніе, и критика, но и его замѣчанія, въ общемъ, довольно отрывочны и не всегда вѣрны. Выше, на стр. 33, было приведено пониманіе закона природы, выставленное Бершадскимъ; оно не можетъ быть принято, потому-что не согласуется съ текстомъ. Точно также не можетъ быть принято и его пониманіе границъ принудительно-законодательной дѣятельности государства. Онъ говоритъ: «человѣкъ, отказываясь отъ принадлежащаго ему въ естественномъ состояніи права на все въ пользу государства, не можетъ въ этотъ отказъ включить своей жизни: право на жизнь есть тотъ резерватъ, который остается за отдѣльнымъ человѣкомъ и въ государствѣ. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что эта неприкосновенность жизни, безопасность, миръ, есть тотъ минимумъ, на которомъ сходятся безусловно не всѣ члены общежитія, а преобладающее большинство. Это преобладаніе желаній большинства, перевѣсъ большей силы надъ меньшею въ движеніи внутренней государственной жизни, точно также вполнѣ согласуется съ общими взглядами Гоббеса» [2]). Съ такой характеристикой никакъ нельзя согласиться. Прежде всего, никакихъ прирожденныхъ, неотъемлемыхъ правъ въ

---

[1]) Исторія философіи права. Изд. второе, Спб. 1898.

[2]) Выше назв. сочиненіе, стр. 203—204.

смыслѣ «droits imprescriptibles» французской революціи, Гоббесъ не признавалъ, онъ, вообще, былъ далекъ отъ отождествленія естественной свободы съ естественнымъ правомъ и потому не могъ ограничивать государственную власть никакими субъективными принципами, напр., свободы личности и т. п., характернымъ для него является какъ разъ обратное, именно—подчиненіе власти чисто объективному началу закона и общаго блага. Но далѣе и, отчасти, уже въ силу этого одного, въ теоріи Гоббеса совсѣмъ не видно преобладанія большинства. Вѣдь государство у него не властно надъ жизнью гражданъ именно потому, что желаніе сохранить жизнь заставляетъ каждаго отказаться отъ своей свободы и подчиниться государству, и государство, требуя отъ гражданъ самопожертвованія, этимъ самымъ теряетъ всякое raison d'être, ибо оно должно стремиться не къ благу того или другого лица, но къ *общему благу*. А къ самосохраненію стремится всякій, и не потому, чтобы этого требовалъ какой-нибудь законъ, а исключительно въ силу естественнаго порядка вещей. Наконецъ, не можетъ быть вовсе рѣчи о резерватѣ, потому-что онъ предполагаетъ существованіе двухъ договоровъ—договора соединенія (pactum unionis) и договора подчиненія (pactum subjectionis), а Гоббесу это дѣленіе совсѣмъ не было извѣстно, и, насколько объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ мѣстамъ его сочиненій, онъ высказался бы противъ возможности такого дѣленія [1]). Болѣе подробно разсматриваетъ Бершадскій различныя стороны его ученія о государствѣ, но оно имѣетъ здѣсь для насъ лишь второстепенное значеніе.

Нѣсколько болѣе обстоятельную характеристику и оцѣнку

Подробнѣе объ этомъ у Gierke, Johannus Althusius.

нравственнаго и юридическаго ученія Гоббеса даетъ А. Смирновъ въ своемъ изслѣдованіи: «Англійскіе моралисты XVII в.» [1]). Въ этой книгѣ цѣлая глава посвящена нравственно-политической теоріи Гоббеса, причемъ сдѣлана попытка строго отдѣлить изложеніе теоріи отъ ея критики. Попытку эту нужно признать неудачной: критическія замѣчанія, въ общемъ, лишь повторяютъ, резюмируютъ то, что уже ранѣе было сказано въ томъ или другомъ мѣстѣ изложенія. Объясняется это тѣмъ, что авторъ не отдѣлилъ текста излагаемаго ученія отъ своего пониманія этого текста, а это пониманіе основывается на извѣстномъ согласіи или несогласіи съ Гоббесомъ, которое обусловливается собственными философскими воззрѣніями автора, отдѣлъ же критики не указываетъ ни внутренняго достоинства теоріи, ни ея отношенія къ фактамъ дѣйствительности, но опредѣляетъ лишь тѣ категоріи, подъ которыя могутъ быть подведены различныя стороны ея, а отношеніе автора къ этимъ категоріямъ опредѣляется, въ свою очередь, его собственными взглядами. Поэтому, здѣсь можно ограничиться однимъ короткимъ пересказомъ его критическихъ замѣчаній [2]).

По мнѣнію автора, методъ «политическихъ разсужденій» Гоббеса есть антитезъ историческаго метода (268). Онъ состоитъ, «въ умственномъ, обыкновенно, произвольномъ, насильственномъ разложеніи сложныхъ фактовъ», въ искусственномъ построеніи опредѣленій и въ выводѣ изъ нихъ тѣхъ или другихъ положеній. Такъ, Гоббесъ разложилъ государство на

---

[1]) А. Смирновъ. Исторія англійской этики. Т. I. Англійскіе моралисты XVII в. Реформа моральныхъ наукъ и основаніе научной этики въ Англіи. Казань, 1880.

[2]) Стр. 268—291.

правительство и народъ, не спрашивая совсѣмъ, можетъ-ли существовать и существовалъ-ли когда-нибудь народъ безъ правительства; но онъ оставляетъ въ сторонѣ правительство, какъ фактъ «будто бы производный и случайный», и, анализируя понятіе народа, «находитъ, что народъ состоитъ изъ индивидуумовъ». Но недостатки такого метода сказываются очень скоро: ничѣмъ не связанные индивидуумы не могутъ составить государство. Поэтому Гоббесъ «прерываетъ нить своихъ апріорныхъ построеній и обращается къ фикціи первоначальнаго контракта», а эта гипотеза, по мнѣнію автора, находится въ противорѣчіи съ ученіемъ Гоббеса о первоначальномъ антагонизмѣ между людьми. Но и помимо метода практическая философія Гоббеса оказывается вполнѣ несостоятельной.

Главнымъ источникомъ ошибочныхъ воззрѣній Гоббеса было его неправильное понятіе о человѣческой природѣ. Онъ разсматривалъ человѣка внѣ всякихъ реальныхъ условій, которыя его окружаютъ, — человѣкъ естественнаго состоянія есть чистѣйшая фикція, которой онъ приписалъ такія свойства, какія нашелъ нужными «въ собственныхъ цѣляхъ, въ видахъ дать опору своей ретроградной теоріи государственнаго абсолютизма». При всемъ этомъ, теорія Гоббеса имѣетъ большія достоинства, по своему общему духу она гораздо научнѣе всѣхъ предшествовавшихъ и даже современныхъ ему системъ. Главнѣйшую заслугу Гоббеса авторъ видитъ въ томъ, что онъ «разсуждалъ о человѣкѣ и о человѣческой жизни при наименьшемъ количествѣ богословскихъ и метафизическихъ предположеній» (282). Онъ возстановилъ естественную связь этики съ психологіей, ибо, только начиная съ него, мысль о зависимости нашихъ поступковъ отъ мотивовъ получила въ

наукѣ подобающее ей мѣсто. Съ своей стороны, Гоббесъ указалъ только на одинъ мотивъ — стремленіе къ самосохраненію — и, какъ на продукты его, на чувства удовольствія и страданія; по мнѣнію автора, это единственные мотивы человѣческаго поведенія, но онъ находитъ, что Гоббесъ сдѣлалъ ошибку, опредѣливъ ими и самое содержаніе нравственности. Вопросъ объ отношеніи «между нравственной и юридической точкой зрѣнія на человѣческія дѣла не былъ отчетливо поставленъ» Гоббесомъ. Онъ слишкомъ рѣзко понималъ абсолютизмъ власти, которой стремился подчинить всю внутреннюю жизнь человѣка; онъ проводилъ ту мысль, что въ государствѣ единственный «критерій добра и зла *есть* воля главы», а подданные «не *должны* имѣть» свое сужденіе о томъ, что справедливо, и что несправедливо [1]). Но не смотря на это, онъ пытается указать черты различія между закономъ «нравственнымъ *или* естественнымъ» и юридическимъ. Конечно, эта попытка «въ настоящее время представляется весьма неудовлетворительной»...

9.

Въ началѣ этого изслѣдованія мы видѣли, что далеко не всѣ рѣшаютъ одинаково вопросъ о принадлежности Гоббеса къ школѣ естественнаго права. Теперь, познакомившись съ литературой о Гоббесѣ, мы можемъ указать еще и на другой фактъ: изъ всѣхъ его критиковъ, занимавшихся этимъ вопросомъ, не нашлось ни одного, который бы рѣшилъ его въ положительномъ смыслѣ и въ то же время поставилъ Гоб-

[1]) Курсивъ здѣсь мой.

бесу въ упрекъ его принадлежность къ названной школѣ. Напротивъ, всѣ, кто болѣе или менѣе рѣшительно упрекаетъ его въ отрицаніи естественнаго права, указываютъ на это, какъ на слабую сторону его ученія, а изъ тѣхъ, кто держится противоположнаго мнѣнія объ его отношеніи къ естественному праву, большинство старается защитить его отъ этихъ упрековъ и вовсе не думаетъ видѣть въ этомъ чего-нибудь для него позорнаго. И это—не только въ такъ наз. эпоху господства естественнаго права, но и въ XIX столѣтіи, когда, по общепризнанному мнѣнію, эту школу смѣнила другая, ей противоположная—историческая. Это явленіе до крайности любопытное. Теорія естественнаго права считается давнымъ-давно отвергнутой, и въ научномъ спорѣ показать, что тотъ или иной взглядъ опирается на скрытое признаніе естественнаго права, значитъ, по общему мнѣнію, сдѣлать своего рода reductio ad absurdum (ср. обычный споръ о юридическомъ характерѣ международнаго права), а между тѣмъ при оцѣнкѣ одной изъ геніальнѣйшихъ системъ XVII вѣка, до самаго послѣдняго времени, отрицающіе ея согласіе съ доктриной естественнаго права ставятъ ей это въ упрекъ, и, на-оборотъ, утверждающіе это согласіе видятъ въ этомъ ея крупное достоинство. Ясно, что тутъ не все обстоитъ благополучно. Въ принципѣ всѣ отвергаютъ теорію естественнаго права, а при оцѣнкѣ отдѣльной философской системы всѣ или громадное большинство ее принимаютъ [1]). Откуда такое противорѣчіе? Оставить его безъ разсмотрѣнія было бы невозможно. Захотимъ-ли мы дать общую характеристику ученія Гоббеса и подвести его подъ высшую категорію, или

[1]) Ср., какъ любопытный примѣръ, у Бершадскаго, назв. соч.. стр. 138 (критика ученія Спинозы).

намъ нужно будетъ произнести свой приговоръ надъ нимъ, мы должны непремѣнно выяснить себѣ, какъ слѣдуетъ относиться къ признанію естественнаго права.

Въ настоящее время вопросы эти усиленно занимаютъ собою науку. И теоретикамъ, и историкамъ науки они представляются достойными серьезнаго вниманія. Среди первыхъ, какъ и среди вторыхъ, преобладаютъ все еще суровые критики, но встрѣчаются и не менѣе убѣжденные сторонники и защитники естественнаго права. Однако не всѣ эти изслѣдователи могутъ насъ удовлетворить и, значитъ, не всѣ они заслуживаютъ одинаковаго къ себѣ вниманія. Въ частности, относительно первыхъ приходится сказать, что ихъ критика отличается крайней традиціонностью, возраженія повторяются все тѣ же, которыя мы слышали ужь очень давно, не выставляется ничего новаго, и вопросы, выдвинутые впередъ движеніемъ науки и со стороны господствующаго направленія объявленные неразрѣшимыми, такъ и остаются «неразрѣшимыми»: никто не пытается даже пересмотрѣть ихъ съ точки зрѣнія естественно-правовой школы, — вѣдь ужь этотъ-то вопросъ «рѣшенъ» давно и окончательно; вообще, здѣсь замѣтно нѣкоторое отсутствіе логики, и это въ особенности видно изъ того, что совершенно одинаковыя возраженія противъ признанія естественнаго права можно найти у представителей самыхъ различныхъ направленій, часто другъ друга исключающихъ. Не болѣе удовлетворительно ведется и защита. Здѣсь— такъ же, какъ и тамъ, — очень часто повторяются старыя, избитыя и безсодержательныя фразы о «вѣчныхъ правахъ человѣка», о «благѣ въ себѣ», о «вѣчной справедливости» и т. п., или защита строится на такихъ силлогизмахъ, въ которыхъ большая посылка сама еще требуетъ тщательнаго

и старательнаго изслѣдованія и обоснованія, а понятія, при помощи которыхъ оперируютъ, опредѣлены невсегда достаточно раздѣльно или, на-оборотъ, даются совершенно излишнія и вовсе не идущія къ дѣлу подраздѣленія, такъ что авторъ, въ концѣ концовъ, доказываетъ гораздо меньше того, что онъ хотѣлъ и обѣщалъ доказать; этимъ, конечно, въ корнѣ подрывается довѣріе ко всякой защитѣ, и естественное право очень часто могло бы сказать: «избавьте меня отъ друзей, а со своими врагами я ужь какъ-нибудь справлюсь» [1]).

Для открытія источниковъ указаннаго выше противорѣчія намъ нѣтъ, поэтому, надобности разсматривать всю эту литературу; довольно будетъ, если мы остановимся только на оригинальномъ и наиболѣе полномъ и обстоятельномъ. Если мы внимательно разсмотримъ тѣ возраженія противъ естественнаго права, которыя были сдѣланы въ самомъ началѣ кампаніи противъ него, — а эта кампанія началась никакъ не раньше, чѣмъ упрочилось значеніе исторической школы—и, затѣмъ, разберемъ полный сводъ главнѣйшихъ доводовъ, мнѣній, замѣчаній, и т. п., когда-либо и кѣмъ-либо высказанныхъ и сдѣланныхъ за все время борьбы противъ естественнаго права, то мы сдѣлаемъ все, что нужно, ибо отдѣльныя вылазки не представляютъ интереса. Первый рѣшительный, а по мнѣнію многихъ—и «разрушительный» ударъ былъ нанесенъ естественному праву Шталемъ въ его книгѣ «Die Philosophie des Rechts», первый томъ которой (Geschichte der

[1]) Къ числу писателей, къ которымъ не подойдетъ эта характеристика принадлежатъ: Stammler (Uber die Methode der geschichtlichen Rechtstheorie, Wirtschaft und Recht), Petrone (La fase recentissima della filosofia del dritto in Germania; Filosofia del diritto), Hennebicq (Philosophie du droit et droit naturel) и др.

Rechtsphilosophie) вышелъ въ 1829 году. Критика Шталя считается настолько рѣзкой и философски обоснованной, что до самаго послѣдняго времени въ курсахъ и монографіяхъ ссылались только на нее, и этимъ однимъ уже указывалось отношеніе автора къ естественному праву. Въ 1892 году появился I томъ сочиненія Бергбома «Jurisprudenz und Rechtsphilosophie», посвященный, главнымъ образомъ, выясненію значенія естественнаго права для современной науки; здѣсь собрано все, сколько-нибудь существенное и важное, а автору принадлежитъ огромный и почетный трудъ классификаціи и систематизаціи матеріала. На этихъ двухъ книгахъ намъ и надлежитъ остановиться.

Шталь даетъ двоякую оцѣнку естественнаго права: логическую и реальную — logische Prüfung и reelle Prufung; первая имѣетъ задачей показать неустойчивость результатовъ изъ неустойчивости принциповъ, а вторая — ложность основаній изъ ложности результатовъ. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Шталь подводитъ естественное право подъ общее понятіе раціонализма. Раціонализмъ хочетъ познать міръ изъ себя самого при помощи одного мышленія. Но разумъ есть единство, а міръ—безконечное разнообразіе. Поэтому, чтобъ выполнить свою задачу, раціонализмъ долженъ или отрицать самостоятельное существованіе вещей внѣ насъ и признать ихъ произведеніемъ самого разума, или—допустить реальное существованіе вещей, познаваемыхъ разумомъ. Въ первомъ случаѣ непонятно, какимъ образомъ разнообразное можетъ вытекать изъ единаго, дѣйствующаго всегда по одному и тому-же закону,—непонятно, почему у насъ есть различныя представленія, почему единое начало производитъ то растеніе,

то животное, а не постоянно одно и то-же; во второмъ случаѣ остается совершенно необъяснимымъ, какимъ образомъ разнообразіе содержанія можетъ быть охвачено въ единствѣ разума. Теорія естественнаго права идетъ этими-же двумя путями. Одни хотятъ вывести изъ разума не только юридическія правила, но и разнообразныя людскія отношенія, другіе—и вмѣстѣ съ ними Кантъ—предполагаютъ существованіе внѣ разума разнообразныхъ отношеній. Для первыхъ всѣ человѣческія потребности, какъ-то потребность въ пищѣ, одеждѣ, воспитаніи, съ необходимостью вытекаютъ изъ природы самосознанія, а слѣд. изъ нея вытекаютъ и всѣ разнообразныя юридическія отношенія. Но изъ самосознанія, или сознанія своего *я* можетъ вытекать самое большее—существованіе нѣкотораго *не-я*, но никакъ не опредѣленнаго, именно этого *не-я*, именно тѣла, другого человѣка и т. п.; между отвлеченнымъ *не-я* и конкретными потребностями лежитъ цѣлая пропасть.—Для вторыхъ справедливость въ людскихъ отношеніяхъ есть нѣкоторое правило разума, и всякое данное положеніе справедливо только потому, что само по себѣ нравственно-безразличное отношеніе оказалось необходимымъ подвести подъ это правило. Но дѣло въ томъ, что такой необходимости никогда не можетъ оказаться; правило всегда остается безсодержательнымъ, а отношенія—нравственно-безразличными, формальное правило можетъ обнять собою любое отношеніе, а не только то, которое подъ него подводятъ, и, слѣдовательно, этимъ путемъ нельзя получить никакого прочнаго результата. Такимъ образомъ, говоритъ Шталь, методъ естественнаго права заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе; тѣмъ же самымъ недостаткомъ обладаетъ и содержаніе его. Оно признаетъ два начала: свободу личности и законъ разума, ограничивающій

ее. Но эти два начала несоединимы. Естественное право требуетъ надѣленія человѣка субъективными правами и въ то же время требуетъ, чтобъ эти права основывались на законѣ разума; но нельзя понять, какъ это возможно [1]).

Разсматривая возраженія Шталя, направленныя противъ раціонализма вообще, нельзя сейчасъ же не замѣтить, что они захватываютъ слишкомъ много, что они хотятъ оспорить гораздо больше того, что слѣдуетъ. Желая опровергнуть возможность познанія изъ одного разума, Шталь въ концѣ концовъ возражаетъ уже противъ всякаго участія разума въ познаніи вещей, такъ что раціоналистомъ у него оказывается даже Кантъ, разрушившій догматическую философію и, главнымъ образомъ, раціонализмъ. Говоря о томъ видѣ раціонализма, который признаетъ реальное бытіе вещей внѣ насъ, Шталь спрашиваетъ, какимъ образомъ всѣ эти вещи могутъ быть охвачены въ единствѣ разума. Но возраженіе это вовсе не касается раціонализма, какъ такового, оно касается всѣхъ системъ, признающихъ возможность познанія; его можетъ избѣгнуть только отрицающій всякое познаніе скептицизмъ, либо такая философія, которая подъ познаніемъ разумѣетъ одно только чувственное воспріятіе и его одно только и допускаетъ.

Но гораздо важнѣе отмѣтить другую, можетъ быть, болѣе грубую ошибку въ аргументаціи Шталя. Ученіе естественнаго права онъ подводитъ подъ типъ раціоналистическаго ученія; но это безусловно невѣрно. Раціонализмъ вовсе не составляетъ необходимой предпосылки для естественнаго права, мы очень легко можемъ себѣ представить ученіе естествен-

---

[1]) Gesch. der Rechtsphilosophie, 4-e Aufl. стр. 254—269.

наго права, основанное на совершенно иной теоріи познанія. Чтобъ не ходить далеко за примѣрами, достаточно указать на Гоббеса. Правда, многіе отрицаютъ принадлежность Гоббеса къ этому направленію, но самъ Шталь считаетъ такой взглядъ на него неправильнымъ (стр. 119). А между тѣмъ Гоббеса никакъ нельзя отнести къ числу раціоналистовъ. Въ литературѣ по этому вопросу полнаго согласія не существуетъ: одни считаютъ его послѣдователемъ Бэкона, другіе находятъ у него слѣды непосредственнаго вліянія Галилея, одни видятъ въ немъ эмпириста и даже матеріалиста, другіе его поклоненіе геометрическому методу объясняютъ, какъ тяготѣніе въ сторону раціонализма. Конечно, какъ всякій мыслитель, Гоббесъ не можетъ быть заключенъ въ тѣсныя рамки какого-нибудь одного болѣе или менѣе узкаго направленія съ опредѣленнымъ названіемъ и съ заранѣе опредѣленной программой; несомнѣнно, что въ философію онъ внесъ нѣчто свое, но если ужь обозначать его ученіе непремѣнно какимъ-нибудь терминомъ, то всего правильнѣе и удобнѣе опредѣлить его, какъ систему обыденнаго міросозерцанія, въ которомъ находятся элементы и обрывки всевозможныхъ и часто другъ другу противоположныхъ системъ, или — точнѣе, изъ котораго при посредствѣ философскаго анализа могутъ быть выведены и фактически выводились различныя, болѣе или менѣе ярко окрашенныя философскія теоріи. Система Гоббеса именно такова. Въ ней опытъ и разумъ (experientia и ratio) стоятъ рядомъ, ничѣмъ не примиренные. Съ одной стороны, утверждается, что все знаніе есть продуктъ одного опыта, съ другой—признается возможнымъ открыть причинную связь между явленіями при помощи однѣхъ логическихъ операцій; опытъ то понимается, какъ противоположность умозрѣнія, такъ что опытъ

имѣетъ свои задачи и предметы, а разумъ свои,—то оказывается, что элементы чистаго мышленія находятся во всякомъ опытѣ, и съ этой точки зрѣнія различается, хотя недостаточно ясно, познаніе à priori и à posteriori [1]). Вообще, у Гоббеса можно найти не мало мѣстъ, гдѣ указывается на участіе разума во всякомъ опытѣ [2]), но въ чемъ собственно выражается это участіе—этотъ вопросъ не получаетъ точнаго и яснаго отвѣта [3]). Такая неясность и отрывочность составляютъ какъ-разъ характерныя особенности міросозерцанія обыкновеннаго здравомыслящаго человѣка, не имѣющаго опредѣленной точки зрѣнія на природу познанія; оно есть раціонализмъ не больше, чѣмъ эмпиризмъ или критицизмъ, ибо въ немъ есть элементы всѣхъ этихъ теорій. Поэтому совершенно неправильно подводить ученіе естественнаго права подъ общее понятіе раціонализма или считать первое необходимымъ логическимъ выводомъ изъ второго [4]), а, слѣдовательно, всѣ возраженія Шталя противъ раціонализма, еслибъ они даже были вѣрны по существу, не въ силахъ подорвать авторитетъ теоріи естественнаго права. Остается одно изъ двухъ: или заново изслѣдовать вопросъ объ ея отношеніи къ теоріи познанія или разсматривать ее по существу, независимо отъ ея

---

[1]) Ср. De homine epist. dedicat. cap. X art. 4 (Molesworth, стр. 92).

[2]) De Corpore, cap. I, VI и др.

[3]) Ср понятія индукціи и дедукціи, анализа и синтеза и др. Читатель видитъ, что я имѣю въ виду здѣсь раціонализмъ, только какъ теорію познанія, и вовсе не касаюсь метафизическаго (или «объективнаго», по терминологіи Шталя) раціонализма. Это объясняется тѣмъ, что возраженія Шталя касаются только перваго.

[4]) Такъ какъ въ философіи Гоббеса есть, во всякомъ случаѣ, раціоналистическіе элементы, то кто-нибудь подумаетъ, можетъ быть, что его признаніе естественнаго права основывается какъ-разъ на этихъ элементахъ. Тогда подходящими примѣрами сюда могутъ служить системы Локка или Канта. См. Two treatises of Government, b. II ch. II, V и др., и Metaphysik der Sitten (преим. Einleitung in die Rechtslehre).

обще-философскихъ основаній. А возраженія Шталя по существу оказываются совершенно несостоятельными. Все содержаніе естественнаго права, говоритъ онъ, сводится къ признанію естественной свободы человѣка и закона, ее ограничивающаго; но эти два начала, говоритъ онъ, несовмѣстимы. Однако, ясно для всякаго, что эти начала не составляютъ вовсе какой-нибудь особенности естественнаго права, безъ нихъ не можетъ обойтись никакая юридическая теорія, и всякій юристъ, какой бы теоріи онъ ни держался, долженъ признать естественную свободу человѣка, ибо это есть фактъ дѣйствительности [1]), и законъ, потому-что безъ него нѣтъ субъективныхъ правъ. Признать ихъ долженъ даже и такой юристъ, который признаетъ только одно положительное право. Отрицать законъ значитъ — вовсе отрицать всякое право, а если отрицать индивидуальную свободу, —то какой смыслъ въ законѣ?

Такимъ образомъ, логическая оцѣнка естественнаго права, сдѣланная Шталемъ, оказывается далеко не убѣдительной; вышеприведенныя соображенія, какъ мнѣ кажется, показали несостоятельность его возраженій. Обратимся теперь къ реальной оцѣнкѣ.

Реальная оцѣнка, какъ сказано выше, должна, по мысли Шталя, показать протоворѣчивость послѣднихъ выводовъ ученія естественнаго права. А выводы эти слѣдующіе. Вся нравственность (Ethos), не только ея опредѣленное содержаніе, выводится изъ мышленія, и этимъ самымъ уничтожается тотъ особый характеръ нравственности, который состоитъ въ *реаль-*

---

[1]) Я разумѣю здѣсь только индивидуальную свободу, а никакъ не свободу воли; это понятіе остается въ сторонѣ отъ проблемы естественнаго права, да и самъ Шталь вовсе не говоритъ о немъ.

ныхъ отношеніяхъ. Нравственность не есть уже отношеніе, а только одна послѣдовательность (Folgerichtigkeit), и безнравственность есть лишь непослѣдовательность (Inconsequenz), именно логическое противорѣчіе между мышленіемъ и дѣятельностью. Но тогда, говоритъ Шталь, всѣ логическія ошибки нужно тоже считать грѣхомъ—даже еще большимъ, потому-что онѣ болѣе непосредственно нарушаютъ правила мышленія. Содержаніе нравственности, которая выводится изъ разума, можетъ имѣть только отрицательный характеръ. Ибо разумъ ничего не творитъ, онъ только исключаетъ (schliesst aus), поэтому его заповѣди запрещаютъ только то, что *не* должно дѣлать, и чего *не* должно упускать: «всякая добродѣтель есть исполненіе долга—ненарушеніе» [1]). Въ этомъ видитъ Шталь грубую ошибку, потому-что этимъ отрицается самостоятельная цѣнность (selbstständiger Werth) дѣятельности, рѣшающее значеніе получаетъ не она сама, а ея согласіе съ тѣми правилами, по которымъ дѣйствуютъ. Всякая истинная, положительная добродѣтель — любовь, вѣра—есть дѣятельность, и ее вовсе нельзя мыслить, какъ недѣятельную; на-оборотъ, исполненіе долга, само по себѣ, не заключаетъ въ себѣ дѣятельности (thatlos), въ такой добродѣтели главное есть принципъ, а дѣятельность только «средство—прикрыть его собственную несостоятельность». Съ этой точки зрѣнія, нравственность есть не болѣе, какъ математическая задача: нужно рѣшить, что есть долгъ, и что — нѣтъ, и вездѣ долгъ либо исполненъ, либо нѣтъ. Но положительныя добродѣтели не могутъ быть найдены ни въ какомъ готовомъ понятіи. Кто могъ бы найти, напр., сущность любви при помощи понятія мышленія или долга? и въ чемъ

---

[1]) Alle Tugend ist Pflichterfüllung—Nicht-Uebertretung. стр. 270.

состоятъ тѣ дѣйствія, которыя бы опять съ необходимостью вытекали изъ понятія любви, и удовольствуется-ли истинная любовь тѣмъ, что вытекаетъ изъ понятія? Она оставляетъ далеко за собой всякое мышленіе, и «никакая нравственная философія не смѣла бы предписать или даже опредѣлить заранѣе все, что она даетъ». Всякое дѣйствіе, всякое проявленіе героизма есть неожиданность (Ueberraschung), ибо всякое дѣйствіе есть творчество, которое не можетъ быть найдено à priori. То же самое—и по отношенію къ праву. Право, выведенное изъ разума, заключаетъ въ себѣ только отрицательныя положенія, и высшее понятіе, до котораго доходитъ естественное право, есть вѣчный миръ, т. е. отсутствіе войны, отсутствіе разрушенія. Точно также свобода и равенство, о которыхъ оно говоритъ, существенно отличаются отъ той свободы и того равенства, которыя существуютъ въ дѣйствительности. Свобода, выведенная изъ понятія, равна для всѣхъ только потому, что въ ней нѣтъ никакого содержанія, что это есть пустая возможность, а гдѣ она получаетъ содержаніе, т. е. пріобрѣтаетъ опредѣленныя права, тамъ она оказывается неравною. Но истинная свобода для всѣхъ одна и та же, «она не допускаетъ различія во владѣніи, въ пользованіи, въ духовномъ познаніи и т. д.»

Таковы, говоритъ Шталь, выводы изъ того принципа, что только логически необходимое имѣетъ обязательность. Эти выводы неизбѣжны во всякой системѣ разума (Vernunftsystem), хотя въ одной они могутъ получать болѣе рѣзкій и опредѣленный характеръ, чѣмъ въ другой. Но больше всего естественное право грѣшитъ тѣмъ, что оставляетъ совсѣмъ безъ вниманія ту идею или назначеніе, которыя присущи каждому жизненному отношенію. Каждое жизненное отношеніе имѣетъ

опредѣленное назначеніе, которое нужно выполнить, и на этомъ-то и основываются различныя нравственныя и правовыя требованія. Назначеніе (Bestimmung) брака, напр., есть наиболѣе полное единеніе супруговъ, и отсюда именно и вытекаютъ всѣ правовыя опредѣленія, касающіяся брака: обязанность вѣрности, запрещеніе полигаміи, кровосмѣшенія, самовольнаго разлученія и т. д. Точно также и въ другихъ человѣческихъ отношеніяхъ,— въ имущественномъ оборотѣ, въ государствѣ, въ церкви. Для естественнаго права этого внутренняго назначенія совсѣмъ не существуетъ, и «потому ускользаютъ отъ него истинныя требованія разумнаго, соотвѣтствующаго природѣ права».

Нѣтъ возможности выписать все множество подобныхъ же блестящихъ фразъ о назначеніи человѣка, о задачахъ права, о непрестанномъ совершенствованіи и приближеніи къ идеалу, которыя наполняютъ собой эту часть книги Шталя [1]). Неопытнаго читателя онѣ подкупаютъ именно своимъ блескомъ и благородствомъ. Въ существѣ дѣла, всѣмъ возраженіямъ Шталя можно противопоставить слѣдующіе пункты.

1) Въ литературѣ естественнаго права, дѣйствительно, встрѣчается уподобленіе безнравственнаго поступка логической непослѣдовательности; но это всегда только *уподобленіе*, а никакъ не отождествленіе. См., напримѣръ, у Гоббеса De cive III, 3 [2]). Такъ что нѣтъ вовсе данныхъ утверждать, что школа естественнаго права, какъ таковая, опредѣляла нравственность, какъ послѣдовательность, а безнравственность, какъ непослѣдовательность. Конечно, даже и уподобленіе было несовсѣмъ точно, потому-что при этомъ совершенно упускался

[1]) Назв. соч. стр. 269—288.

[2]) Est similitudo quaedam inter id, quod in vita communi vocatur *injuria*, et id, quod in scholis solet appellari *absurdum* ... — Сообразно съ этимъ нужно понимать и Annotatio къ II, 1.

изъ виду элементъ воли; но если мы примемъ въ разсчетъ исключительно интеллектуалистическое направленіе всей вообще философіи почти вплоть до Канта, и если согласимся на время принять такую точку зрѣнія, съ которой волевая сторона дѣятельности отступаетъ на задній планъ передъ элементами сознательности, то окажется возможнымъ признать «непослѣдовательность» терминомъ, очень удачно и близко къ истинѣ характеризующимъ безнравственную дѣятельность. Преступленіемъ или грѣхомъ мы называемъ поступокъ, противорѣчащій опредѣленному правилу поведенія. Но мы никогда не назовемъ преступникомъ лицо, которое нарушаетъ неизвѣстное ему правило: чтобы связывать дѣятельность, правило должно сначала войти въ сознаніе дѣйствующаго лица; съ другой стороны, и самая дѣятельность должна быть сознательной: поступокъ, совершенный безсознательно, не можетъ быть вмѣненъ въ вину и признанъ преступленіемъ. Сознаніе должно присутствовать и въ первомъ случаѣ, и во второмъ. Человѣкъ долженъ *сознать* извѣстное правило, какъ обязательное, и затѣмъ *сознательно* отвергнуть его обязательность. Въ этомъ, несомнѣнно, заключается непослѣдовательность. Ироническое замѣчаніе Шталя, что логическія ошибки слѣдовало бы тогда считать болѣе тяжкими преступленіями, все-таки сохранятъ свою силу и показываетъ очень хорошо, что воля есть существеннѣйшій элементъ нравственной дѣятельности, опустивъ который мы всегда рискуемъ придти къ болѣе или менѣе ошибочнымъ заключеніямъ. Но за естественнымъ правомъ остается несомнѣнная заслуга: оно подчеркнуло необходимость различать въ нравственности двѣ разныя вещи— дѣятельность и правила. Смѣшеніе ихъ подрываетъ силу другого возраженія Шталя.

2) Нравственность, говоритъ онъ, есть совокупность реальныхъ отношеній. Этому тезису можно противопоставить другой: нравственность есть совокупность правилъ поведенія. Нравственные факты, или отношенія, и нравственныя правила—понятія совершенно различныя. Дѣятельность, сама по себѣ, не имѣетъ, вопреки Шталю, никакой самостоятельной цѣнности, она пріобрѣтаетъ цѣнность только тогда, когда она есть дѣятельность нравственная, т. е. когда она согласна съ опредѣленными правилами поведенія. Гдѣ нѣтъ такихъ правилъ, тамъ не можетъ быть ни нравственныхъ, ни безнравственныхъ поступковъ, тамъ невозможно ни порицаніе, ни одобреніе, потому-что нѣтъ никакого критерія для оцѣнки дѣятельности, всѣ мотивы одинаково дозволены, и воля ничѣмъ не связана. Поэтому въ нравственной дѣятельности или въ нравственныхъ отношеніяхъ (понятія не совсѣмъ тождественныя, но мы можемъ оставить въ сторонѣ этотъ вопросъ) есть двѣ стороны: дѣятельность и правила (нормы), ее связывающія. Нормы существуютъ въ сознаніи независимо отъ дѣятельности и, слѣдовательно, независимо отъ нея могутъ быть изучаемы. Вопросъ уже совершенно иной—откуда берутся эти правила, не извлекаемъ-ли мы ихъ изъ самой дѣятельности, чрезъ посредство анализа? У Шталя есть подобная мысль. По его мнѣнію, въ каждомъ отношеніи, какъ оно дается жизнью, уже скрыто его назначеніе, и остается только формулировать его въ нравственныхъ и правовыхъ нормахъ, соблюдая которыя человѣкъ и выполнитъ это назначеніе. Логически—это совершенно невѣрно. Какимъ образомъ изъ факта, изъ того, что есть или было, можно извлечь мысль о томъ, что должно быть? Гдѣ возьмемъ мы увѣренность, что намъ удалось угадать это «назначеніе», и правильно вывести изъ

него соотвѣтственныя нормы? Шталь говоритъ о назначеніи брака и о вытекающихъ изъ него нормахъ: запрещеніе полигаміи, самовольнаго разлученія и проч. Но какія же это нормы? конечно, не нормы положительнаго права, ибо полигамія и самовольное прекращеніе брака встрѣчаются у большинства народовъ. Это, говоритъ Шталь, «разумное право»; но чѣмъ-же оно отличается отъ естественнаго? Однако, оставляя въ сторонѣ этотъ методологическій вопросъ, никто не можетъ отрицать, что въ каждомъ *отдѣльномъ* случаѣ дѣло сводится къ опредѣленію нормы, или правила поведенія, и къ выясненію, насколько данная дѣятельность этому правилу соотвѣтствуетъ. Шталь называетъ это «рѣшеніемъ математической задачи», и если въ самой этой кличкѣ онъ видитъ несокрушимое возраженіе,— его дѣло, но возраженія тутъ, собственно, нѣтъ никакого.

3) Шталь указываетъ, что положенія естественнаго права имѣютъ отрицательный характеръ, между тѣмъ какъ истинная добродѣтель заключаетъ въ себѣ положительное содержаніе. Возраженіе это фактически невѣрно, потому-что въ отдѣльныхъ естественно-правовыхъ системахъ выставлено было немало положительныхъ юридическихъ требованій; достаточно вспомнить всѣмъ извѣстное «исполняй договоры» (pactis standum est). Шталь можетъ на это отвѣтить, что этому положенію легко можетъ быть придана отрицательная форма — «не нарушай договоровъ»,—но тогда онъ станетъ на точку зрѣнія тѣхъ юристовъ, которые утверждаютъ, что всякой юридической нормѣ можетъ быть придана форма запрещенія, и слѣд. для него уже не будетъ существовать никакого различія между положительными и отрицательными этическими нормами и самое возраженіе отпадаетъ.

Быть можетъ, Шталя нужно понимать нѣсколько иначе. Быть можетъ, мысль его та, что исполненіе нормы есть лишь *отрицательное условіе* нравственности поступка, а содержаніе его, нравственная цѣнность состоитъ въ чемъ-то другомъ, болѣе высокомъ, напр. «въ проявленіи героизма». Такъ понимаемое выраженіе это можетъ относиться гораздо болѣе (или исключительно даже) къ сферѣ морали въ тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ къ сферѣ права[1]); но оно и совсѣмъ не относится къ ученію естественнаго права, такъ какъ самъ Шталь утверждаетъ, что «*никакая* нравственная философія» не можетъ даже опредѣлить заранѣе все, что можетъ сдѣлать любовь, вѣра и т. п. — слѣдовательно, это — возраженіе всей философіи, а не отдѣльному направленію ея. Онъ идетъ еще дальше и объявляетъ всякую дѣятельность «творчествомъ», «неожиданностью», для которой не только въ философіи, но и вообще нигдѣ не можетъ быть установлено никакихъ правилъ. Возраженіе это, слѣдовательно, можно отвергнуть, не разсматривая его по существу, ибо, очевидно, естественное право нельзя обвинять въ томъ, въ чемъ повинна вся философія или даже все мышленіе. Что же касается того, что высшее понятіе, до котораго дошло естественное право въ лицѣ Канта, есть вѣчный миръ т. е. отсутствіе дѣятельности, *т. е.* отрицаніе, то очень хорошо извѣстно, что для философіи Канта это вовсе не высшій идеалъ *человѣчества*, а что установленіе мира не можетъ быть высшей задачей *права*, это еще требуетъ доказательства.

[1]) Вопросъ, вѣрно-ли это и по отношенію къ морали, долженъ быть, къ сожалѣнію, оставленъ безъ разсмотрѣнія, такъ какъ это привело бы къ другому, чрезвычайно обширному вопросу о моральномъ принципѣ. Что же касается юридической области, то тамъ добродѣтели соотвѣтствуетъ, очевидно, исполненіе обязанности, а не осуществленіе права, юридическая же обязанность всегда опредѣлена раньше.

Если послѣ всего сказаннаго мы спросимъ, почему-же критика Шталя пользовалась, а отчасти и пользуется такимъ огромнымъ авторитетомъ, то отвѣтъ будетъ довольно простой, хотя онъ и рискуетъ показаться нѣсколько парадоксальнымъ. *Шталь самъ принадлежалъ къ школѣ естественнаго права, а такъ какъ основная точка зрѣнія этой школы составляетъ необходимое условіе всякаго юридическаго мышленія, то его критика должна была всѣмъ казаться убѣдительной.* Выступая противникомъ естественнаго права, Шталь спорилъ съ нимъ потому, что 1) неправильно считалъ его непосредственно связаннымъ съ раціонализмомъ (а свое естественное право онъ основывалъ на вѣрѣ) и опровергалъ этотъ послѣдній, а не самое ученіе естественнаго права; 2) онъ принадлежалъ къ крайнему направленію этой школы и боролся противъ направленій болѣе умѣренныхъ,—напр. онъ не удовольствовался «отрицательными» и формальными нормами естественнаго права и требовалъ положительнаго и опредѣленнаго содержанія ихъ, онъ не только признавалъ естественное право (какъ бы онъ ни называлъ его—дѣло, вѣдь, не въ названіи), но и указывалъ для него источникъ, самый «вѣчный и неизмѣнный», какой только можно придумать: установленныя «природой» человѣческія отношенія, «природу вещей» (стр. 261) и др.— примѣры можно найти въ сдѣланныхъ выше выпискахъ, а еще больше въ изложеніи его собственной системы (т. II ч. 1 и 2); 3) онъ расходился съ большинствомъ естественно-правовыхъ теорій въ ихъ выводахъ и положеніяхъ чисто политическаго характера, напр. на мѣсто общественнаго договора онъ хотѣлъ бы поставить принципъ богоустановленности государства.

Поэтому-то вся критика Шталя побиваетъ или одно изъ

возможныхъ философскихъ основаній теоріи естественнаго права, или одно изъ его направленій; но она не въ силахъ опровергнуть всю школу, какъ совокупность общихъ ученій о правѣ, независимо отъ ихъ философскихъ и, въ частности, гносеологическихъ принциповъ.

Переходимъ къ Бергбому. Его критика существенно и выгодно отличается отъ критики Шталя двумя чертами.

Во-первыхъ, онъ даетъ точное и ясное опредѣленіе того, что онъ понимаетъ подъ естественнымъ правомъ; при этомъ онъ отбрасываетъ различные признаки, выставленные той или иной отдѣльной теоріей, и оставляетъ только существенные и общіе признаки понятія. На стр. 130—131 онъ говоритъ: «подъ естественнымъ правомъ я разумѣю всякое представленіе о правѣ, независимомъ отъ человѣческаго установленія (Satzung). Обыкновенно (herkommlicher Weise) подъ этимъ понимаютъ правоположенія или, по крайней мѣрѣ, одни общія и основныя правоположенія, которыя существуютъ внѣ связи съ ближайшими источниками позитивнаго права, но съ которымъ нужно обращаться въ юридическихъ вопросахъ, когда позитивное право недостаточно, и въ вопросахъ правообразованія, какъ къ обязательнымъ для законодателя руководителямъ». На стр. 363 онъ признаетъ сторонникомъ естественнаго права всякаго, кто утверждаетъ, что есть силы, производящія право, «которое не непремѣнно тождественно съ позитивнымъ, или иначе: что есть идеи, принципы, источники, изъ которыхъ при помощи мышленія могутъ быть выведены правовыя понятія и сужденія (Rechtsurteile), независимыя отъ позитивнаго права». На стр. 134 онъ объявляетъ приверженцами естественнаго права всѣхъ тѣхъ, кто «вообще мы-

слитъ нормы, которыя должно считать положеніями права, но которыя не принадлежатъ къ даному праву, хотя, можетъ быть, и принадлежатъ къ какому-нибудь другому» (подраз. положительному [1]). Слѣдовательно, естественное право, съ точки зрѣнія Бергбома, можетъ быть опредѣлено однимъ, вполнѣ яснымъ, хотя и отрицательнымъ, признакомъ: *естественное право есть право непозитивное*. Наличность такого опредѣленія значительно облегчаетъ и критику, и ея провѣрку.

Во-вторыхъ, его критика имѣетъ исключительно юридическій характеръ, она смотритъ на ученіе естественнаго права, какъ на юридическую теорію, и вовсе не касается его общефилософскихъ основаній [2]). Указывая на это, какъ на достоинство книги Бергбома, я совсѣмъ не хочу сказать, что вопросы теоріи права можно или даже слѣдуетъ рѣшать независимо отъ общихъ вопросовъ философіи; но такая постановка дѣла имѣетъ въ данномъ случаѣ преимущество съ точки зрѣнія методологіи, такъ какъ оказывается возможнымъ оставить въ сторонѣ чрезвычайно трудную проблему объ отношеніи философіи права къ общей философіи, тогда какъ при иной постановкѣ ее нужно или признать уже разрѣшенной, или вовсе отвергнуть ея существованіе. То и другое было бы, разумѣется, неправильно.

Вся критика Бергбома распадается на двѣ части: въ первой естественное право разсматривается въ его отношеніи къ положительному правопорядку, во второй — въ отношеніи къ философіи права. Первая имѣетъ своей задачей показать, что оно не нужно для порядка, основаннаго на положительномъ

---

[1]) Ср. также стр. 233 и 359.

[2]) Самъ Бергбомъ говоритъ объ этомъ на 359 стр.

правѣ, вторая — что идея естественнаго права несовмѣстима съ фактическими и логическими основаніями общаго понятія о правѣ.

Въ первой части Бергбомъ говоритъ: фактъ существованія положительнаго права никто отрицать не можетъ, поэтому всякій, кто допускаетъ существованіе еще другого, естественнаго права, долженъ объяснить, въ чемъ заключается отношеніе между этими двумя видами права. Отношеніе это можетъ быть троякое. Или естественное право дополняетъ собой положительное, или положительное служитъ дополненіемъ естественнаго, или, наконецъ, естественное право является «критическимъ масштабомъ и основаніемъ» положительнаго права. Ни то, ни другое, ни третье—по мнѣнію Бергбома—не возможно. Посмотримъ, какъ онъ это доказываетъ.

1) Восполненіе пробѣловъ (Lucken) положительнаго права не можетъ быть задачей естественнаго права потому, что въ положительномъ правѣ вообще нѣтъ пробѣловъ, и потому еще, что естественное право не можетъ перейти изъ сферы субъективныхъ представленій въ объективно дѣйствующія нормы [1]). Бергбомъ разсуждаетъ такъ. Допустимъ существованіе пробѣловъ въ положительномъ правѣ. Пробѣлъ—это значитъ, что есть дѣйствія, состоянія и вообще «внѣшнія отношенія людей», о которыхъ положительное право совсѣмъ не высказалось, которыя оно вовсе не регулируетъ. Такія «отношенія», дѣйствительно, существуютъ. Но положительное право никогда не считало нужнымъ и цѣлесообразнымъ регулировать всю совокупность того, что можетъ быть предметомъ регулировки; оно всегда выбирало изъ всей этой сово-

[1]) Стр. 372—373.

купности только нѣкоторую часть и, умалчивая объ остальномъ, показывало тѣмъ самымъ, что оно вовсе не желаетъ его касаться, что всѣ остальныя дѣйствія и отношенія, какъ бы сильно они ни требовали нормированія, составляютъ область, въ которой *вовсе нѣтъ права* (rechtsleerer Raum), область *юридически-безразличнаго* (rechtlich irrelevant, juristische Adiaphora). Въ этой области господствуетъ полный произволъ чистое усмотрѣніе (Willkur, reines Belieben im juristischen Sinne), и всѣ вопросы, которые могутъ здѣсь возникнуть, для юриста, признающаго одно только положительное право, не суть вовсе вопросы права. А сторонникъ естественнаго права признаетъ ихъ юридическими вопросами и даетъ имъ юридическія опредѣленія—только потому, что такіе-то факты, не регулированные правомъ, онъ *лично* считаетъ нужнымъ подвести подъ норму права. Такимъ образомъ, здѣсь на дѣлѣ нѣтъ никакихъ пробѣловъ въ положительномъ правѣ. Содержаніе права составляетъ только то, чего оно касается; чего оно не касается, то не составляетъ его содержанія, то лежитъ за его предѣлами. Но можетъ быть и такъ, что право регулируетъ извѣстное отношеніе, но на какой-нибудь отдѣльный вопросъ, касающійся этого отношенія, не даетъ никакого отвѣта. «Странно!»—восклицаетъ Бергбомъ: «Если право дѣйствительно, молчитъ, какъ же можно данный вопросъ считать вопросомъ права?» Допустимъ, что никакими способами не удастся извлечь изъ положительнаго права желаннаго отвѣта,—тогда вопросъ нужно признать неюридическимъ, и онъ долженъ быть отнесенъ въ сферу юридически-безразличнаго. «Когда же допустить этого нельзя (kann man dies aber nicht zugeben), тогда *нужно* найти рѣшеніе», и этимъ заполнится кажущійся пробѣлъ. Въ такомъ положеніи находится судья.

Часто только путемъ труднѣйшихъ дедукцій находитъ онъ необходимыя нормы, на которыхъ строитъ свое рѣшеніе; онъ долженъ ихъ найти, во что бы то ни стало: это его обязанность. Но когда одинъ и тотъ-же случай повторяется нѣсколько разъ, и судья постановляетъ каждый разъ одинаковое рѣшеніе, то у него исчезаетъ явившееся вначалѣ представленіе о «пробѣлѣ» въ правѣ, такъ какъ онъ имѣетъ уже готовую для приложенія юридическую норму. И тогда ужь ему навѣрное *не будетъ казаться*, что эта юридическая норма только потому, что она найдена съ трудомъ, менѣе положительна (weniger positiv), чѣмъ какая-нибудь другая, которую можно вычитать изъ буквальнаго текста закона».

Вся эта аргументація [1]) доказываетъ какъ-разъ обратное тому, что она должна доказать. Она съ полной очевидностью доказываетъ, что пробѣлы въ положительномъ правѣ, несомнѣнно, существуютъ. Это должно быть ясно для всякаго, сколько-нибудь внимательнаго читателя книги Бергбома. Онъ признаетъ, что *всегда* существуютъ «отношенія», не регулированныя положительнымъ правомъ, хотя они «настоятельно требуютъ» такой регулировки. Всякій очень хорошо понимаетъ что «отношенія» сами не могутъ ничего требовать — это только поэтическое выраженіе—и его нужно понимать такъ, что въ сознаніи людей возникаетъ мысль о необходимости создать правило для извѣстнаго отношенія, положительнымъ правомъ не затронутаго. До тѣхъ поръ, пока эта мысль не получила своего осуществленія, «пробѣлъ» существуетъ — по крайней мѣрѣ, въ человѣческомъ сознаніи. Можно-ли или слѣдуетъ-ли всѣ эти пробѣлы, всѣ безусловно «отношенія, не регулиро-

[1]) Стр. 371—393.

ванныя положительнымъ правомъ», опредѣлить, какъ сферу юридически-безразличнаго, — этотъ вопросъ мы оставимъ въ сторонѣ. Самъ Бергбомъ признаетъ это только цѣлесообразнымъ [1]). Не будемъ касаться здѣсь и другого вопроса: могутъ-ли эти пробѣлы быть восполнены естественнымъ правомъ или чѣмъ-нибудь другимъ. Удовольствуемся пока добытымъ результатомъ: пробѣлы въ положительномъ правѣ существуютъ. Результатъ этотъ имѣетъ громадную важность.

Но Бергбомъ дѣлаетъ еще и другую уступку. Онъ признаетъ, что и по поводу отношеній, вообще регулированныхъ положительнымъ правомъ, могутъ возникнуть отдѣльные вопросы, на которые оно не даетъ отвѣта. И эти вопросы онъ предлагаетъ считать неюридическими, и ихъ онъ отправляетъ въ ту область, гдѣ нѣтъ вовсе права,—но уже не безусловно Если такой вопросъ поставленъ судьѣ, которому «воспрещается останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ» (У. гр. суд. ст. 10), для него должна быть найдена норма— гдѣ? это другой вопросъ,—и тогда, очевидно, никакого пробѣла нѣтъ; но если тотъ-же самый вопросъ возникнетъ у частнаго лица, онъ уже не есть вопросъ юридическій, не есть вопросъ права. Итакъ, понятіе права, понятіе юридическаго опредѣляются признаками совершенно случайными и уже ни въ коемъ случаѣ не существенными. Для судьи всѣ вопросы,

---

[1]) Прим. 6-ое на стр. 374: Nur glaube ich, ist es *zweckmassig* wenn wir von Handlungen u. s. w.. hinsichtlich welcher das Recht sich absolut gleichgiltig verhalt, annehmen, sie lägen ausserhalb des Rechts, also im «rechtsleeren Raume». — Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу самыхъ спорныхъ въ теоріи права, и то, что Бергбомъ опирается на рѣшеніе, не пользующееся безусловнымъ признаніемъ, конечно, подрываетъ достоинство его критики

которые ему предлагаютъ, суть вопросы права [1]), независимо отъ ихъ содержанія, для всѣхъ прочихъ гражданъ есть еще вопросы неюридическіе. *Право опредѣляется здѣсь признаками лица, которое разрѣшаетъ вопросъ.* Кромѣ того: обращеніе къ суду есть явленіе исключительное и, съ точки зрѣнія объективнаго правопорядка, ненормальное. Обыкновенно и нормально, право «примѣняется», и вопросы «разрѣшаются» отдѣльными лицами и заинтересованными сторонами, и лишь въ случаѣ нарушенія нормы или спора о соотвѣтственной дѣлу нормѣ наступаетъ дѣятельность суда. Пока дѣло не дошло до суда, между сторонами можетъ возникнуть вопросъ, на который положительное право не даетъ отвѣта: онѣ должны успокоиться на томъ, что это вовсе не есть вопросъ права; но какъ только одной изъ сторонъ пришла счастливая мысль обратиться къ суду, такъ сейчасъ же спорный вопросъ становится вопросомъ права. *Право опредѣляется признаками явленій ненормальныхъ съ точки зрѣнія самого права.* Мало этого. Обязанность не останавливать рѣшенія подъ предлогомъ неполноты закона не составляетъ совсѣмъ чего-нибудь неразрывно связаннаго съ понятіемъ суда, и у насъ до реформы, когда всѣмъ вообще мѣстамъ повелѣвалось не допускать «обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій», судья очень часто отказывалъ въ рѣшеніи по причинѣ отсутствія закона. Его отказъ означалъ, что данный вопросъ «не есть вообще вопросъ права». Но если стороны не довольствовались такимъ отвѣтомъ и обращались къ верховной власти,

[1]) Это положеніе находится, вѣроятно, въ связи съ тѣмъ, какъ Бергбомъ понимаетъ существо правопорядка. По его мнѣнію, все дѣло сводится къ опредѣленію того, что́ правомѣрно, и что́ неправомѣрно (rechtlich и rechtswidrig); никакихъ другихъ задачъ право и судъ не преслѣдуютъ, а на эти два вопроса отвѣтъ всегда есть.

и дѣло рѣшалось сепаратнымъ указомъ, то становилось ясно, что этотъ вопросъ не былъ вопросомъ положительнаго права, хотя и былъ вопросомъ права. Едва только введена была реформа, какъ всѣ подобные вопросы, находившіеся по ту сторону права, «im rechtsleeren Raume», сами собой должны были стать вопросами юридическими. *Понятіе права опредѣляется, слѣдовательно, содержаніемъ отдѣльной нормы.*

Отсюда видно, что границы, отдѣляющія право отъ юридически-безразличнаго, неясны и для самого Бергбома. Въ концѣ концовъ, «rechtsleerer Raum» для него, это—все, что лежитъ за предѣлами *положительнаго права.* Но въ такомъ случаѣ тезисъ, имъ защищаемый, получаетъ такую форму, при которой всякій споръ прекращается: «все, что лежитъ за предѣлами положительнаго права, лежитъ за предѣлами положительнаго права». Это не сомнѣнно. А вопросъ о томъ, совпадаютъ-ли границы права съ границами положительнаго права, такъ и остается безъ отвѣта, потому-что Бергбомъ уже заранѣе рѣшилъ его, какъ видно изъ предыдущаго, въ утвердительномъ смыслѣ.

Бергбомъ обѣщалъ еще доказать, что, если пробѣлы въ положительномъ правѣ и существуютъ, они не могутъ быть восполнены естественнымъ правомъ, потому-что субъективныя представленія не могутъ стать объективными нормами (выше стр. 180). Но обѣщанія своего онъ не исполнилъ,—по крайней мѣрѣ, въ соотвѣтственномъ мѣстѣ его книги ничего на этотъ счетъ найти нельзя. Только на стр. 389 находимъ маленькое замѣчаніе. Если, говорится здѣсь, т. н. пробѣлъ восполняется способомъ, соотвѣтствующимъ постулату естественнаго права, то это значитъ, что такое дополненіе (Komplement) «уже раньше было положительнымъ правомъ», хотя бы его и называли какимъ-нибудь другимъ именемъ. «Въ

этомъ случаѣ, слѣдовательно, нѣтъ вообще никакого «отношенія» между нормами позитивнаго и идеальнаго права, а онѣ просто совпадаютъ (identisch)». Если же т. н. пробѣлъ восполняется какъ-нибудь иначе, чѣмъ этого хочетъ сторонникъ естественнаго права, то его фиктивное право оказывается «не другомъ, а соперникомъ позитивнаго», который постоянно ищетъ только случая къ узурпаціи».

Какъ ни остроумно это замѣчаніе (въ опроверженіи оно кажется, не нуждается), но оно не отвѣчаетъ, почему субъективное представленіе о правѣ не можетъ стать объективно-дѣйствующей нормой.

2) Обратное этому предположеніе состояло бы въ томъ, что естественное право есть право, состоящее изъ однихъ только принциповъ, для развитія которыхъ въ цѣляхъ практическаго приложенія служитъ положительное право. Такое предположеніе, говоритъ Бергбомъ, логически невозможно. Ибо кто признаетъ непозитивное право, тотъ логически обязанъ принять полную систему идеальнаго права со всѣми подробностями и мелочами необходимыми для всѣхъ жизненныхъ отношеній, какія только мыслимы, такъ что для позитивнаго права не остается никакой задачи. Кто образуетъ хотя бы одно понятіе по методу естественнаго права, тотъ показываетъ, что и весь внѣшній міръ онъ можетъ охватить подобнымъ же образомъ построенными понятіями; кто принимаетъ хотя бы одно идеально-правовое положеніе, тотъ обязанъ принять полную систему идеальнаго права. Кто считаетъ возможнымъ существованіе естественнаго международнаго права, тотъ долженъ признать и естественное частное, уголовное, государственное право. Нельзя отдѣлаться однимъ утвержденіемъ, что существуетъ естественное право. Какъ вся-

кое понятіе, такъ и это должно имѣть свое содержаніе. Поэтому всякій приверженецъ его долженъ быть готовъ разложить его на извѣстное число правовыхъ принциповъ, а эти, въ свою очередь,—на естественно-правовыя нормы, состоящія изъ понятій, по отношенію къ которымъ понятіе естественнаго права составляетъ только абстракцію. Вѣдь «неисчерпаемый разумъ» «никогда не молчитъ, если только владѣлецъ его хочетъ заставить его говорить». Поэтому, говоритъ Бергбомъ, «съ точки зрѣнія естественнаго права нельзя признать никакого юридически-пустого пространства (rechtsleerer Raum), такъ какъ заключенные въ естественномъ правѣ идеально-правовые принципы могутъ быть распространены путемъ простой логической спеціализаціи (Specialisierung) на всѣ внѣшніе факты всего міра. Нужно только приверженцевъ естественнаго права заставить обойти со своимъ «правомъ въ себѣ» или «этическимъ правомъ» и т. д. весь кругъ человѣческой дѣятельности, и они логически не могутъ оставить какое-нибудь состояніе, отношеніе, какой-нибудь образъ дѣйствія безъ соотвѣтственной правовой нормы». Въ идеальномъ правѣ нѣтъ пробѣловъ; поэтому мнѣніе, что положительному праву можетъ принадлежать вспомогательное значеніе, совершенно ошибочно [1]).

Возраженіе это, съ перваго взгляда, кажется чрезвычайно убѣдительнымъ; однако нетрудно показать и его слабыя стороны. Бергбомъ говоритъ здѣсь о разумѣ, какъ о «неисчерпаемомъ источникѣ», о какомъ-то методѣ естественнаго права. Очевидно, онъ имѣетъ въ виду тѣ системы, которыя видятъ въ разумѣ основаніе обязательности правовыхъ нормъ и вы-

[1]) Стр. 393—396.

водятъ ихъ путемъ простой дедукціи изъ произвольно взятаго положенія. Однимъ словомъ, онъ разумѣетъ здѣсь естественное право, опирающееся на раціонализмъ. Но, какъ было уже указано выше, раціонализмъ вовсе не составляетъ единственно возможнаго философскаго основанія для теоріи естественнаго права. Доводы, выставляемые Бергбомомъ, не имѣютъ, поэтому, никакой силы противъ приверженца естественнаго права, какъ такового. Онъ вовсе не «обязанъ логически» выставлять принципы для всѣхъ областей права или развивать эти принципы въ отдѣльныя юридическія нормы. Изъ признанія естественнаго права никакъ нельзя вывести обязанность дать правила поведенія для всѣхъ возможныхъ случаевъ жизни. Признавать естественное право, значитъ признавать возможность такихъ юридическихъ нормъ—которыя не суть нормы позитивнаго права. Но это вовсе не значитъ «выводить» ихъ и выводить ихъ обязательность или содержаніе непремѣнно изъ разума. Можно, напротивъ, быть при этомъ принципіальнымъ противникомъ всякой метафизики и всякихъ произвольныхъ юридическихъ конструкцій и утверждать, что разумъ совсѣмъ не можетъ быть основаніемъ права. Это видно на примѣрѣ Шталя, котораго самъ Бергбомъ относитъ къ школѣ естественнаго права, еще раньше —на примѣрѣ Кумберлэнда и мн. др. А теперь большинство сторонниковъ естественнаго права держится даже того мнѣнія, что оно можетъ быть открыто при помощи тѣхъ же пріемовъ индуктивнаго изслѣдованія, какими открываются и нормы позитивнаго права. Такимъ образомъ, Бергбомъ избралъ здѣсь предметомъ своей критики только одно и, при томъ, одно изъ наиболѣе устарѣвшихъ направленій теоріи естественнаго права, тогда какъ раньше онъ условился понимать естественное право, только

какъ право неположительное, на что бы оно ни опиралось, и изъ чего бы ни выводилось. Поэтому, его критика касается только этого направленія теоріи, но не самаго понятія естественнаго права, какъ необходимаго элемента въ идеѣ юридическаго порядка.

Нужно еще замѣтить, что Бергбомъ говоритъ здѣсь о такихъ теоріяхъ, которыя логически принуждены отрицать положительное право, а съ точки зрѣнія такихъ теорій вопросъ объ отношеніи между положительнымъ правомъ и естественнымъ не имѣетъ вовсе смысла, потому-что для нихъ существуетъ одно только второе. Это, очевидно, теоріи, которыя считаютъ возможнымъ замѣнить положительное право другимъ правомъ, или допускаютъ переходъ естественнаго права въ положительное—или теоріи, которыя видятъ въ естественномъ правѣ только критерій для оцѣнки каждаго положенія естественнаго права. Ихъ критика должна быть построена, конечно, совсѣмъ иначе.

3) Естественное право не можетъ быть ни критическимъ масштабомъ положительнаго права, ни его основаніемъ. Нужно проводить строгое различіе между формальной обязательностью установленнаго права и его внутреннимъ, матеріальнымъ достоинствомъ (materielle Gute). Обязательность его нисколько не зависитъ отъ его достоинства: дурное право есть все-таки право. Кромѣ того, совершенно напрасны всѣ стремленія найти научнымъ путемъ для оцѣнки права такой масштабъ, который самъ былъ бы правомъ. Ибо «всякая критика права (Rechtskritik)—хочетъ она или не хочетъ—занимаетъ свою точку зрѣнія внѣ права, и ея масштабъ никоимъ образомъ не можетъ быть подведенъ вмѣстѣ съ оцѣниваемымъ подъ одно ближайшее родовое понятіе: онъ не мо-

жетъ быть опять правомъ, а долженъ быть взятъ въ другомъ мѣстѣ т. е. въ области тѣхъ силъ, въ которыхъ, по мнѣнію того или иного критика, заключенъ «источникъ» его неположительнаго и, въ данномъ случаѣ, «высшаго права».

Точно также естественное право не можетъ служить и правовымъ основаніемъ для положительнаго права. Сторонники противоположнаго взгляда утверждаютъ, что «основаніе», на которое опираются факторы, производящіе право, само должно опредѣляться правомъ, и это право есть право естественное, разумное и т. п. Но такое объясненіе не имѣетъ смысла. Если *всякое* право должно опираться на право, то нужно, можетъ быть, отыскать еще и то право, на которое, въ свою очередь, опирается естественное право, и т. д. до безконечности. Положительное право находитъ свое основаніе и оправданіе уже въ одномъ фактѣ своего существованія. Самая идея о до-положительномъ правѣ, которое давало бы основаніе положительному праву, не можетъ быть принята. Ибо если положительное право опирается на «разумное право», а это послѣднее на разумъ, то отчего-же нельзя просто сказать, что положительное право опирается прямо на разумъ? «Какая цѣль — строить между этикой и положительнымъ правомъ еще какое-то этическое право, какъ промежуточную ступень между ними? Только одна: въ ней нуждаются не для того, чтобы дать основаніе всему положительному праву, а для того, чтобы имѣть возможность отрицать правовой характеръ у нѣкоторой части его, которая почему-либо не нравится, а для этого разумъ, этика и т. д. еще не достаточны, и требуется какая-нибудь высшая юридическая норма». Но тотъ, кто въ жизни захотѣлъ бы, опираясь на то, что данное позитивно-правовое положеніе не

совсѣмъ соотвѣтствуетъ разуму, морали и т. д., отрицать у него юридическую обязательность, — тотъ очень скоро убѣдился бы, что оно, не смотря на это, есть реальность, на которую можно отлично натолкнуться, какъ ни объявлять ее ничтожной или несуществующей. А еслибъ можно было допустить, чтобъ каждый замѣнялъ неугодное ему право своимъ, лучшимъ, то весь позитивно-правовой порядокъ долженъ былъ бы погибнуть.

Это возраженіе Бергбома представляется очень серьезнымъ и, въ значительной долѣ, справедливымъ. Естественное право, дѣйствительно, не можетъ служить масштабомъ для оцѣнки достоинства положительнаго права. Это совершенно ясно. Мы можемъ сравнивать русское право съ французскимъ, французское — съ какимъ-нибудь другимъ, напримѣръ, съ естественнымъ, и можемъ находить при этомъ, что французское право лучше, совершеннѣе русскаго, а естественное лучше французскаго, но для того, чтобы получить изъ нашего сравненія такой выводъ, намъ нужно еще нѣчто третье— tertium comparationis,—и это третье не можетъ быть правомъ. Право есть мѣрило для оцѣнки человѣческой *дѣятельности,* но оно не можетъ быть въ то же время мѣриломъ для оцѣнки *права.* Право надѣляетъ однихъ правами и налагаетъ на другихъ обязанности, — въ этомъ его главнѣйшія функціи. Функціи мѣрила права, конечно, совсѣмъ иныя, и оно, во всякомъ случаѣ, не можетъ устанавливать ни правъ, ни обязанностей. Если мы даже будемъ понимать естественное право, какъ право идеальное т. е. самое совершенное, то оно можетъ служить только образцомъ, *съ которымъ* можно сравнивать право положительное, но для того, чтобы сказать, насколько приблизилось это послѣднее къ своему образцу, мы

должны приложить къ тому и къ другому опредѣленную мѣрку, и ясно, что такой мѣркой не можетъ быть то, что подлежитъ измѣренію. Извѣстно, что римское право послужило образцомъ для многихъ законодательствъ (нѣкоторые считали его даже естественнымъ правомъ), и это, конечно, потому, что оно удовлетворяетъ многимъ требованіямъ, предъявляемымъ нами ко всякому праву,—въ этомъ смыслѣ выставляютъ, напримѣръ, необычайную логичность его конструкцій; но ясно, что требованіе логичности конструкцій не есть юридическое требованіе, не есть норма права [1]).

Точно также нельзя не согласиться съ Бергбомомъ, когда онъ возстаетъ противъ тенденціозно-политическихъ и, въ корнѣ своемъ, нелогичныхъ и ненаучныхъ теорій, которыя во имя тѣхъ или другихъ предвзятыхъ идей объявляли основаніемъ *всякаго* права опредѣленное юридическое положеніе и затѣмъ отрицали *данное* право, чтобы на его мѣсто поставить его основаніе. Съ такими стремленіями и такими пріемами наука не имѣетъ ничего общаго. Онѣ вредятъ ей и подрываютъ къ ней довѣріе, выступая подъ ея эгидой и пользуясь установленной ею терминологіей. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что всякая теорія, объявляющая естественное право основаніемъ права положительнаго, ненаучна. Бергбомъ спрашиваетъ: «какая цѣль» основывать положительное право на «разумномъ правѣ», когда его можно основать прямо на ра-

---

[1]) Въ современной литературѣ, однако, пониманіе естественнаго права, какъ масштаба для оцѣнки положительнаго права, встрѣчается чаще всего, и очень многіе, отрицающіе естественное право, въ этомъ именно смыслѣ ограничиваютъ свое отрицаніе: «если ужъ» признавать ест. право, то «только», какъ критическій масштабъ. См. напр. Klóppel. Gesetz und Obrigkeit. 1891, стр. 61. Lotmar. Vom Rechte, das mit uns geboren ist. 1893, стр. 34.

зумѣ? Но вопросъ поставленъ невѣрно и въ самомъ себѣ заключаетъ недовѣріе къ наукѣ: наука—и этимъ она отличается отъ всего, что самозванно выступаетъ подъ ея именемъ,—выставляетъ свои теоріи только съ одной цѣлью, съ цѣлью объясненія фактовъ, и если существуетъ научная теорія, которая утверждаетъ, что естественное право, въ томъ или иномъ смыслѣ, есть основаніе положительнаго права, то она дѣлаетъ это не «для чего», а «потому», что видитъ въ этомъ истину. По мнѣнію Бергбома, положительное *право* не можетъ основываться на естественномъ *правѣ*, потому-что тогда и для естественнаго права нужно искать основанія въ какомъ-нибудь другомъ правѣ. Что право вообще можетъ находить основаніе своей обязательности въ правѣ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Изданіе закона, какъ источника положительнаго права, есть юридическое дѣйствіе т. е. дѣйствіе, регулируемое правомъ, и обязательность законнаго права покоится какъ-разъ на тѣхъ нормахъ, которыя регулируютъ законодательную дѣятельность; объ обязательности даннаго закона мы судимъ по тому, не вышелъ-ли соотвѣтствующій органъ, при изданіи его, изъ границъ своихъ правъ и обязанностей. Данная норма положительнаго права обязательна потому, что при изданіи закона, служащаго ея источникомъ, была соблюдена другая норма положительнаго права. Не касаясь общаго вопроса объ отношеніи обычая къ закону, можно сказать, что въ *отдѣльныхъ случаяхъ* обязательность обычнаго права *можетъ* основываться на постановленіи закона. Административное право находится въ такомъ-же положеніи. Слѣдовательно, право можетъ опираться на право, и съ этой стороны нѣтъ ровно никакихъ препятствій къ тому, чтобы все положительное право основывалось на какомъ-нибудь по-

ложеніи естественнаго права. Нѣтъ для этого препятствій и со стороны науки, въ смыслѣ безконечнаго ряда юридическихъ основаній: нѣтъ необходимости требовать, чтобы и естественное право тоже основывалось непремѣнно на правѣ. Объ этомъ можно судить по аналогіи съ нормами логики: логика требуетъ, чтобы каждая мысль въ разсужденіи была подкрѣплена доказательствомъ, но этому требованію вовсе не противорѣчитъ, что послѣдняя мысль, служащая доказательствомъ предыдущей, сама уже не доказывается, потому-что она заключаетъ въ себѣ положеніе самоочевидное, которое не можетъ быть вовсе доказано. Точно также и естественное право можетъ служить основаніемъ положительнаго права (или какого-нибудь изъ его видовъ), а само—основываться уже не на правѣ, а на чемъ-нибудь другомъ [1]).

Во второй части своей критики Бергбомъ останавливается на отношеніи естественнаго права къ общему понятію о правѣ. Здѣсь онъ стремится показать, что всѣ эпитеты или опредѣленія, которые когда-либо прилагались къ понятію естественнаго права, несовмѣстимы съ понятіемъ права, такъ какъ они отрицаютъ его относительность (Relativität) или просто противорѣчатъ его необходимымъ признакамъ; въ заключеніе, Бергбомъ разсматриваетъ источники естественнаго права.

1) Естественное право опредѣляютъ, какъ вѣчное, всеобщее и абсолютное право. Но право можетъ регулировать только такія дѣйствія и состоянія, которыя опредѣляются

---

[1]) Читатель не долженъ понимать это, какъ доказательство того, что естественное право есть, дѣйствительно, основаніе положительнаго права. Я доказываю только, что это логически возможно; но такъ ли это на самомъ дѣлѣ,—вопросъ другой.

условіями пространства и времени, ибо все находится въ зависимости отъ этихъ условій. Гдѣ нѣтъ народнаго представительства, тамъ не нужно избирательныхъ законовъ,—гдѣ не издается ни книгъ, ни газетъ, тамъ нѣтъ надобности въ законахъ о печати. Сколько лѣтъ «вѣчному» вексельному праву, когда цѣлыя тысячелѣтія совсѣмъ обходились безъ векселя? Какія положенія о порядкѣ престолонаслѣдія можно разсматривать, какъ «всеобщія»? Что говорятъ „абсолютныя" нормы брачнаго права?—На пространствѣ двухъ десятковъ страницъ Бергбомъ старается доказать, что естественныя и культурныя отношенія людей постоянно мѣняются, что мѣняются также цѣли человѣческой дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воззрѣнія на право. Никакого вѣчнаго и абсолютнаго права, говоритъ онъ, не можетъ и существовать [1]). Но, выставляя это рѣзкое возраженіе, Бергбомъ, незамѣтно для себя, дѣлаетъ двѣ существенныя ошибки. Во-первыхъ, онъ нигдѣ не доказываетъ, что признакъ вѣчности или неизмѣнности необходимо присущъ понятію естественнаго права, такъ что всякій, признающій это послѣднее, былъ бы логически принужденъ мыслить его непремѣнно, какъ право вѣчное и абсолютное; между тѣмъ изъ понятія естественнаго права, какъ права непозитивнаго, этого вывести нельзя. Направляя же свои удары только на тѣ теоріи прошлыхъ вѣковъ, которыя, дѣйствительно, говорили о вѣчномъ естественномъ правѣ, Бергбомъ не можетъ уже выступать противъ тѣхъ современныхъ ученій, которыя признаютъ естественное право, но при этомъ сами дѣлаютъ оговорку, что содержаніе этого

---

[1]) Стр. 419. Это—обычное и самое популярное возраженіе. Ср. напр. Lasson. System der Rechtsphilosophie. 1882, стр. 257—258. Wallaschek. Studien zur Rechtsphilosophie. 1889, стр. 96, и др.

права постоянно мѣняется [1]). Нужно было бы показать, что эти два положенія несовмѣстимы, что они другъ другу противорѣчатъ; но Бергбомъ нигдѣ этого не дѣлаетъ. Точно также онъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ то соображеніе, что можно признавать вѣчность права, какъ такового, и въ то же время допускать измѣнчивость его содержанія; а что существовали теоріи, которыя такъ именно понимали терминъ «вѣчность» въ приложеніи къ праву, это несомнѣнно.

Естественное право, говоритъ далѣе Бергбомъ, называютъ еще *необходимымъ* правомъ. Необходимою считается, при этомъ, связь между опредѣленнымъ фактическимъ составомъ (Thatbestand) и опредѣленными юридическими рѣшеніями, которыя всегда будутъ соотвѣтствовать извѣстнымъ нормамъ. Но необходимость и право—это два такихъ понятія, которыя никакъ нельзя мыслить одновременно. Право предполагаетъ не необходимость, а свободу. Законы природы необходимы, потому-что они не могутъ не быть; на-оборотъ, всякій юридическій законъ можетъ и не быть, а потому онъ не необходимъ. Еслибъ существовали необходимые юридическіе законы, мы должны были бы оставить ихъ натуралистамъ для изслѣдованія при помощи методовъ естествознанія. Переносить категорію необходимости въ сферу права совершенно непозволительно, и понятіе необходимаго права заключаетъ въ себѣ contradictio in adjecto [2]).—Аргументація эта также основана на недоразумѣніи. Идея причинности имѣетъ всеобщій характеръ, она одинаково приложима, какъ къ явленіямъ матеріальнаго міра, такъ и къ явленіямъ психическимъ. Право, въ этомъ

---

[1]) См. Stammler, Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung, стр. 176—188.

[2]) Стр. 429.

отношеніи, не составляетъ исключенія. Когда мы изучаемъ готовое, сложившееся право, мы непремѣнно подводимъ его подъ категорію причинности, мы разсматриваемъ его, какъ *необходимое* слѣдствіе другихъ явленій. Правда, что при этомъ мы можемъ представить себѣ, что данное право могло бы и не существовать, но это происходитъ оттого, что мы, незамѣтно для себя, допускаемъ ошибку: возникшее и существующее право мы представляемъ себѣ въ процессѣ его возникновенія, а такъ какъ по собственному опыту мы знаемъ, что каждому нашему поступку предшествуетъ сознаніе возможности совершить и не совершить его, то мы предполагаемъ, что и законодатель могъ бы не издать того закона, который теперь существуетъ. Но человѣкъ свободенъ только до тѣхъ поръ, пока онъ не совершилъ поступка, поступокъ совершенный, даже нашъ собственный, съ необходимостью вытекаетъ изъ предшествующихъ обстоятельствъ, и если не всегда удается показать эту необходимость, то только потому, что не всѣ эти обстоятельства намъ извѣстны; но уже самое исканіе ихъ и чувство неудовлетворенности, которое мы испытываемъ, когда ихъ не находимъ, показываютъ, что и факты, составляющіе продуктъ человѣческой дѣятельности, мы всегда разсматриваемъ, какъ необходимые, и подводимъ подъ категорію причинности. Совершенно другой вопросъ: *гдѣ* искать обстоятельствъ, обусловливающихъ собою появленіе той или иной нормы права? Одни утверждаютъ, что право находится въ причинной зависимости отъ строя «жизненныхъ отношеній» [1]), отъ экономическихъ явленій и, вообще, явленій матеріи; другіе доказываютъ, что содержаніе права опредѣляется идеалами

---

[1]) «Lebensverhältniss» у Лейста, Naturalis ratio und Natur der Sache.

разума. Быть можетъ, истина на сторонѣ какой-нибудь третьей теоріи. Но вся аргументація Бергбома направлена только противъ выведенія права изъ «фактическаго состава» (Thatbestand) т. е. изъ жизненныхъ или экономическихъ явленій, онъ возражаетъ, слѣдовательно, только матеріалистическому пониманію исторіи; идеализмъ остается въ сторонѣ, къ нему не можетъ быть примѣнено ни одно изъ его возраженій.

Подобныя же недоразумѣнія лежатъ въ основѣ и остальныхъ его возраженій.

Не можетъ существовать, говоритъ Бергбомъ, никакого «идеальнаго» и никакого «теоретическаго» права. Всякому дозволено, конечно, думать о лучшемъ или нравственно высшемъ состояніи права, но никто не можетъ подобныя представленія свои обозначать именемъ права. Это есть идеалъ права, но не право. Нельзя смѣшивать эти два понятія; идеалъ, который только еще можетъ или долженъ быть осуществленъ, нельзя подводить подъ понятіе права, которое есть: между ними нѣтъ ничего общаго. Какъ идеалъ человѣка не есть человѣкъ, такъ идеалъ права не есть право.

Къ этимъ словамъ можно, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, примѣнить то, что самъ Бергбомъ раньше говорилъ о невозможности признать естественное право за критерій для оцѣнки положительнаго права. Идеалъ права, конечно, не есть идеальное право; но отсюда еще не слѣдуетъ, что второе изъ этихъ понятій совсѣмъ невозможно. Когда меня спрашиваютъ объ идеалѣ, къ которому должно, по моему мнѣнію, приближаться всякое право, я отвѣчаю перечисленіемъ тѣхъ требованій, которымъ право должно стремиться удовлетворять; но мои требованія, разумѣется, не суть юридическія нормы, ибо на право нельзя налагать обязанностей, и никто не можетъ

по отношенію къ нему имѣть полномочія. Напр. я говорю: всякое право должно быть логично, всякое право должно соотвѣтствовать характеру народа, всякое право должно признавать равенство половъ и т. д.; ясно, что все это—положенія, имѣющія, въ большей или меньшей степени, научную цѣнность, но никакъ не юридическія нормы. Но совсѣмъ иное дѣло, если я, не удовлетворившись какой-нибудь статьей закона, трактующей напр. о порядкѣ наслѣдованія, составлю свою статью, въ которой иначе будутъ опредѣлены правила для раздѣла унаслѣдованнаго имущества. Никто не станетъ отрицать, что я могу, въ параллель ст. 1135 ч. 1 т. X, лишающей сестеръ при братьяхъ права на наслѣдство, и потому не отвѣчающей моему идеалу, составить другое положеніе, ему противоположное: „въ боковыхъ линіяхъ сестры при братьяхъ родныхъ и ихъ потомкахъ обоего пола *имѣютъ* право на наслѣдство“; я могу это положеніе принять за правило своей дѣятельности и проводить его въ жизнь. Почему же это положеніе не есть положеніе права? Чѣмъ по существу отличается право, дѣйствовавшее на островѣ Утопіи или въ странѣ Солнца, отъ того права, которымъ мы руководимся въ нашемъ государствѣ? Какое различіе между Code de la nature Морелли и Code civil, который составленъ Порталисомъ? Различіе только въ одномъ пунктѣ. Право, говоритъ Бергбомъ, есть *обязательное* правило, verbindliche Regel des Lebens [1]). Но въ какомъ смыслѣ понимаетъ онъ здѣсь обязательность? Мое правило объ участіи сестеръ въ наслѣдованіи имѣетъ для меня, конечно, большую обязательность и даже бо́льшую, чѣмъ 1135-я статья, если я ради исполненія его рѣшаюсь измѣ-

[1]) Стр. 436.

нить законный порядокъ, если я не довольствуюсь судебнымъ рѣшеніемъ и раздѣляю между сестрами полученное наслѣдство; правило, требующее для развода дозволенія сената, было, конечно, обязательно для жителей Утопіи. Но обязательность эта отличается (количественно или качественно) отъ той обязательности, которою обладаетъ дѣйствующее у насъ *положительное* право [1]); а ее только и имѣетъ въ виду Бергбомъ и возводитъ ее въ родовой признакъ права. Въ результатѣ онъ доказываетъ, что идеальное право не есть право положительное; а этотъ тезисъ, съ самаго начала, не подлежалъ никакому сомнѣнію. Доказать же, что идеальное право невозможно, или что оно не есть вовсе право, ему не удалось.

Въ такой же мѣрѣ слабы его возраженія и противъ «теоретическаго» права (Theoretisches Recht). Ибо нельзя найти основанія, почему право науки не могло бы получить обязательность въ глазахъ отдѣльныхъ личностей, и нельзя указать различія по существу между положеніемъ, напечатаннымъ въ юридическомъ изслѣдованіи, и законопроектомъ, который составленъ тѣмъ-же ученымъ, и который получилъ утвержденіе въ установленномъ порядкѣ. Разумѣется, и здѣсь различіе въ обязательности. Но это уже опять возведеніе видовыхъ признаковъ на степень родовыхъ [2]).

---

[1]) Нужно еще замѣтить, что обязательность не всѣ считаютъ существеннымъ и общимъ признакомъ понятія права. См. напр. Affolter, Untersuchungen uber das Wesen des Rechts, 1889, стр. 21—22.

[2]) Я оставляю въ сторонѣ только одно возраженіе Бергбома,—направленное противъ «становящагося права», das werdende Recht (стр. 432—434). Бергбомъ здѣсь вполнѣ правъ, и авторы этого понятія, нѣкоторые изъ международниковъ, признающіе международное право — правомъ несовершеннымъ, правомъ лишь въ процессѣ становленія, показываютъ только, что они недостаточно уяснили себѣ понятіе права и не отдѣлили его отъ тѣхъ явленій, которыя ему обыкновенно сопутствуютъ, но не составляютъ его сущности.

2) Источниками естественнаго права выставляются: природа или разумъ человѣка, нравственность и Божье велѣніе (Vorschrift), правовое чувство и идея права (Rechtsidee). Всѣ эти источники, говоритъ Бергбомъ, можно называть источниками права только при томъ условіи, если къ нимъ прибавить что-нибудь такое, чего не мыслится въ ихъ понятіи, или отъ понятія права отнять какой-нибудь изъ тѣхъ признаковъ, отъ которыхъ оно никакъ не можетъ отказаться. Если бы разумъ былъ *не только* разумъ, нравственность *не только* нравственность и т. д., они могли бы произвести право; если бы праву не приписывалось ни одного изъ тѣхъ признаковъ, которые *ему одному* принадлежатъ,— только тогда оно могло-бы вытекать непосредственно изъ этихъ источниковъ. Если бы люди были созданы иначе, имъ, можетъ быть, и не нужно было бы никакого права; если бы у нихъ не было вовсе разума, никакихъ нравственныхъ принциповъ, никакихъ религіозныхъ убѣжденій, ихъ право было бы, конечно, совсѣмъ инымъ, чѣмъ теперь. Все это отчасти составляетъ необходимое условіе возможности всякаго правопорядка, но ужь несомнѣнно оказываетъ вліяніе на содержаніе права, когда оно создается, и даетъ объясненіе ему, когда оно уже создано. Но все это только мотивы и основанія *объясненія* (Erklärungsgründe), и не можетъ быть основаніемъ *обязательности* (Geltungsgrunde) правовыхъ нормъ, потому-что нельзя подвести подъ понятіе права то, что отсюда вытекаетъ. Изъ разума можно извлечь только разумные принципы, изъ нравственности — только нравственныя правила и т. д., но никакъ не юридическія нормы. Поступать неразумно, безнравственно совсѣмъ не значитъ поступать неправомѣрно; праву противоположно неправо, а не безнравственность или антирелигіозность. Справедливо, что разумная природа чело-

вѣка и его нравственно-религіозныя убѣжденія вліяютъ на сложеніе права, но совершенно невѣрно, что ученія разума и проч. *непосредственно* т. е., не достигнувъ въ процессѣ развитія человѣческаго общества того исторически-опредѣленнаго пункта, когда они получили характеръ юридическихъ императивовъ, могли бы заключать въ себѣ нѣчто обязательное въ юридическомъ смыслѣ [1]). Однимъ словомъ, разумъ, природа и проч. суть отдаленные источники, fontes remotae, позитивнаго права, но они не могутъ быть ближайшими источниками, fontes proximae, непозитивнаго права. Бергбомъ считаетъ эти соображенія свои настолько серьезными, что критика каждаго изъ указанныхъ источниковъ естественнаго права отдѣльно представляется ему излишней. Онъ указываетъ только, что всякій, кто признаетъ возможнымъ выводить нормы изъ разума, нравственности или откровенія, долженъ остановиться передъ большимъ затрудненіемъ: какія изъ этихъ нормъ суть нормы права, и какія нѣтъ? Ибо никто еще не рѣшался утверждать, что *всѣ* законы разума и проч., безъ исключенія, суть правовые законы. А если нужно произвести выборъ, то гдѣ же основанія для него? Что же касается чувства права, правосознанія и т. п., то всякій, признающій существованіе въ человѣкѣ такихъ особыхъ право-

---

[1]) Мѣсто это настолько характерно, что я позволяю себѣ выписать его цѣликомъ по-нѣмецки: Richtig ist somit, dass die vernunftige Natur der Menschen und der sittlich-religiöse Inhalt ihrer Ueberzeugungen—neben vielen andern Momenten!—auf die Gestaltung des Rechts einwirken, unrichtig und unhaltbar dagegen die Annahme, als konnten die Lehren des Vernunft u. s. w. direkt, d. h. ohne im ausseren Entwicklungsgange der menschlichen Genossenschaften und ihrer Ordnungen einen geschichtlich feststellbaren Punkt passiert zu haben, wo sie fur ihren Gehalt an Gedanken und Maximen noch die Eigenschaft rechtlicher Imperative hinzuempfangen, irgend-etwas nach Art des Rechts Verbindliches sein (стр. 446).

творящихъ органовъ, долженъ признать ихъ прирожденными. Тогда ученіе о прирожденномъ чувствѣ права сведется къ общему ученію о нравственномъ чувствѣ. Но подобная метафизика, которая обращается къ прирожденнымъ идеямъ, вложеннымъ въ человѣческую душу какой-то сверхъестественной силой, заключаетъ въ себѣ одни слова и не въ состояніи разрѣшить вопросъ по существу. На дѣлѣ каждый выводитъ изъ чувства или сознанія то, что ему нравится. Но никто не можетъ въ нормахъ, выводимыхъ изъ чувства, отдѣлить нравственныя нормы отъ юридическихъ, а если кто-нибудь это дѣлаетъ, то, значитъ, онъ знаетъ о правѣ раньше, чѣмъ получилъ изъ правосознанія первую норму права [1]).

Разсматривая эти возраженія, нельзя, прежде всего, не замѣтить, что они предполагаютъ наличность твердо обоснованнаго ученія объ источникахъ права; между тѣмъ это одна изъ слабыхъ и самыхъ спорныхъ частей теоріи, и Бергбомъ, съ своей стороны, не сдѣлалъ ровно ничего, чтобъ разъяснить читателю свое пониманіе этого ученія. Онъ говоритъ, что разумъ, нравственность, правосознаніе и т. п. не могутъ быть основаніемъ обязательности юридическихъ нормъ. Можетъ быть, это и вѣрно; но развѣ источникъ права, въ смыслѣ правопроизводящей силы, есть въ то же время и основаніе обязательности права? Развѣ эти понятія безусловно совпадаютъ? Источникъ законнаго права есть власть; но можно-ли утверждать, что обязательность законнаго права покоится именно на власти? Такія теоріи существуютъ, но онѣ противорѣчатъ сами себѣ, потому-что не всякій актъ власти имѣетъ обяза-

[1]) Стр. 441—478.

тельную силу [1]). И нужно прибавить, что ни одной изъ существующихъ теорій не удалось еще представить логически-безупречную конструкцію ученія объ основаніи обязательности юридическихъ нормъ. Но логика не совпадаетъ съ психологіей. Отсутствіе правильной конструкціи нисколько не мѣшаетъ намъ признавать право для себя обязательнымъ и въ самыхъ актахъ властвованія отличать правомѣрное отъ неправомѣрнаго. Съ этой же — психологической — точки зрѣнія нѣтъ никакой разницы между источниками положительнаго права и предполагаемыми источниками естественнаго права. Какъ тѣ, такъ и другіе, *могутъ* служить для любого изъ насъ основаніемъ, на которомъ онъ будетъ строить обязательность для себя юридическаго порядка, хотя едвали бы кто могъ отвѣтить на всѣ возраженія, которыя будутъ направлены противъ такой возможности. Бергбомъ говоритъ, что изъ разума вытекаютъ только разумные принципы, но не право, — изъ нравственности—только нравственныя правила, но не право. Допустимъ это. Но вѣдь можно точно также сказать, что власть порождаетъ всегда только акты властвованія,—откуда же берется положительное право? Отождествить право или даже законъ съ актомъ власти невозможно, и точно также—Бергбомъ правъ—нельзя отождествить право съ принципомъ разума. Онъ полагаетъ, что разумъ, нравственно-религіозныя убѣжденія и проч. тогда только могутъ порождать *право*, когда заключающіеся въ нихъ мысли и принципы получили, въ процессѣ развитія, характеръ *права*. Но вѣдь это очевидный circulus vitiosus, изъ котораго ужь никакъ нельзя найти выхода. Если эти силы способны вообще порождать право, то ясно, что

---

[1]) Ср. Bierling. Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe.

такая способность зависитъ отъ ихъ природы, а не отъ самого права, — это было бы совершенно невозможно. Бергбомъ утверждаетъ, что всякій, кто пытается въ положеніяхъ разума или въ нормахъ, выводимыхъ изъ чувства, отдѣлить нормы права отъ того, что слѣдуетъ отнести къ другимъ категоріямъ, впадаетъ въ заколдованный кругъ, такъ какъ онъ берется судить о правѣ раньше, чѣмъ получилъ о немъ понятіе. Но совершенно въ такомъ же положеніи находится и тотъ, кто приступаетъ къ изученію позитивнаго права: почему онъ знаетъ, что въ статьяхъ закона онъ найдетъ именно право, — вѣдь о правѣ онъ можетъ узнать только изъ закона? Очевидно, этотъ заколдованный кругъ—совершенно мнимый. Бергбомъ, очевидно, предполагаетъ въ этомъ мѣстѣ (хотя въ другихъ мѣстахъ своей книги онъ вовсе не склоненъ къ этому предположенію), что понятіе права не можетъ быть опредѣлено иначе, какъ по содержанію. Но предположеніе это имѣетъ за себя очень мало данныхъ. Наконецъ, о послѣднемъ возраженіи Бергбома, — что ученіе о естественномъ правѣ, выводимомъ изъ разума, чувства и т. д., обращается въ ученіе о прирожденныхъ идеяхъ— нужно сказать, что это возраженіе совершенно не касается тѣхъ, кто къ естественному праву не прилагаетъ признаковъ абсолютности, вѣчности и неизмѣнности; они, нисколько не противорѣча себѣ, могутъ основывать право на идеяхъ, имѣющихъ опытное происхожденіе. Но еще важнѣе то, что опытнымъ идеямъ можно противополагать не только прирожденныя, но и апріорныя идеи, а Бергбомъ нигдѣ не разсматриваетъ вопроса, почему нельзя было бы понимать право, какъ идею чисто формальную, которая не получена изъ опыта, но сама составляетъ необходимое условіе его возможности.

Въ заключеніе своей критики Бергбомъ выражаетъ увѣ-

ренность, что естественное право опровергнуто какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія и должно быть поэтому оставлено наукой, какъ нѣчто, не имѣющее никакого смысла. Эта увѣренность ровно ни на чемъ не основана, ибо его критика естественнаго права, какъ мы видѣли, покоится на цѣломъ рядѣ болѣе или менѣе скрытыхъ недоразумѣній, слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній, а иногда явныхъ ошибокъ. Изъ этихъ ошибокъ самая существенная — та, что понятіе права, съ самаго начала и прежде всякой критики, было принято за равное съ понятіемъ положительнаго права, и о правѣ вообще высказывались такія сужденія, какія можно высказать только о положительномъ правѣ; нѣтъ ничего удивительнаго, что они оказывались неприложимыми къ понятію естественнаго права. Въ конечномъ результатѣ критика показала только одно — а именно, что естественное право существенно отличается отъ права положительнаго, что у него нѣтъ многихъ изъ тѣхъ признаковъ, которыми обладаетъ это послѣднее, и, на-оборотъ, есть признаки, какихъ нѣтъ у права положительнаго. Но это и не подлежало вовсе сомнѣнію. Доказать же, что естественное право есть только по названію право, а на самомъ дѣлѣ вовсе не есть право, критика Бергбома оказалась не въ состояніи, такъ какъ не было выставлено точнаго опредѣленія общаго понятія о правѣ, съ которымъ можно было бы сравнить право естественное.

Вышеизложеннаго совершенно достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о научномъ достоинствѣ возраженій, выставляемыхъ противъ ученія о естественномъ правѣ. Но было бы неудобно не сказать ничего о положеніи этого вопроса въ русской литературѣ. Вопросъ о естественномъ правѣ, съ

которымъ связано множество другихъ, чрезвычайно важныхъ и коренныхъ вопросовъ познанія права, долженъ былъ, конечно, отразиться въ трудахъ русскихъ юристовъ. Но мы не будемъ останавливаться на тѣхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ излагается исторія естественно-правовыхъ ученій и выясняется ихъ вліяніе и ихъ значеніе для философіи права [1]); не будемъ касаться также и того, насколько то или иное отношеніе къ естественному праву обусловило собой построеніе новыхъ юридическихъ теорій и ихъ оцѣнку [2]). Насъ интересуетъ здѣсь только вопросъ о критикѣ теоріи естественнаго права, а съ этой стороны заслуживаютъ больше всего вниманія работы проф. Н. Коркунова. Критика, предлагаемая имъ, представляетъ большой интересъ, главнымъ образомъ, потому, что опорнымъ пунктомъ при этомъ ему служитъ теорія исторической школы. Историческая школа, какъ принято думать, показала всю ложность теоріи естественнаго права; однако не только у основателей этой школы, но и ни у одного изъ представителей ея мы не находимъ сколько-нибудь обстоятельнаго разбора и опроверженія теоріи естественнаго права [3]). На-оборотъ, болѣе внимательное изученіе трудовъ Савиньи и его послѣдователей показало, особенно въ послѣднее время, что въ своихъ воззрѣніяхъ они весьма часто опирались на положенія той самой теоріи, противъ которой выступили съ такой суровой полемикой [4]). Шталь и Бергбомъ, хотя и при-

---

[1]) См. работы Хлѣбникова, Чичерина, Ярошa и др.

[2]) См. напр. Муромцева: Очерки общей теоріи гражданскаго права, и Пахмана: О современномъ движеніи въ наукѣ права, 1882.

[3]) См. объ этомъ у Stammler'a: Über die Methode der geschichtlichen Rechtstheorie, 1889, стр. 29 и слѣд.

[4]) См. Bekker Über den Streit der historischen und philosophischen Schule, 1886, стр. 20; Bergbohm, назв. соч. стр. 480—531; Новгородцевъ, Историческая школа юристовъ, 1896, стр. 98—99 и др.

числяютъ себя къ послѣдователямъ исторической школы, однако въ своихъ возраженіяхъ точно также нигдѣ не противополагаютъ теорію естественнаго права догматамъ этой школы [1]) Такимъ образомъ, критика Коркунова представляетъ интересъ не только сама по себѣ, но и потому еще, что она восполняетъ существенный пробѣлъ въ западной наукѣ.

Коркуновъ разсматриваетъ ученіе естественнаго права, главнымъ образомъ, какъ опытъ объясненія «присущихъ праву элементовъ» необходимости и всеобщности. До возникновенія идеи преемственнаго закономѣрнаго развитія, «въ объясненіи права представлялась только альтернатива: или признать право совершенно произвольнымъ установленіемъ людей, или обратиться къ ученію объ естественномъ правѣ». Но первое предположеніе, говоритъ Коркуновъ, слишкомъ противорѣчило фактамъ повседневнаго опыта: никто не можетъ мѣнять по произволу своихъ сужденій о правѣ, да и законодатель, надѣленный безграничной властью, бываетъ принужденъ считаться съ господствующими въ обществѣ понятіями о справедливомъ и несправедливомъ. Поэтому оставалось принять другое объясненіе, по которому право признается произведеніемъ самой природы [2]). Въ ученіяхъ естественнаго права Коркуновъ видитъ теорію, которая «уравниваетъ юридическія нормы съ законами природы; взамѣнъ подчиненія произвольнымъ велѣніямъ другихъ людей, какъ все человѣческое, несовершеннымъ, она подчиняетъ человѣка непреложнымъ

---

[1]) Такое противоположеніе встрѣчается, правда, у многихъ современныхъ юристовъ, но никто не исчерпываетъ этого вопроса,—обыкновенно указываютъ на какую-нибудь одну черту различія. Напр. Schein. Unsere Rechtsphilosophie und Jurisprudenz, 1889, стр 17—18; R. Frank. Naturrecht, geschichtliches Recht und sociales Recht, 1891, стр. 4, 21 и др.

[2]) Исторія философіи права, 1898, стр. 352.

велѣніямъ природы; искусственному, выдуманному она противопоставляетъ естественное, необходимое [1]) . Хотя ученія эти, съ другой стороны, приводили къ цѣлому ряду неразрѣшимыхъ противорѣчій, но они долго держались, потому-что ихъ нечѣмъ было замѣнить. Только историческое пониманіе права, выставленное исторической школой, нанесло рѣшительный ударъ теоріи естественнаго права, ибо оно дало возможность выйти изъ указанной альтернативы. «Гипотеза естественнаго права оказалась болѣе ненужной. Несомнѣнно присущій праву элементъ объективный, элементъ независимости отъ людской воли, нашелъ себѣ лучшее, болѣе согласимое съ фактомъ разнообразія и измѣнчивости права, объясненіе въ закономѣрности его развитія» [2]).

Противорѣчія въ ученіи естественнаго права, на которыя указываетъ Коркуновъ [3]), въ общемъ, соотвѣтствуютъ тѣмъ возраженіямъ, съ которыми мы встрѣтились уже у Шталя и Бергбома, и которыя разсмотрѣны нами выше. Поэтому намъ слѣдуетъ остановиться только на вопросѣ, насколько историческая школа сдѣлала теорію естественнаго права ненужной?

Прежде всего, нельзя не замѣтить, что историческая школа, хотя и указывала на закономѣрность развитія права, но не установила никакого сколько-нибудь опредѣленнаго закона этого развитія, а безъ этого, конечно, нельзя говорить, что присущій праву элементъ объективный получилъ со стороны исторической школы *надлежащее* объясненіе. Ибо одно утвержденіе, что право есть произведеніе національнаго духа, не можетъ быть признано удовлетворительной формулой даже

---

[1]) Лекціи по общей теоріи права, изд. 1898 г. стр. 85.
[2]) Ист. филос. права, стр. 353.
[3]) Лекціи по общей теоріи, стр. 78, 84, 85, 86—88.

для простого эмпирическаго закона. Послѣдующая критика вполнѣ справедливо возражала на это, что, если реципированное право можетъ быть также объяснено изъ національнаго духа (ибо реципированное право не могло бы удержаться, еслибъ оно противорѣчило этому духу), формула эта оказывается совершенно пустой и безсодержательной, а если формулу эту понимать въ томъ смыслѣ, что рецепція иноземнаго права, какъ несогласнаго съ національнымъ духомъ, совершенно невозможна, то мы рискуемъ стать въ противорѣчіе съ общеизвѣстными и неподлежащими никакому сомнѣнію фактами [1]). Но главнѣе всего то, что, объясняя право исключительно, какъ продуктъ одного національнаго развитія, историческая школа оказывалась не въ состояніи объяснить присутствіе въ правѣ сверхъ-національныхъ элементовъ т. е. именно тѣхъ элементовъ всеобщности и необходимости, для объясненія которыхъ и было создано, по мнѣнію Коркунова, все ученіе о естественномъ правѣ. Присутствіе во всякомъ правѣ такихъ ненаціональныхъ элементовъ не можетъ подлежать сомнѣнію, потому-что иначе нельзя объяснить себѣ, какимъ образомъ могла такъ долго существовать теорія, признаваемая теперь явно-неудовлетворительною и имѣвшая, какъ полагаютъ, своею единственной задачей объясненіе этихъ элементовъ; если же они существуютъ, то они никоимъ образомъ не могутъ быть поняты съ точки зрѣнія національнаго духа и національнаго развитія. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, всякая другая теорія будетъ болѣе удовлетворительна, чѣмъ эта. Кромѣ того: главнѣйшій вопросъ, выдвинутый исторической школой, есть, несомнѣнно, вопросъ о происхо-

[1]) См. напр. Bergbohm. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie, стр. 491; Новгородцевъ. Историческая школа, напр. стр. 106, 127 и др.

жденіи права; но дала-ли она на него удовлетворительный отвѣтъ? Она не дала никакого отвѣта. Ибо говорить о томъ, какъ *развивается* право, не значитъ говорить о томъ, какъ оно *возникаетъ*. Это вопросы совершенно различные. А выставляя на первый планъ національность всякаго права, представители исторической школы и не могли бы объяснить происхожденіе права—уже по одному тому, что исторія не даетъ намъ свидѣтельства о народахъ, жившихъ внѣ права, право есть достояніе всего человѣчества, и, слѣдовательно, оно (или, по крайней мѣрѣ, его формальный элементъ) можетъ быть объяснено только изъ условій, общихъ для всего человѣчества, а не для одной только какой-нибудь націи. Отвѣтъ могъ бы быть данъ, пожалуй, при томъ условіи, если сдѣлать допущеніе, что тотъ или другой народъ жилъ когда-то безъ права, въ какомъ-то «естественномъ состояніи». Вотъ почему только съ перваго взгляда можетъ показаться парадоксальнымъ совершенно вѣрное, въ существѣ своемъ, замѣчаніе Агилера: «c'est donc une affirmation bien vague, quand on dit, que c'est l'esprit national, qui produit le droit. Bien plus, l'universalité de ce phénomène ne peut s'expliquer que par l'existence préalable chez chaque individu d'une certaine *idée* du droit. C'est ainsi que l'école historique aboutit, peut-être à son insu, à l'affirmation du caractère aprioristique du droit et même au droit naturel.» [1]).

Впрочемъ, въ послѣднее время наиболѣе суровой критикѣ подвергалась какъ-разъ эта сторона исторической теоріи,—ученіе о національномъ духѣ. Но если отбросить это ученіе, что же останется отъ исторической школы? Коркуновъ пола-

[1]) Aguiléra. L'idée du droit en Allemagne depuis Kant jusqu'à nos jours, 1893.

гаетъ, что идея закономѣрнаго развитія, будучи освобождена отъ слишкомъ узкой формы народнаго развитія, вполнѣ удовлетворительно объясняетъ существованіе въ правѣ элементовъ необходимости и всеобщности. Онъ говоритъ: «Необходимая закономѣрность явленій приводитъ къ тому, что одинаковыя условія всегда порождаютъ и одинаковыя слѣдствія. Но какъ ни разнообразны въ частностяхъ условія существованія и развитія различныхъ человѣческихъ обществъ и въ разное время, въ общемъ они все-таки одинаковы. Всегда и вездѣ это суть условія жизни людей на земномъ шарѣ. Дѣятели и арена въ историческомъ развитіи человѣчества всегда одни и тѣ же; между людьми гораздо больше сходства, чѣмъ различія. Земная поверхность, при всемъ разнообразіи въ характерѣ отдѣльныхъ ея частей, въ цѣломъ все-таки представляетъ одно цѣлое. Поэтому, гдѣ бы ни протекала человѣческая жизнь, она вездѣ представляетъ однѣ и тѣ же общія черты. Въ частности и человѣческое право неизбѣжно имѣетъ въ себѣ и общіе элементы» [1]). Съ этими мыслями нельзя, конечно, не согласиться. Но это уже не теорія исторической школы, это собственныя воззрѣнія автора, имѣющія съ этой школой лишь очень немного общаго. Эти воззрѣнія, постепенно развиваясь, заставили Коркунова въ 5-мъ изданіи его «Лекцій» высказаться въ слѣдующемъ смыслѣ: «Основой всего права, въ концѣ концовъ, является все-таки индивидуальное сознаніе. Въ немъ зарождаются первоначально представленія о возможныхъ способахъ разграниченія сталкивающихся интересовъ, слѣдовательно объ юридическихъ нормахъ. Только мало-помалу первоначально совершенно субъективное индивидуальное

[1]) Лекціи по общей теоріи, изд. 2-ое, стр. 81.

правосознаніе перенимается другими, распространяется все въ болѣе и болѣе широкомъ кругѣ и, облекаясь, наконецъ, въ форму обычая, судебной практики, закона, становится объективнымъ факторомъ общественной жизни. Точно также въ субъективномъ сознаніи отдѣльными людьми обязательности такъ или иначе сложившагося въ обществѣ права заключается послѣднее основаніе силы и дѣйствія права... Значеніе и сила права лишь въ томъ, что оно сознается отдѣльными личностями, какъ должный порядокъ общественныхъ отношеній. Поэтому право выражаетъ собою не объективно данное подчиненіе личности обществу, а субъективное представленіе самой личности о должномъ порядкѣ общественныхъ отношеній» (стр. 227). И это опять далеко уже не историческая школа! Это—теорія, подъ которой съ охотою подписались бы не только многіе изъ современныхъ представителей естественно-правовой теоріи, но и нѣкоторые изъ старыхъ мастеровъ этого «отжившаго» ученія.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще сказать, что мнѣніе Коркунова, что теорія естественнаго права была выставлена для объясненія присущихъ праву элементовъ всеобщности можетъ быть принято не иначе, какъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Первоначально, понятіе естественной справедливости, дѣйствительно, имѣло значеніе «вѣчнаго» или «общенароднаго» права, но впослѣдствіи оно выставлялось, скорѣе, для отвѣта на вопросъ объ основаніяхъ обязательности дѣйствующаго въ данное время и въ данномъ мѣстѣ положительнаго закона. Приблизительно такое значеніе имѣло естественное право у основателя новой философіи — Гуго Гроція [1]) и у многихъ

[1]) Можно ограничиться указаніемъ на Proleg. 15.

писателей XVII и XVIII столѣтій. А если таковъ былъ, хотя отчасти, смыслъ теоріи естественнаго права, то ее ни въ какомъ случаѣ не могла замѣнить теорія исторической школы: основанія обязательности права не могутъ быть найдены въ законахъ его развитія. Это—двѣ различныя категоріи [1]).

10.

Современная философія не имѣетъ опредѣленной точки зрѣнія для оцѣнки и обсужденія теорій естественнаго права. Между современными писателями, какъ было указано уже, не рѣдкость встрѣтить такихъ, которые принципіально отвергаютъ естественное право, а при оцѣнкѣ какой-нибудь отдѣльной системы или при обсужденіи какого-нибудь спеціальнаго вопроса теоріи, высказываютъ мнѣнія, находящіяся въ явномъ противорѣчіи съ логическими выводами позитивизма. Изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія только одна можетъ быть правильна. Или слѣдуетъ принять, что ученіе естественнаго права опровергнуто, разрушено, уничтожено, и тогда уже не останавливаться съ недоумѣніемъ передъ «теоріей совершившихся фактовъ», передъ провозглашеніемъ первенства силы и т. п., или нужно допускать всякія конструкціи и заключенія изъ

---

[1]) Разсмотрѣнными возраженіями исчерпывается все сколько-нибудь существенное, что было высказано противъ естественнаго права. Я оставляю безъ разсмотрѣнія только тѣхъ писателей, которые отрицаютъ естественное право потому, что оно не подходитъ подъ ихъ собственныя ничѣмъ не обоснованныя и никѣмъ не принятыя теоріи. Такъ напр. Schein (Unsere Rechtsphilosophie und Jurisprudenz, 1889) не признаетъ ест. права потому, что оно обращается съ своими требованіями къ индивидууму, а по его мнѣнію, всякое право есть правило дѣятельности правительства См. стр. 5—6, 18 и слѣд.

допущенныхъ заранѣе посылокъ и не отвергать ихъ *только* потому, что онѣ неизбѣжно приводятъ къ признанію естественнаго права. Это особенно касается исторіи философіи. Если критика давно уже разрушила ученіе естественнаго права, то отдѣльныя теоріи этой школы, разсматриваемыя въ исторіи философіи, уже не требуютъ особой оцѣнки; ихъ можно изучать только въ исторической перспективѣ, какъ отраженіе данной эпохи, какъ произведеніе предшествующихъ и причину возникновенія послѣдующихъ идей и теорій, но заниматься опредѣленіемъ ихъ абсолютной научной цѣнности, разсматривать ихъ, такъ сказать, sub specie aeternitatis, не только безполезно, но и прямо нелогично. Если отвергнута вся философская школа, какое же научное достоинство можетъ имѣть то или иное отдѣльное направленіе, причисляемое къ этой школѣ? Очевидно, это достоинство находится въ обратной пропорціи къ тому, насколько данное направленіе сохранило всѣ основные догматы школы, а если оно отступило отъ этихъ догматовъ настолько, что, въ глазахъ историка, его положительныя стороны превышаютъ отрицательныя, то ясно, что ошибка допущена была уже раньше при причисленіи данной теоріи къ цѣлому направленію или даннаго направленія къ цѣлой школѣ: ибо связь между ними оказалась чисто фиктивной. И всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ современной историко-философской литературой, долженъ признать, что оцѣнка отдѣльныхъ теорій школы естественнаго права тамъ почти отсутствуетъ, изложеніе ихъ имѣетъ едвали не однѣ только учебныя цѣли, а если кто-нибудь серьезно задается мыслью опредѣлить научное значеніе какой-нибудь теоріи, то это всегда означаетъ, что данный авторъ или поднимаетъ вопросъ о принадлежности критикуемой теоріи

къ школѣ естественнаго права [1]), или самъ является ея сторонникомъ.

Изслѣдованіе предыдущаго параграфа показало, что критика естественнаго права не имѣетъ вовсе такого сокрушающаго характера, какъ принято думать. Она представляетъ изъ себя возраженія, доказывающія иногда слишкомъ много, иногда слишкомъ мало въ сравненіи съ тѣмъ, что они хотятъ или должны были бы доказать, а очень часто возраженія эти, кромѣ того, исходятъ изъ такихъ посылокъ, которыя сами еще ждутъ основательной критики. Поэтому, было бы ошибкою предполагать, что идея естественнаго права этими возраженіями опровергнута или даже просто поколеблена. Съ другой стороны, нельзя утверждать, конечно, что кто-нибудь въ современной литературѣ представилъ полную философскую и юридическую защиту этой идеи; нельзя указать ни одного изслѣдованія, въ которомъ не только были бы опровергнуты сдѣланныя уже возраженія, но и было бы съ полной убѣдительностью показано, что никакихъ другихъ возраженій не можетъ быть вовсе представлено. Поэтому, всегда можно ожидать, что появятся новыя возраженія, противъ которыхъ прежняя, да можетъ быть—и всякая другая защита окажется безсильной. Но одно уже то, что теорія естественнаго права до сихъ поръ остается, вопреки общепринятому мнѣнію, не опровергнутой, имѣетъ большую важность для исторіи философіи. Для нея вытекаютъ отсюда два слѣдствія. Во-первыхъ, при опредѣленіи научной цѣнности той или другой теоріи ей не слѣдуетъ вовсе касаться вопроса о томъ, вышла-ли эта теорія изъ школы естественнаго права или изъ какой-нибудь

[1]) Ср. указанное въ началѣ изслѣдованія разногласіе по вопросу о принадлежности теоріи Гоббеса къ школѣ естественнаго права.

другой; ибо принадлежность къ этой школѣ не имѣетъ ровно никакого значенія,—она не только не можетъ предрѣшить оцѣнку разсматриваемой теоріи или опредѣлить ея судьбу, но она не въ состояніи даже опредѣлить ни одного родового признака ея. Вѣдь на вопросъ: что такое естественное право? и даже на вопросъ: что такое теорія естественнаго права?— мы не получимъ согласнаго отвѣта. Во-вторыхъ, путемъ самостоятельной критики каждой отдѣльной теоріи, независимо отъ критики сходственныхъ теорій, исторія философіи должна подготовить почву для оцѣнки научнаго достоинства цѣлой школы естественнаго права, какъ общаго направленія, обнимающаго собою отдѣльныя естественно-правовыя теоріи. Только когда будетъ произнесенъ приговоръ надъ *всѣми* разнообразными теоріями, подводимыми теперь подъ одно понятіе, можно будетъ приступить къ суду надъ цѣлой школой, и тогда это дѣло не займетъ много времени. Таковъ единственно правильный методъ историко-философскаго изслѣдованія.

Этого метода намъ нужно держаться и по отношенію къ Гоббесу. На основаніи сдѣланнаго раньше анализа намъ нужно произвести научную оцѣнку его ученія о правѣ, оставивъ совершенно въ сторонѣ вопросъ, принадлежитъ-ли это ученіе къ школѣ естественнаго права, и насколько самая эта школа можетъ разсчитывать на всеобщее признаніе.

Ученіе Гоббеса о субъективномъ правѣ представляется совершенно неразработаннымъ. Хотя въ исторіяхъ философіи принято удѣлять этому понятію довольно много мѣста, но это объясняется тѣмъ, что подъ него подводятъ такія явленія, которыя Гоббесъ только условно обозначаетъ именемъ права. Это—индивидуальная свобода человѣка. Всѣ нападки на Гоб-

беса сводятся, большею частью, именно къ тому, что онъ отождествлялъ право съ свободой или даже съ силой, что его мораль есть мораль эгоизма. Стало даже общимъ мѣстомъ, что онъ признаетъ за каждымъ право на все—именно потому, что право есть для него не что иное, какъ сила. На самомъ дѣлѣ, право не имѣетъ у него ничего общаго съ силой; точно также не отождествляетъ онъ его и со свободой. Онъ указываетъ только на то, что сближеніе этихъ понятій есть обычный психологическій фактъ. И кажется, онъ не совсѣмъ не правъ. Въ сужденіяхъ о томъ, кому какія принадлежатъ права, люди всѣхъ слоевъ общества, образованные и необразованные—нерѣдко и юристы—вовсе не считаютъ нужнымъ справиться, что говоритъ законъ; вопросъ обыкновенно рѣшается по «здравому смыслу»: «здравый смыслъ» говоритъ, что право принадлежитъ лицу А,—значитъ, это лицо и имѣетъ право [1]),—таково обычное разсужденіе, съ которымъ каждому приходилось, вѣроятно, не разъ встрѣчаться, и всякій знаетъ по своему опыту, что въ такихъ случаяхъ не принимаются никакіе доводы и никакія доказательства, потому-что «здравый смыслъ» есть высшая аппелляціонная инстанція. А здравый смыслъ обыкновенно вручаетъ право тому, на чьей сторонѣ лежитъ интересъ, или польза [2]). Отождествленіе права съ интересомъ, какъ извѣстно, составляетъ даже особенность одного изъ современныхъ направленій юриспруденціи. Но не таковы взгляды Гоббеса. По его мнѣнію, право возможно только тамъ, гдѣ есть законъ; только закономъ, только объективной нормой опредѣляется существованіе, содержаніе и

[1]) Ср. еще разъ De cive I, 7: Quod autem contra *rectam rationem* non est, id juste et jure factum *omnes dicunt.*

[2]) De cive I, 10: hoc est quod *vulgo* dicitur, Natura dedit omnia omnibus. Ex quo etiam intelligitur, . . . *mensuram juris esse utilitatem.*

принадлежность права. Эта мысль красной нитью проходитъ черезъ всю его теорію. Правда, остается несовсѣмъ выясненнымъ, признавалъ-ли онъ, что законъ можетъ самъ устанавливать права безъ посредства договора, но, во всякомъ случаѣ, законъ и право — это, для него, два понятія, тѣсно и неразрывно связанныя. А если можно говорить о какомъ-нибудь прочномъ пріобрѣтеніи юридической науки, такъ это именно та мысль, что право и норма составляютъ нѣчто неразрывное, что это даже одно явленіе, только разсматриваемое съ разныхъ сторонъ, только понимаемое въ разныхъ «смыслахъ». Эта мысль пользуется почти всеобщимъ признаніемъ [1]), и, слѣдовательно, съ этой стороны Гоббесу нельзя сдѣлать никакого возраженія.

Что касается, затѣмъ, интереснаго вопроса, составляютъ-ли дѣйствія, не предусмотрѣнныя нормами, нѣчто юридически-безразличное, или они все-таки суть юридическія дѣйствія, то здѣсь, нужно сознаться, чрезвычайно рискованно возражать Гоббесу или даже защищать его, такъ какъ по этому вопросу у него нѣтъ ничего, кромѣ отдѣльныхъ, отрывочныхъ замѣчаній. Еще болѣе отрывочно и случайно касается онъ вопросовъ о различіи публичныхъ и частныхъ правоотношеній, о природѣ права собственности и проч.

Гораздо болѣе разработано ученіе объ объективномъ правѣ. Въ этомъ отношеніи самое характерное въ теоріи Гоббеса это — то, что кромѣ позитивнаго права онъ признаетъ еще право

---

[1]) Единственное исключеніе составляетъ, кажется, Биндингъ, который говоритъ, что нормъ нѣтъ въ частномъ правѣ, потому-что норма требуетъ повиновенія (Gehorsamkeit), а оно въ частномъ правѣ невозможно. См. Die Normen und ihre Übertretung I, стр. 97 и др. Ср. Fronzel, Recht und Rechtssatze. 1892.

непозитивное, которое онъ называетъ естественнымъ закономъ, или закономъ природы. Источниками позитивнаго права онъ выставляетъ государственный законъ, обычай и судебную практику, источникомъ естественнаго права—индивидуальное сознаніе, субъективный разумъ.

Это дѣленіе права прежде всего обращаетъ на себя вниманіе. Чѣмъ оправдывается оно? Имѣетъ-ли оно за собою какія-нибудь данныя, и каковы его реальныя основы?

Несомнѣнно, что объектировавшаяся юридическая норма не можетъ вполнѣ соотвѣтствовать субъективному правосознанію не только всѣхъ и каждаго, но и правосознанію большинства; даже отдѣльному субъективному правосознанію она можетъ соотвѣтствовать только случайно» [1]). Если мы нѣсколько смягчимъ это положеніе и вмѣсто словъ «не можетъ вполнѣ» скажемъ, что объектировавшаяся норма *можетъ не вполнѣ* соотвѣтствовать субъективному правосознанію, то, мнѣ кажется, мы выставимъ положеніе, которое будетъ внѣ всякихъ споровъ. Положеніе это не есть теорема или выводъ изъ какой-нибудь теоріи, но простое констатированіе факта, находящагося у всѣхъ передъ глазами. Каждый, на основаніи уже одного личнаго своего опыта, очень хорошо знаетъ, что есть «варварскіе», «несправедливые» и «устарѣлые» обычаи, которые не находятъ сочувствія въ нашей душѣ, что, по крайней мѣрѣ иногда, въ своемъ сознаніи мы нахо-

---

[1]) Коркуновъ. Лекціи по общей теоріи права, изд. 2-ое, стр. 255.— Ср. изд. 5 ое, стр. 276: «и съ образованіемъ обычаевъ, судебной практики и законовъ субъективное правосознаніе не уничтожается. Оно продолжаетъ развиваться, какъ необходимое проявленіе индивидуальной психической жизни, и, какъ болѣе подвижное и подчиненное своимъ особымъ законамъ, не можетъ не расходиться съ выразившимся въ объективныхъ нормахъ правомъ».

димъ нормы, несогласныя съ тѣми или иными постановленіями закона, или даже противоположныя имъ. Еслибъ этого не было, не было бы и реформы, измѣненія въ положительномъ правѣ, и законъ, однажды изданный, обычай, однажды образовавшійся, должны были бы оставаться неизмѣнными, пока существуетъ данное государство или данный народъ. Но спрашивается: можно-ли, на основаніи этого, раздѣлять все право на «право, живущее въ субъективномъ сознаніи», и «право, выразившееся въ нормахъ» [1]) закона, обычая и судебной практики? Иными словами: *можно-ли содержаніе нашего сознанія*, когда оно расходится съ нормами положительнаго права, точно также *подводить подъ понятіе права*, какъ и тогда, когда оно вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію закона и обычая? Намъ слѣдуетъ разсмотрѣть этотъ вопросъ съ точки зрѣнія понятій и теоріи Гоббеса.

Гоббесъ идетъ путемъ анализа. Онъ отправляется въ своихъ изслѣдованіяхъ отъ государства и дѣйствующаго въ немъ и имъ созданнаго правового механизма. Первое мѣсто принадлежитъ положительнымъ государственнымъ законамъ, leges civiles; они регулируютъ дѣятельность гражданъ и органовъ управленія. Но дѣятельность самой верховной власти они не регулируютъ, верховная власть не подчинена имъ, ибо изданіе законовъ, которое составляетъ главнѣйшую функцію верховной власти, конечно, не можетъ быть нормировано тѣми самыми законами, которые она издаетъ. Они могутъ устанавливать нормальныя условія законодательной дѣятельности, порядокъ обсужденія, утвержденія и обнародованія законовъ, но въ нихъ не можетъ заключаться нормъ,

---

[1]) Коркуновъ. Лекціи, изд. 5-ое, стр. 255.

которыя бы опредѣляли, когда и какіе законы должно издавать. Отсюда не слѣдуетъ, однако, что дѣятельность верховной государственной власти ничѣмъ ровно не связана. Напротивъ, на ней лежатъ въ высшей степени суровыя обязанности; это сознаетъ и она сама, и граждане. Вся дѣятельность ея должна быть направлена къ общему благу, къ возможно большему благу возможно большаго числа подданныхъ. Общее благо не есть пустой звукъ, не есть одно только pium desiderium: какъ показываетъ Гоббесъ, это общее требованіе разлагается на множество болѣе частныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ требованій, касающихся всѣхъ отраслей верховнаго управленія. Но, можетъ быть, это—только нравственная, а не юридическая обязанность? Указывалось уже много разъ, что Гоббесъ не дѣлалъ рѣзкаго различія между правомъ и нравственностью; какимъ же образомъ могъ бы онъ утверждать, что границы государственной власти имѣютъ именно юридическій, а не нравственный характеръ? Онъ этого и не утверждаетъ, у него нигдѣ не говорится, что нормы, которыя обязана соблюдать верховная власть, суть нормы права. Но онъ точно также нигдѣ не говоритъ, что законы государственные, leges civiles, суть источникъ права; значитъ, и ихъ можно было бы понимать въ противоположномъ смыслѣ т. е., какъ источникъ нравственныхъ заповѣдей. И именно потому, что онъ не выдѣлялъ юридическихъ нормъ изъ всей совокупности этическихъ правилъ, мы можемъ понимать законъ природы, поскольку онъ дѣйствуетъ въ государствѣ, какъ законъ юридическій, или, по крайней мѣрѣ, какъ законъ нравственный *и юридическій* вмѣстѣ (если кто-нибудь согласится на такое соединеніе). Естественно, что, говоря о государствѣ—о государственныхъ законахъ и объ

обычаѣ, онъ понималъ ихъ, какъ источники *права*, а такъ какъ они находятся въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ естественному закону,—онъ обусловливаетъ собой не только ихъ дѣйствительность, но и ихъ приложеніе къ жизни,—то есть достаточныя основанія предположить, что естественный законъ, поскольку онъ дѣйствуетъ въ государствѣ, Гоббесъ понималъ также, какъ источникъ права [1]). Это предположеніе становится почти увѣренностью, если принять въ разсчетъ еще слѣдующія соображенія. Самое простое и существенное различіе между нормами нравственности и нормами правовыми заключается въ томъ, что первыя устанавливаютъ обязанности, а вторыя,—кромѣ обязанностей еще и права. Поэтому, если возникаетъ сомнѣніе въ характерѣ какой-нибудь нормы, стоитъ только посмотрѣть, устанавливаетъ-ли она права или нѣтъ: въ первомъ случаѣ это будетъ норма права, во второмъ—нравственная норма. Но извѣстно, что Гоббесъ надѣляетъ верховную власть не только обязанностями, но и правами; естественный законъ служитъ у него для восполненія государственнаго закона, т. е. устанавливаетъ не только обязанности подданныхъ, но и ихъ права, а такъ какъ Гоббесъ нигдѣ не указываетъ, чтобы естественный законъ исполнялъ въ государствѣ двѣ различныя функціи, то слѣдуетъ заключить, что онъ и *вообще*, т. е. поскольку дѣйствуетъ въ государствѣ, есть, съ точки зрѣнія Гоббеса, законъ юридическій.

Мы имѣемъ, слѣдовательно, достаточныя основанія думать, что обязанности верховной власти суть обязанности юридическія.

---

[1]) Припомнимъ еще, что Гоббесъ вводитъ въ государство только тѣ законы природы, которые регулируютъ внѣшнюю дѣятельность, а не мотивы воли. См. выше стр. 90 примѣч.

Но нужно сказать, что Гоббсъ не сдѣлалъ ровно ничего для доказательства этой мысли. Это, конечно, потому, что онъ не предвидѣлъ тѣхъ возраженій, какія ему могутъ быть сдѣланы. А средства доказательства находились въ его рукахъ: ему слѣдовало только продолжить нѣсколько дальше тотъ психологическій анализъ, который служитъ у него основаніемъ для понятія естественнаго закона. Если въ своемъ изслѣдованіи онъ отправляется отъ государства, а въ государство люди соединяются для достиженія мира, то обязанности верховной власти, которыя всѣ сводятся къ обезпеченію мирной жизни, граждане должны сознавать, какъ такія обязанности, которыя «закрѣплены» [1]) за ними, которыя «для нихъ» исполняются, и нарушеніе которыхъ будетъ нарушеніемъ не только объективной нормы, но и ихъ субъективныхъ правъ. Этого *сознанія* закрѣпленности, *сознанія* права совершенно достаточно, чтобы признать его существованіе, ибо дѣло идетъ не о какомъ-нибудь правѣ «въ себѣ», существующемъ гдѣ-то внѣ и помимо человѣческаго сознанія, но именно о томъ правѣ, которое существуетъ въ сознаніи людей и нигдѣ больше не существуетъ [2]).

На это могутъ быть сдѣланы два возраженія.

Во-первыхъ, могутъ сказать, что это не есть право, потому-что оно лишено всякой санкціи: не только нельзя принудить государственную власть къ исполненію ея обязанностей, но и въ случаѣ нарушенія ихъ она не терпитъ никакихъ тягостныхъ послѣдствій, потому-что народъ не имѣетъ

---

[1]) См. Л. Петражицкаго: Что такое право? Вѣстникъ права 1899, № 1, стр. 16, 18 и др

[2]) См. выше стр. 41.

права возстанія [1]), народъ не есть юридическое лицо [2]), а неповиновеніе каждаго отдѣльнаго подданнаго составляетъ преступленіе. Повидимому, и самъ Гоббесъ считалъ санкцію существеннымъ признакомъ и принадлежностью юридической нормы, и по его мнѣнію, frustra est lex, quae impune violari potest. Но дѣло въ томъ, что и это положеніе, и дѣленіе нормъ на распредѣлительныя и карательныя (distributiva et vindicativa) составляютъ у Гоббеса очевидную непослѣдовательность. Онъ самъ признаетъ, что задача закона заключается въ опредѣленіи «моего» и «твоего» съ цѣлью предупрежденія споровъ; эту задачу онъ считаетъ болѣе важной, чѣмъ осуществленіе карательной власти [3]). А несомнѣнно, что съ этой точки зрѣнія законъ, не надѣленный уголовной санкціей, и даже законъ безъ всякой санкціи можетъ очень хорошо выполнять свою функцію оцѣнки человѣческой дѣятельности и отдѣленія въ ней правомѣрнаго отъ неправомѣрнаго. Опредѣлить, что принадлежитъ мнѣ, и что—другому, что я могу дѣлать, и чего не могу, законъ можетъ, независимо отъ того, надѣленъ онъ санкціей или нѣтъ, потому-

---

[1]) См. De cive V, 11, гдѣ говорится, что unusquisque civium de jure suo resistendi decessit.—Исторія, впрочемъ, знаетъ отдѣльные случаи существованія такого права. Напр. въ Magna Charta (1215 г.) ст. 61 гласитъ: «Et si nos excessum non emendaverimus, intra tempus quadraginta dierum, .. illi viginti quinque barones cum communa totius terrae distringent et gravabunt nos modis omnibus, quibus poterunt, scilicet per captionem castrorum, terrarum, possessionum et aliis modis, quibus poterunt, donec fuerit emendatum secundum arbitrium eorum....» Въ золотой буллѣ венгерскаго короля Андрея II (1222) упоминается даже о facultas resistendi, droit de la résistance признано было и французскими конституціями 1791 и 1793 гг. См. Гнейстъ. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, русск. пер. стр. 262—277; Коркуновъ. Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ, 1890 стр. 72—78.

[2]) De cive VI, 1.

[3]) De cive VI, 9.

что, съ этой точки зрѣнія, санкція не имѣетъ ровно никакого значенія. Кромѣ того, Гоббесъ говоритъ о санкціи, какъ принадлежности одного только государственнаго закона [1]), законъ естественный не имѣетъ, у него, санкціи. Правда, что потому-то и необходимъ переходъ изъ естественнаго состоянія въ состояніе государственное, что только въ государствѣ возникаютъ болѣе прочныя гарантіи исполненія закона; но соблюденіе нормы не составляетъ ничего существеннаго для понятія права, это вопросъ факта, а потому и въ состояніи природы естественному закону ничто не мѣшаетъ выполнять его функцію оцѣнки человѣческой дѣятельности. Слѣдовательно, и отношенія государственной власти къ подданнымъ, ея обязанности могутъ опредѣляться нормами права.

Другое возраженіе можетъ заключаться въ томъ, что содержаніе этого права не имѣетъ никакого объективнаго, видимаго источника, какимъ для позитивнаго права является, напримѣръ, законъ; что оно измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ содержанія нашего сознанія, а потому представляется чрезвычайно текучимъ и неустойчивымъ. Могутъ утверждать даже, что у этого права нѣтъ никакого источника, а потому оно есть право только по имени. Возраженіе это основывается на очевидномъ смѣшеніи видовыхъ и родовыхъ признаковъ понятія. Нельзя, конечно, отрицать, что естественное право, въ указанномъ его пониманіи, до крайности измѣнчиво и подвижно. Гоббесъ утверждаетъ, что оно вѣчно и неизмѣнно (lex naturalis aeterna et immutabilis), но это утвержденіе составляетъ одну изъ крупныхъ ошибокъ его теоріи. Онъ признаетъ, что нормы естественнаго права суть

---

[1]) De cive XIV, 8.

не что иное, какъ сужденія разума (conclusiones ratione intellectae), а разумъ онъ понимаетъ, не какъ нѣчто непогрѣшимое, заключающее въ себѣ одну только истину, но какъ простую способность сужденія [1]). При такомъ пониманіи, разумъ не можетъ быть, конечно, совокупностью вѣчныхъ и неизмѣнныхъ идей, а слѣдовательно, и выводы его не могутъ быть всегда одни и тѣ же. Гоббесъ самъ чрезвычайно мѣтко указываетъ, что люди всѣ сходятся въ томъ, что нужно дѣлать добро, но каждый понимаетъ это добро по своему, и что одинъ считаетъ добромъ, то для другого представляется зломъ. Если же нравственныя и юридическія понятія людей неодинаковы, то они должны точно также измѣняться и во времени. Но измѣнчивость и подвижность, которыя составляютъ характерную особенность нормъ естественнаго права, не могутъ противорѣчить *понятію* права. Прежде всего, вѣдь и позитивное право не есть нѣчто неизмѣнное; оно измѣняется въ пространствѣ и времени, вмѣстѣ съ людьми и исторіей. По общему правилу, оно менѣе подвижно, чѣмъ естественное право, хотя бываютъ случаи, когда, на-оборотъ, оно идетъ впереди «права, живущаго въ субъективномъ сознаніи». Слѣдовательно, здѣсь различіе только въ степени, а не въ принципѣ. Что касается до меньшей опредѣленности естественнаго права, то она цѣликомъ обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что у него нѣтъ такихъ источниковъ, всѣмъ доступныхъ и допускающихъ общую провѣрку, какія есть у позитивнаго права. Но было бы нелогично утверждать, что правомъ можетъ быть только то, что имѣетъ своимъ источникомъ законъ или обычай. Никто, конечно, не станетъ смѣ-

[1]) Ratio=ratiocinatio. См. De cive II, 1 Ann.

шивать право съ его источниками: законъ есть рядъ буквъ, соединенныхъ въ слова и предложенія, обычай есть рядъ дѣйствій, а право есть мысль, живущая въ нашемъ сознаніи [1]). Источники права суть, слѣдовательно, причины или условія возникновенія этой мысли.

Нѣтъ никакого логическаго основанія эту мысль, имѣющую свое опредѣленное содержаніе (мысль о должномъ), подводить въ различныхъ случаяхъ подъ разныя понятія только потому, что она возникла подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Возникаетъ-ли она подъ вліяніемъ закона, или подъ вліяніемъ всей совокупности культурныхъ условій, въ которыхъ находится данное субъективное сознаніе (воспитаніе, среда, житейскій опытъ, философскія теоріи),—эта мысль есть одинаково мысль о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, и отъ чего воздерживаться, и этого совершенно достаточно, чтобъ подвести ее подъ понятіе права. Если же признаковъ, взятыхъ изъ содержанія мысли, недостаточно, чтобъ опредѣлить ея genus, а нужно еще непремѣнно указаніе на причину, обусловившую собой ея содержаніе, то придется и обычную норму выдѣлить изъ понятія права—тѣмъ болѣе, что ея отношеніе къ обычаю существенно отличается отъ отношенія законнаго права къ своему источнику. Вообще, если возвести всѣ признаки позитивнаго права въ родовые признаки понятія права, то, конечно, окажется, что никакого другого права, кромѣ позитивнаго, не существуетъ, что только и есть одно позитивное право; но тогда окажется совершенно непонятнымъ и то,

---

[1]) Я говорю, что право есть мысль, — разумѣя при этомъ тѣ случаи, когда мы имѣемъ дѣло съ вполнѣ сложившимся правомъ. Но мы можемъ, конечно, наблюдать право въ процессѣ его становленія, когда оно сознается еще очень смутно: мы говоримъ тогда, обыкновенно, о *чувствѣ* права.

почему само т. н. позитивное право есть право. Писатели, которые вводятъ въ опредѣленіе права понятіе принужденія или указываютъ при этомъ на источникъ его, впадаютъ непремѣнно въ заколдованный кругъ, потому-что послѣдовательность требуетъ отъ нихъ полнаго отрицанія государственнаго права [1]).

Такимъ образомъ, признаніе на ряду съ позитивнымъ правомъ еще права непозитивнаго не можетъ быть поставлено Гоббесу въ укоръ. Только одну поправку нужно внести въ это понятіе: естественное право не только не вѣчно, но оно гораздо измѣнчивѣе и подвижнѣе права позитивнаго.

Посмотримъ теперь, какъ объясняетъ Гоббесъ обязательность права.

Вопросъ объ основаніи обязательной силы права лучше всего разработанъ Бирлингомъ въ первомъ томѣ его «Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe». Тамъ онъ разсматриваетъ различныя теоріи, выставленныя для объясненія этой силы, между прочимъ—и договорную теорію. По его мнѣнію, всѣ договорныя теоріи повторяютъ одну и ту-же ошибку: онѣ основываютъ позитивное право на постулатѣ, который стоитъ въ противорѣчіи съ самимъ позитивнымъ правомъ,— онѣ постулируютъ общеобязательность договора, между тѣмъ какъ позитивное право совсѣмъ не знаетъ такой общеобязательности. Позитивное право всегда связываетъ обязательность договора съ исполненіемъ цѣлаго ряда условій. Обще-

---

[1]) См Шершеневичъ. Опредѣленіе понятія о правѣ. 1896 стр. 73 и слѣд. Gumplowicz. Rechtsstaat und Socialismus. 1881, § 9 и др. Ср. Gumplowicz. Allgemeines Staatsrecht, 1897, стр. 370 — 371: «Während das Privatrecht nämlich eine Norm ist, eine Regel, eine Vorschrift zur Beurtheilung bestimmter Handlungen und Verhältnisse der Einzelnen: ist das Staatsrecht der rechtliche Ausdruck thatsächlicher Verhältnisse».

обязательность договора не можетъ быть, слѣдовательно, сама собой предполагаема. Поэтому Бирлингъ хочетъ замѣнить эту теорію теоріей «признанія» (Anerkennung). Основаніе обязательности права, съ его точки зрѣнія, заключается въ признаніи права со стороны тѣхъ, кто долженъ ему подчиняться. Предполагая вполнѣ справедливо, что могутъ возникнуть сомнѣнія на счетъ различія между понятіями признанія и договора, онъ выставляетъ слѣдующіе пункты различія. 1) Договоръ, хотя бы и молчаливый, непремѣнно предполагаетъ сознаніе и свободное волеопредѣленіе участниковъ, признаніе же можетъ быть и безсознательнымъ, и вынужденнымъ. 2) Объектомъ договора считается юридическое отношеніе, право въ субъективномъ смыслѣ; объектомъ признанія являются, наоборотъ, юридическія нормы, слѣд. право въ объективномъ смыслѣ. 3) Договоръ выражаетъ минутное согласіе волей, между тѣмъ какъ признаніе не есть преходящій актъ, а есть длящееся, постоянное отношеніе къ соотвѣтственнымъ юридическимъ нормамъ. *Право существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока оно дѣйствуетъ т. е., пока оно признается* (уважается, принимается, какъ обязательное и т. д.). 4) Въ договорѣ должны быть, по крайней мѣрѣ, двѣ стороны и два различныхъ волеизъявленія — предложеніе и принятіе его; напротивъ, признаніе возможно, какъ вполнѣ односторонній актъ, и внѣшнее выраженіе совсѣмъ не составляетъ его существенной черты [1]).

Гоббесъ, какъ извѣстно, основываетъ обязательность закона на договорѣ. Договоръ этотъ не есть историческій фактъ, но лишь постулатъ, необходимый для объясненія государственнаго порядка. Изъ договора само собой вытекаетъ условіе,

---

[1]) Назв. соч стр. 6—9 и 68—81.

при которомъ становится обязательнымъ каждый отдѣльный законъ: законъ долженъ быть сознанъ, какъ исходящій отъ верховной власти, потому-что граждане обязались другъ передъ другомъ исполнять только велѣнія верховной власти.

Если мы договорную теорію, насколько она выразилась въ ученіи Гоббеса, сопоставимъ съ возраженіями и собственной теоріей Бирлинга, то окажется слѣдующее.

1) Обѣ теоріи сходятся въ томъ, что видятъ условія обязательности закона въ состояніи нашего сознанія. Только то есть право, что сознается нами, какъ право: таковъ внутренній смыслъ обѣихъ теорій. Но Бирлингъ въ корнѣ подрываетъ свою теорію, допуская безсознательное признаніе. Это— очевидное contradictio in adjecto: ни признанія, ни сознанія безсознательнаго быть не можетъ. Въ этомъ отношеніи Гоббесъ поступаетъ гораздо логичнѣе, и если «безсознательное признаніе», какъ терминъ, заключаетъ въ себѣ какую-нибудь правильную мысль, то Гоббесъ выражаетъ ее гораздо лучше. По его мнѣнію, довольно, если законъ хотя одинъ разъ былъ воспринятъ сознаніемъ, какъ исходящій отъ верховной власти; нѣтъ надобности, чтобы эта мысль всегда находилась въ сознаніи, потому-что ее всегда, когда нужно, можно возобновить въ памяти. Очевидно, что этотъ промежутокъ между первымъ актомъ сознанія и воспоминаніемъ и есть то самое, что Бирлингъ хотѣлъ обозначить выраженіемъ «unbewusstes Anerkennen». Но одно сознаніе или признаніе не можетъ достаточно объяснить основаніе обязательности закона. Конечно, законъ дѣйствуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ пользуется признаніемъ со стороны опредѣленной (по своему количеству или составу) группы населенія; только опираясь на это признаніе, государственная власть можетъ примѣнять законъ къ

остальному населенію. Но это уже будетъ чисто фактическое отношеніе—отношеніе властвованія, изъ котораго никакъ не удастся вывести обязательность закона и для тѣхъ, кто не признаетъ его. Это—условіе дѣйствія закона, но не основаніе его обязательности. Въ недавнее время Штаммлеромъ было высказано мнѣніе, что право есть совокупность такихъ правилъ, которыя не требуютъ *никакого* признанія или согласія со стороны тѣхъ, къ кому они примѣняются, и этимъ будтобы именно право отличается отъ «условныхъ правилъ» (Konventionalregel), подъ которыя Штаммлеръ подводитъ правила моды, всевозможные корпоративные обычаи и т. п. [1]). Съ этой точки зрѣнія, вопросъ объ основаніяхъ обязательности закона теряетъ весь свой смыслъ,—онъ становится совершенно ненужнымъ и неумѣстнымъ. Но сама-то теорія Штаммлера едвали можетъ быть принята, потому-что она не согласуется съ установившимся въ наукѣ стремленіемъ проводить различіе между законнымъ правомъ и простымъ актомъ власти. А если держаться общепринятаго взгляда, то теорія признанія, какъ она представлена у Бирлинга и у Гоббеса, неудовлетворительна, потому-что она не объясняетъ самаго главнаго: почему всѣ, независимо отъ того, признаютъ они данный законъ или нѣтъ, должны считать его источникомъ права и, значитъ, руководиться имъ въ своей дѣятельности. Если же сдѣлать изъ нея такой выводъ, что законъ обязателенъ *только* для тѣхъ, кто его признаетъ, а для другихъ онъ вовсе не есть законъ, то мы, очевидно, придемъ въ столкновеніе съ понятіемъ закона, какъ источника общеобязательныхъ нормъ. Но самое главное,—она не объясняетъ обязательности закона

[1]) Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung, 1896, стр. 125 и слѣд.

даже и для тѣхъ, кто его призналъ, ибо изъ признанія, что данный законъ есть актъ верховной власти, совсѣмъ не слѣдуетъ, что его необходимо исполнять.

2) Изъ этого видно, что вопросъ объ основаніи обязательной силы закона сводится—по крайней мѣрѣ, въ теоріи признанія—къ другому вопросу: почему обязательны велѣнія государственной власти? Отвѣтомъ на это служитъ у Гоббеса понятіе государственнаго договора. Уже было замѣчено, что этотъ договоръ онъ понимаетъ, не какъ историческій фактъ образованія государства, а какъ постулатъ, объясняющій его нравственную природу. Съ этой стороны, едвали представляется убѣдительнымъ то возраженіе, которое дѣлаетъ Бирлингъ. Онъ говоритъ, что договорныя теоріи предполагаютъ общеобязательность договора, между тѣмъ какъ ея нѣтъ нигдѣ въ позитивномъ правѣ. Но основывать обязательность позитивнаго права на договорѣ, а договоръ, въ свою очередь, на позитивномъ правѣ, — значило бы строить самый грубый circulus vitiosus. Очевидно, такая конструкція совсѣмъ невозможна, а такъ какъ обязательность договора не разумѣется сама собою т. е. не можетъ быть аналитически выведена изъ понятія договора, то приверженцамъ этой теоріи остается принять обязательность договора за норму права естественнаго. Такъ Гоббесъ и поступаетъ. Соблюденіе договора онъ выставляетъ, какъ одинъ изъ основныхъ законовъ природы. Если подъ естественнымъ правомъ разумѣть право, живущее въ субъективномъ сознаніи и всѣмъ извѣстное по личному опыту, то едвали противъ такой конструкціи можно будетъ сдѣлать много возраженій. Нельзя требовать, чтобы *было доказано,* что существуетъ такая норма естественнаго права, ибо каждый можетъ убѣдиться въ этомъ самъ; а что она

можетъ существовать, это несомнѣнно: уже одна необходимость найти, гдѣ бы то ни было, основаніе обязательности закона и сознаніе невозможности найти его нигдѣ, кромѣ какъ въ договорѣ, можетъ стать достаточной причиной возникновенія мысли объ его обязательности. А эта мысль — dictamen rectae rationis — и есть норма естественнаго права. Нельзя также указывать на то, что обязательность договоровъ сознается сравнительно поздно, на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры, у народовъ же древности это сознаніе почти отсутствуетъ. Если даже это и такъ, то не слѣдуетъ забывать, что вѣдь дѣло идетъ не объ образованіи государственнаго порядка, а исключительно о его объясненіи; это научный вопросъ, и, слѣдовательно, онъ можетъ быть и долженъ быть рѣшаемъ съ точки зрѣнія нашихъ собственныхъ понятій. Показать, какъ его рѣшали въ различныя времена, это уже задача исторіи науки. Можно только поставить въ упрекъ этой конструкціи ея сравнительную сложность: обязательность закона объясняется изъ признанія, достаточность признанія—изъ договора, обязательность договора—изъ естественнаго права. Но этотъ упрекъ не имѣетъ, конечно, большого значенія. Однако, при всемъ томъ, Гоббесова теорія договора, какъ и всякая договорная теорія, не можетъ удовлетворительно отвѣтить на всѣ возраженія, какія накопились за долгій періодъ реакціи противъ естественнаго права [1]). Многія изъ этихъ возраженій остаются въ полной силѣ. Но нельзя упускать изъ виду и того, что вопросъ объ основаніи обязательности закона и совсѣмъ не можетъ быть рѣшенъ въ абсолютной и вполнѣ безспорной

---

[1]) См. Fouillée. La science sociale contemporaine.

формѣ. Какія бы основанія ни приводились въ пользу того, что мы должны подчиняться закону, эти основанія всегда будутъ существовать и имѣть значеніе лишь постольку, поскольку они нами сознаются. А то или иное содержаніе нашего сознанія есть только фактъ, изъ котораго никоимъ образомъ нельзя вывести содержаніе нашего долга; ибо вообще изъ того, что есть, нельзя вывести то, что должно быть. Поэтому-то Кантъ въ свой «Метафизикѣ правовъ» запретилъ подданному разсуждать объ основаніяхъ власти [2]); ибо истинное рѣшеніе этого вопроса найти нельзя, но легко увлечься призракомъ истины и ради него забыть свой непосредственный долгъ.

Нельзя, слѣдовательно, предъявлять къ договорной теоріи Гоббеса слишкомъ высокихъ требованій. Достаточно, если ее можно поставить вровень съ аналогичными теоріями современной науки, и если въ одну изъ этихъ современныхъ теорій, наиболѣе распространенную,—въ теорію Бирлинга—она способна внести существенное добавленіе и поправку.

Что касается обычая, то Гоббесъ не допускаетъ вовсе мысли, чтобы сила его обязательности зависѣла отъ давности. Въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ давности Гоббесъ идетъ въ разрѣзъ со всей юрической литературой, начиная отъ глоссаторовъ вплоть до нашего времени. Количество признаковъ, которыми долженъ обладать юридическій обычай, постоянно измѣнялось, но продолжительность времени (longum tempus, diuturnitas temporis) выставляется всѣми теоретиками. И теперь его отрицаютъ очень немногіе,—въ русской литературѣ проф. Коркуновъ. Но предваряя въ этомъ отношеніи

---

[1]) Metaphysik der Sitten, изд. Кирхмана 1870, стр. 157—158.

нѣкоторыхъ изъ нынѣшнихъ юристовъ, Гоббесъ, въ остальномъ, держится обычныхъ для его времени воззрѣній. Обычай, по его мнѣнію, обязателенъ въ силу молчаливаго согласія суверена и лишь тогда, когда онъ не противорѣчитъ началамъ справедливости. Оба эти основанія давно уже оставлены наукой, и здѣсь нѣтъ надобности поднимать вопросъ, чѣмъ они были замѣнены, и насколько удачной вышла эта замѣна [1]). Но нельзя не замѣтить, что въ системѣ Гоббеса они занимаютъ вполнѣ подобающее имъ мѣсто. Если задача государства—установить миръ въ людскихъ отношеніяхъ и для этого дать обязательныя для всѣхъ правила поведенія, то оно не можетъ относиться вполнѣ равнодушно къ тѣмъ правиламъ, которыя устанавливаются помимо него. Ибо эти правила могутъ идти въ разрѣзъ съ задачами государства и, вмѣсто того, чтобы устанавливать миръ, могутъ стать причиной вражды. Государству принадлежитъ монополія въ установленіи общественнаго порядка, и потому всѣ юридическія нормы могутъ имѣть силу положительнаго права т. е. быть общеобязательными—не иначе, какъ съ его согласія. Гоббесъ подкрѣпляетъ свою мысль тѣмъ простымъ соображеніемъ, что государственная власть можетъ въ любой моментъ издать законъ, противорѣчащій данному обычаю и потому отмѣняющій его; значитъ, обычай существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока этого хочетъ, пока это терпитъ законодатель. А это значитъ, что обычай держится лишь согласіемъ государственной власти. Это соображеніе многіе изъ современныхъ теоретиковъ могли бы, конечно, подорвать, указавъ на то, что,

---

[1]) Ср., впрочемъ, вопросъ объ обязательности обычая въ силу постановленій закона. Ср. также Bierling. Juristische Principienlehre Bd. II, 1898, стр. 319 и др.

какъ законъ отмѣняетъ обычай, такъ и обычай отмѣняетъ законъ. Но вопросъ о дерогирующей силѣ обычая едвали можетъ почитаться рѣшеннымъ. Къ сожалѣнію, Гоббесъ на немъ совсѣмъ не останавливается. Изъ современной же постановки его мы видимъ совершенно ясно, что рѣшеніе его еще очень далеко, потому-что никому еще, кажется, не удалось провести грань между противорѣчащимъ закону обычаемъ и систематическимъ нарушеніемъ закона. Но, конечно, никто не согласится признать, что такое нарушеніе закона, какъ бы оно ни было продолжительнымъ и распространеннымъ, можетъ отмѣнить законъ. Въ этомъ отношеніи, для всѣхъ тѣхъ, кто признаетъ за обычаемъ отмѣняющую силу, можетъ служить нѣкоторымъ, хотя и во многомъ несовершеннымъ, критеріемъ другой признакъ, выставляемый Гоббесомъ: только то есть обычай, что выражаетъ въ себѣ начала справедливости.

Законъ и обычай суть источники положительнаго права. Хотя источникъ естественнаго права есть разумъ, субъективное правосознаніе, но Гоббесъ считаетъ единственнымъ источникомъ познанія естественнаго права, поскольку оно дѣйствуетъ въ государствѣ, судебную практику. Онъ отрицаетъ это значеніе и за философіей, и за наукой права, потому-что онъ ставитъ вопросъ о томъ, насколько естественное право имѣетъ силу права положительнаго т. е., насколько оно общеобязательно, и въ этомъ-то отношеніи онъ допускаетъ естественное право лишь въ той мѣрѣ, какъ оно примѣняется въ судахъ. Ученіе Гоббеса о приложеніи и толкованіи права сводится къ слѣдующему. Всякій законъ, какъ бы онъ ни былъ точно и полно изложенъ, нуждается въ толкованіи, задача котораго—найти смыслъ закона. Къ этому направлены ком-

ментаріи юристовъ; но они ни для кого не обязательны, и судъ при постановленіи рѣшенія ими не связанъ. Онъ толкуетъ законъ, какъ онъ его самъ понимаетъ, и только его пониманіе закона имѣетъ дѣйствіе и для всѣхъ обязательно. Безъ толкованія невозможно пониманіе закона, а слѣдовательно, и его исполненіе; Гоббесъ, очевидно, не имѣетъ вовсе въ виду сказать, что отдѣльныя лица не могутъ толковать законъ,— это было бы грубымъ отрицаніемъ факта — онъ указываетъ лишь на то, что это толкованіе ни для кого не обязательно. Такое отношеніе къ доктринальному толкованію не составляетъ чего-нибудь характернаго для Гоббеса, потому-что оно принимается безусловно всѣми. У него же оно вытекаетъ изъ той мысли, что законъ обязателенъ, какъ велѣніе государственной власти, а если придать обязательность каждому субъективному толкованію, то обязательность закона сама собой рушится. Поэтому единственно то толкованіе, которое исходитъ отъ верховной власти или отъ дѣйствующаго ея именемъ суда, можетъ претендовать на всеобщее признаніе. Здѣсь Гоббесъ сводитъ къ одной категоріи и легальное толкованіе законодателя, и доктринальное толкованіе судьи: то и другое онъ понимаетъ одинаково, какъ толкованіе автентическое. Конечно, съ такой классификаціей согласиться трудно, но Гоббесъ имѣлъ здѣсь, вѣроятно, въ виду не только противоположеніе частныхъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ, и государственныхъ учрежденій, дѣйствующихъ въ интересахъ законности, но также и то, что лишь судебное рѣшеніе имѣетъ силу и для субъектовъ даннаго правоотношенія, и для всѣхъ прочихъ лицъ.

Гораздо сложнѣе вопросъ о приложеніи закона, когда въ немъ оказывается неясность или неполнота. Прежде всего:

существуетъ-ли въ законѣ неполнота? Этотъ вопросъ, который Гоббесъ безъ дальнихъ околичностей рѣшаетъ въ утвердительномъ смыслѣ, служитъ до сихъ поръ предметомъ самыхъ жаркихъ споровъ. Они происходятъ оттого, что обыкновенно смѣшиваютъ при этомъ право съ его источникомъ и то, что есть, съ тѣмъ, что нужно признавать по соображеніямъ политики. Вотъ что говоритъ объ этомъ Регельсбергеръ: «Въ огромномъ запасѣ положеній, установленныхъ обычнымъ правомъ и закономъ, едвали найдется одно, подъ общія требованія котораго подошли бы вполнѣ всѣ особенныя фактическія условія даннаго, подлежащаго обсужденію, случая. И это понятно. Одна попытка обнять существующія отношенія въ ихъ совокупности параграфами закона была бы столь же тщетна, какъ и ошибочна: судебная дѣятельность пробивалась бы всюду черезъ установленныя предписанія права. Насколько же менѣе можетъ законодатель предвидѣть всѣ измѣненія въ практической жизни! Онъ не можетъ даже облечь тотчасъ каждое вновь появляющееся отношеніе въ соотвѣтствующую ему юридическую форму; онъ слѣдуетъ за событіями, едва ихъ нагоняя. Въ этомъ смыслѣ, въ правѣ существуютъ, несомнѣнно, пробѣлы» [1]) Существуютъ, слѣдовательно, по мнѣнію Регельсбергера, такіе случаи и вопросы, для которыхъ не найдется отвѣта ни въ одномъ отдѣльномъ законѣ или ни въ одной статьѣ закона. Этого мнѣнія держится большинство, какъ старыхъ, такъ и новыхъ юристовъ [2]). Не признаетъ его только Бергбомъ. Съ его точки зрѣнія, если данный вопросъ не пред-

[1]) Общее ученіе о правѣ, русск. пер. 1897. стр. 163.

[2]) См. напр. Savigny. System des heutigen romischen Rechts, 1840, т. I, стр. 290; Arnts. Juristische Encyklopadie und Methodologie, 1887, § 38; Виндшейдъ. Учебникъ пандектнаго права, русск. пер. 1874, стр. 54, и др.

усмотрѣнъ закономъ, это не есть вовсе вопросъ юридическій [1]). Но такая точка зрѣнія не можетъ быть принята. Конечно, законъ и *не долженъ* отвѣчать на всѣ вопросы, какіе только можно придумать; если я, напримѣръ, спрашиваю, ѣхать-ли мнѣ сегодня въ собраніе, или: что лучше,—дать-ли нищему денегъ или накормить его, —то, само собою разумѣется, это вопросы неюридическіе, и хотя ни одинъ законъ не даетъ на нихъ отвѣта, но мы не можемъ, по этому поводу, говорить о пробѣлахъ въ законѣ, потому-что законъ вовсе не имѣетъ своей задачей отвѣчать на подобные вопросы. Но если я придамъ этимъ вопросамъ нѣсколько иную форму, если я спрошу: имѣю-ли я *право* ѣхать въ собраніе, имѣю-ли я *право* подать нищему,—то это уже будутъ, несомнѣнно, вопросы юридическіе, ибо въ нихъ рѣчь идетъ о правѣ. Сторонникъ Бергбома отвѣтилъ бы на это, вѣроятно, извѣстнымъ афоризмомъ: все, не запрещенное закономъ, дозволено, слѣдовательно, если на мнѣ не лежитъ никакихъ спеціальныхъ запрещеній, напр. если я не нахожусь подъ арестомъ или подъ опекой, я могу идти, куда хочу, и тратить свое имущество, на что мнѣ хочется,—значитъ, могу ѣхать въ собраніе и подать нищему милостыню. Съ этой точки зрѣнія никакого пробѣла въ законѣ и нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что юридическіе вопросы касаются не только того, что дозволено и недозволено, но также возникновенія и прекращенія правъ, и ихъ содержанія и объема. Въ такихъ случаяхъ указанный отвѣтъ не будетъ имѣть никакого смысла. Если я, напримѣръ, заключаю сдѣлку по телефону и желаю знать, получилъ-ли я право требованія, отвѣтивъ черезъ сутки послѣ полученія предло-

[1]) Jurisprudenz und Rechtsphilosophie, стр. 372 и слѣд.

женія, а устарѣвшій законъ ничего не знаетъ о сдѣлкахъ по телефону, то очевидно, нельзя сказать, что этотъ вопросъ лежитъ внѣ сферы права, что это «rechtsleerer Raum»; еще менѣе можно удовлетворить меня тѣмъ, что все не запрещенное дозволено. Въ этомъ случаѣ и въ тысячѣ подобныхъ ему можно, очевидно, утверждать, что въ законахъ есть пробѣлъ.

Теперь спрашивается: чѣмъ и какъ восполняется этотъ пробѣлъ? Въ этомъ отношеніи Гоббесъ держится взглядовъ, которые далеко отступаютъ отъ обычной въ настоящее время теоріи. По мнѣнію Гоббеса, въ случаѣ недостатка закона судья долженъ рѣшить дѣло по справедливости, на основаніи закона природы. По мнѣнію же господствующей теоріи, рѣшеніе должно быть получено непремѣнно изъ положительнаго права, т. е. судья долженъ изъ отдѣльныхъ правоположеній построить логически правильную систему права и изъ нея вывести (дедуцировать) положеніе, разрѣшающее данный вопросъ подобно тому, какъ сходные съ этимъ вопросы разрѣшаются существующими нормами. Это называется рѣшеніемъ дѣла по аналогіи [1]). Къ этой же цѣли ведетъ и распространительное толкованіе закона, которое отправляется отъ предположенія, что видовое понятіе въ текстѣ закона не соотвѣтствуетъ мысли

---

[1]) См. Savigny I, стр. 291 и слѣд.; Виндшейдъ, стр. 54, Arndts, стр. 19; Регельсбергеръ, стр. 164 и слѣд.; Merkel. Juristische Encyclopadie 1885, §§ 105 и 106. Иного мнѣнія держатся: Adickes. Zur Lehre von den Rechtsquellen 1872, стр. 9 и др.; Reuterskiold. Ueber Rechtsauslegung 1899, стр. 70—71, гдѣ допускается возможность случаевъ, когда «das anzuwendende Recht noch nicht objectivirt worden ist, sondern erst durch sie zum Ausdruck gelangt». — Я опускаю здѣсь вопросъ о различномъ отношеніи къ аналогіи въ судѣ гражданскомъ и уголовномъ, потому-что о немъ нѣтъ ничего у Гоббеса; въ общемъ, почти всѣ повторяютъ въ этомъ пунктѣ мнѣніе Порталиса. См. Portalis. Discours, rapports et travaux inédits sur le code civil, 1844, стр. 318.

законодателя, ибо онъ хотѣлъ высказаться и о другихъ видахъ того же рода [1]).

На сторонѣ теоріи Гоббеса большое преимущество: ея простота. Если въ положительномъ правѣ не находится нормы, соотвѣтствующей данному случаю, нужно дополнить положительное право правомъ естественнымъ т. е. правомъ, «живущимъ въ субъективномъ сознаніи» и, можетъ быть, пользующимся уваженіемъ и со стороны другихъ. Во второмъ случаѣ судьѣ приходится продѣлывать сложную работу индуктивнаго построенія общихъ началъ права изъ отдѣльныхъ правоположеній и выведенія изъ этихъ началъ, путемъ дедукціи, такой юридической нормы, которая разрѣшала бы данный вопросъ. Но это не такъ важно. Гораздо важнѣе, что вся эта сложная работа не имѣетъ подъ собой никакой твердой опоры. Требовать построенія логически цѣльной системы права можно, конечно, только въ томъ случаѣ, если предположить, что система законодательства уже заключаетъ въ себѣ implicite эту систему, и что отдѣльные законы и заключающіяся въ нихъ нормы суть логическіе выводы изъ твердо установленныхъ принциповъ, или началъ, которыхъ неукоснительно держался законодатель при изданіи всѣхъ отдѣльныхъ положеній. Отказаться отъ этого предположенія и все-таки требовать логически стройной системы права—значитъ навя-

---

[1]) «Аналогія имѣетъ несомнѣнное сходство съ распространительнымъ толкованіемъ Подобно послѣднему, она добываетъ изъ установленныхъ предписаній юридическій матеріалъ, идущій далѣе словеснаго смысла этихъ предписаній. Однако, исходныя точки тамъ и здѣсь различны..... Распространительное толкованіе переступаетъ только за букву, а аналогія — за волю законодателя. Поэтому аналогія есть примѣненіе, а не толкованіе законовъ». Регельсбергеръ, стр. 170. Литературныя указанія по вопросу о сходствѣ и различіи между аналогіей и распространительнымъ толкованіемъ см. у Рейтерскіельда, стр. 36 и слѣд.

зывать законодателю чужія мысли; если законодатель не руководствовался никакими опредѣленными принципами, или если изъ этихъ принциповъ онъ не всегда дѣлалъ логическіе выводы, то совершенно ясно, что тѣ принципы, которые *мы* можемъ получить изъ отдѣльныхъ правоположеній, и тѣ новыя нормы, которыя изъ нихъ будутъ вытекать, нельзя считать принципами и нормами даннаго положительнаго права. Между тѣмъ указанное предположеніе есть чистѣйшая фикція. Законодательство любой страны и въ любую эпоху представляетъ изъ себя всегда совокупность положеній, соединенныхъ почти исключительно одною внѣшнею связью, ибо они изданы въ разное время, при различныхъ обстоятельствахъ, разными законодателями, при участіи разныхъ людей, державшихся разныхъ міросозерцаній. Конечно, во всякой странѣ, у всякаго народа есть свои традиціи, свои исторически сложившіеся, болѣе или менѣе общіе и опредѣленные взгляды на главнѣйшіе вопросы жизни; но законодатель не всегда слѣдуетъ этимъ традиціямъ, очень часто идетъ онъ сознательно путемъ реформы, и, строго говоря, каждый новый законъ, издаваемый въ отмѣну стараго, есть уже реформа. Даже тогда, когда сохраняются старыя традиціи, пониманіе этихъ традицій не можетъ быть одинаковымъ, ибо оно находится въ зависимости отъ идей, господствующихъ въ данное время. Въ силу этихъ-то условій законодательной дѣятельности, только случайно можетъ оказаться въ системѣ законодательства какая-нибудь одна идея, опредѣляющая собою содержаніе и взаимоотношеніе его отдѣльныхъ частей. Еще менѣе можно ожидать отъ законодателя логически послѣдовательнаго проведенія той или иной идеи. Не говоря уже о томъ, что весьма часто приходится намѣренно отступать передъ логическими выводами, ради непосредственныхъ запросовъ

жизни, которая далеко не совпадаетъ съ логикой,—еще чаще законодатель дѣлаетъ логическія ошибки противъ своей воли. Не только въ цѣломъ законодательствѣ, но и въ отдѣльномъ законодательномъ актѣ, сколько-нибудь обширномъ, всегда встрѣчается множество противорѣчій; примиреніе ихъ составляетъ одну изъ главныхъ задачъ толкованія.

Отсюда совершенно ясно, что построенная изъ отдѣльныхъ законоположеній логически цѣльная система права, изъ которой, затѣмъ, выводится *по аналогіи* рѣшеніе для спорнаго вопроса, въ большинствѣ случаевъ (или даже никогда) не можетъ быть признана системой даннаго положительнаго права. Опредѣлить, какъ рѣшилъ бы законодатель тотъ или иной спорный вопросъ, еслибъ онъ его предвидѣлъ, мы не въ состояніи, такъ какъ у насъ нѣтъ для этого никакихъ данныхъ.

Не смотря, однако, на то, что господствующая теорія игнорируетъ такіе очевидные факты и простыя соображенія, нужно все-таки ей отдать преимущество передъ теоріей Гоббеса. Если бы естественное право представляло изъ себя, дѣйствительно, собраніе вѣчныхъ и неизмѣнныхъ нормъ, то примѣненіе его въ тѣхъ случаяхъ, когда въ положительномъ правѣ оказываются пробѣлы, не заключало бы въ себѣ ничего неправильнаго. Было бы, напротивъ, вполнѣ естественно и логично, въ случаѣ молчанія измѣнчиваго національнаго права, обращаться къ неизмѣнному общечеловѣческому праву. Но мы уже видѣли, что въ признаніи естественнаго права «вѣчнымъ и неизмѣннымъ» Гоббесъ дѣлаетъ ошибку. Естественное право не только не неизмѣнно, но оно гораздо измѣнчивѣе и подвижнѣе положительнаго права, оно измѣняется не только во времени, но и по лицамъ. Допустить въ принципѣ примѣненіе естественнаго права т. е. разрѣшеніе на основа-

ніи его спорныхъ вопросовъ, приносимыхъ на судъ, значило бы, поэтому, допустить въ принципѣ разрѣшеніе вопросовъ по личному усмотрѣнію судьи,—это значило бы санкціонировать такое усмотрѣніе и сдѣлать его для всѣхъ обязательнымъ. Этимъ нанесенъ былъ бы рѣшительный ударъ принципу законности. Само положительное право стало бы совершенно ненужнымъ, потому-что было бы уже все равно, разрѣшать-ли всѣ спорные вопросы на основаніи личнаго усмотрѣнія или только нѣкоторые. Дѣятельность государства свелась бы тогда до минимума, и цѣли, которыя оно преслѣдуетъ, оказались бы неосуществимыми. Да и право вообще, всякое право, поскольку оно ставитъ своей задачей внести миръ и порядокъ въ общественныя отношенія, потеряло бы свой смыслъ, потому-что оно явилось бы причиной величайшаго безпорядка; оно признавало бы одинаково правильными различныя и даже противоположныя рѣшенія одного и того же вопроса однимъ и тѣмъ же оффиціальнымъ органомъ.

Ради высокаго и великаго принципа законности, который одинъ только способенъ вселить въ людяхъ уваженіе къ юридическому порядку, необходимо, слѣдовательно, постулировать логическую цѣльность положительнаго права. Это не есть аксіома или теорема, которая такъ или иначе могла бы быть доказана, но именно *постулатъ* т. е. требованіе, обращаемое нами къ системѣ законодательства, и долженствующее быть руководящимъ началомъ нашей дѣятельности примѣненія закона. Этотъ постулатъ необходимъ не только потому, что даетъ возможность объяснить наше отношеніе къ положительному праву, но еще и по другимъ основаніямъ. Съ одной стороны, онъ долженъ заставить законодателя относиться болѣе внимательно и осторожно къ своей работѣ и стремиться до-

стигнуть дѣйствительно той логичности, которой отъ него ожидаютъ; съ другой стороны, онъ долженъ явиться лишнимъ стимуломъ для возможно болѣе добросовѣстной дѣятельности всякаго, обязаннаго примѣнять законъ и въ силу этой обязанности принужденнаго говорить даже тогда, когда самъ законъ молчитъ.

Въ этомъ-то смыслѣ и въ виду этихъ соображеній слѣдуетъ отдать преимущество господствующей теперь теоріи. Но при всемъ томъ и теорія Гоббеса не теряетъ своего значенія. Она указываетъ на психологическую подкладку судебной дѣятельности. Ибо судья, даже самый добросовѣстный, не можетъ при примѣненіи закона, въ случаяхъ его неполноты и недостатка, отказаться вовсе отъ своихъ личныхъ воззрѣній на право, и потому рѣшеніе по аналогіи очень часто является рѣшеніемъ, продиктованнымъ тѣми или другими нормами естественнаго права. Особенно легкій доступъ въ судебную практику получаетъ право, выработавшееся подъ вліяніемъ науки [1]). Только оно можетъ дать опору для ограничительнаго и распространительнаго толкованія. Потому-то очень многіе считаютъ судебную практику самостоятельнымъ источникомъ права.

Такимъ образомъ, главное основаніе, почему теорія Гоббеса не можетъ быть принята цѣликомъ, это—указанная уже ошибка ея: признаніе естественнаго права вѣчнымъ и неизмѣннымъ. Поэтому-же представляется страннымъ и необоснованнымъ его утвержденіе, что все положительное право есть только развитіе и дополненіе права естественнаго. Между тѣмъ, и здѣсь скрывается крупное зерно истины. Всякое право

---

[1]) См. Регельсбергеръ, стр. 86, Portalis l. c. и др.

прежде, чѣмъ стать положительнымъ правомъ, должно находиться въ сознаніи отдѣльныхъ личностей — просто, какъ мысль о должномъ. Еще относительно закона можно, дѣйствительно, спорить, предшествуетъ-ли его изданію существованіе права, которое потомъ облекается въ форму закона, или одна только мысль о необходимости изданія закона, которая не можетъ быть подведена подъ понятіе права. Но что касается обычая, то едвали не всѣ согласны, что уже до его возникновенія должна существовать норма, именно какъ норма, и, притомъ, какъ юридическая норма. Такое дѣйствіе нормы есть необходимое условіе образованія обычая [1]). «Положеніе обычнаго права возникаетъ, когда въ извѣстныхъ жизненныхъ отношеніяхъ въ теченіе продолжительнаго времени и однообразно примѣняется какая-либо норма съ такимъ убѣжденіемъ въ ея юридической силѣ, что это убѣжденіе становится господствующимъ». [2]) Таково мнѣніе современной науки.

Остается еще одинъ вопросъ. Насколько правильно и научно мнѣніе Гоббеса о необходимости религіозной санкціи для естественнаго права? Но на этомъ вопросѣ нѣтъ вовсе надобности останавливаться. Уже много разъ указывалось на то, что основаніе обязательности нормы не можетъ быть найдено въ причинѣ, обусловливающей ея происхожденіе и существованіе, и что это основаніе вообще не можетъ быть установлено строго-научнымъ путемъ. Начиная съ Канта, эта мысль все больше и больше входитъ въ сознаніе людей науки, и теперь почти всѣ моралисты признаютъ, что высшее основаніе обязательности этическихъ правилъ можетъ заключаться только

---

[1]) Коркуновъ, назв. соч. изд. 2-ое стр. 263.
[2]) Регельсбергеръ, стр. 63.

въ вѣрѣ [1]). Поэтому и ученіе Гоббеса въ этомъ пунктѣ можетъ быть принято въ полной его неприкосновенности.

11.

Успѣшность изслѣдованія и цѣнность добытыхъ результатовъ въ значительной степени зависятъ отъ правильности методовъ. Но нельзя, конечно, сказать, что въ научной работѣ рѣшительно все зависитъ отъ метода. Еще недостаточно выбрать надлежащій методъ, нужно остаться ему вѣрнымъ отъ начала до конца своей работы, нужно провести его строго логически, ни на шагъ отъ него не отступая. А между тѣмъ никакой изслѣдователь не можетъ избѣжать увлеченія содержаніемъ своей работы, и заботы о методѣ очень часто отступаютъ на второй планъ; если бы передъ каждой отдѣльной мыслью, передъ каждымъ сужденіемъ, какія приходятъ на умъ по ассоціаціи, останавливаться и провѣрять, насколько онѣ допустимы въ данномъ мѣстѣ, не представляютъ-ли онѣ изъ себя отступленія отъ правильнаго пути, то не только работа потеряла бы много съ внѣшней стороны, потеряла бы способность увлекать читателя, но она оказалась бы и совсѣмъ невыполнимой, потому-что на сцену выступали бы постоянно новыя ассоціаціи, и отъ нихъ невозможно было бы вернуться къ тѣмъ, которыми обусловливается содержаніе изслѣдованія. Поэтому, въ силу психологическихъ условій умственной работы,

---

[1]) Вмѣсто многочисленныхъ цитатъ достаточно назвать два-три имени. См. Simmel. Einleitung in die Moralwissenschaft Bd. I, стр. 1 — 84; Bierling. Zur Kritik Bd. I. стр. 31; Вундтъ. Этика, русск. пер. 1887, т. I, стр. 110—113 и др; В. Соловьевъ. Безусловное начало нравственности. Вопр. филос. и психол. 1895 г. кн. 5. А. Введенскій. О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію. М. 1894, гл. III.

каждый изслѣдователь поневолѣ долженъ многое оставлять съ формальной стороны непровѣреннымъ. Но исторія науки, въ то же время, показываетъ намъ, что въ тѣ эпохи, когда методологія совсѣмъ еще не была разработана, отдѣльные изслѣдователи, не отдавая себѣ яснаго отчета въ методѣ, которому они слѣдуютъ, и даже идя по завѣдомо ложному пути, приходили случайно къ правильнымъ выводамъ. Слѣдовательно, между пріемами изслѣдованія и самымъ изслѣдованіемъ нѣтъ такой тѣсной связи, чтобы первые цѣликомъ опредѣляли собой достоинство второго. А отсюда получается возможность оцѣнивать правильность методовъ любого изслѣдованія, независимо отъ того, признается-ли содержаніе его удовлетворительнымъ или нѣтъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если въ томъ или другомъ случаѣ оцѣнка содержанія теоріи не совпадетъ съ оцѣнкой ея методовъ.

Оцѣнка пріемовъ, которыми пользуется Гоббесъ въ своей государственной и правовой теоріи, значительно затрудняется тѣмъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ юридической методологіи, а слѣдовательно, нѣтъ и руководящей точки зрѣнія для такой оцѣнки. Поэтому необходимость заставляетъ ограничиться въ этомъ отношеніи отдѣльными замѣчаніями.

Большинство, можно сказать,—даже всѣ, кто только писалъ о Гоббесѣ, утверждали, что его изслѣдованіе построено по дедуктивному методу. Милль, разсматривая различные методы, принятые въ общественныхъ наукахъ, и характеризуя дедуктивный методъ, какъ геометрическій, указываетъ даже на Гоббеса, какъ на образцоваго въ этомъ отношеніи писателя. «Прежде всего, говоритъ онъ, мы можемъ указать на мыслителей, ставящихъ основной посылкой своей политической философіи, что управленіе основано на *страхѣ*: что боязнь

другъ друга есть естественное побужденіе, приведшее нѣкогда людей въ общественное состояніе и до сихъ поръ держащее въ немъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ изслѣдователей, особенно Гоббесъ, прямо принимали это положеніе за основаніе своего ученія, пытаясь построить на немъ всю политическую философію. Правда, Гоббесъ нашелъ этотъ одинъ принципъ недостаточнымъ для разработки всего своего предмета и былъ вынужденъ дополнить его двойнымъ софизмомъ первоначальнаго договора. Я называю этотъ договоръ «двойнымъ софизмомъ» потому, что, во-первыхъ, въ этой теоріи вымыселъ выдается за фактъ, а во-вторыхъ, потому-что здѣсь за основу теоріи берется практическій принципъ или правило (а это есть petitio principii). Въ самомъ дѣлѣ (какъ мы замѣтили, говоря объ этомъ заблужденіи), всякое правило поведенія, даже если оно столь же обязательно, какъ соблюденіе обѣщанія, должно основываться на теоріи вопроса, такъ что, слѣдовательно, теорія эта не можетъ сама на немъ основываться». Вотъ что говоритъ о методѣ Гоббеса Милль [1]).

Въ этихъ словахъ заключено нѣсколько недоразумѣній. Несомнѣнно, что, если изъ какихъ-нибудь принциповъ авторъ путемъ дедукціи дѣлаетъ выводы о причинахъ какого-нибудь общественнаго явленія, мы всегда можемъ сомнѣваться въ правильности изслѣдованія, хотя бы оно было ведено вполнѣ послѣдовательно и логично; мы можемъ сомнѣваться, потому-что у насъ нѣтъ твердой увѣренности, что за основаніе для выводовъ взяты тѣ самые принципы, какіе нужно было взять, и что они взяты въ надлежащемъ количествѣ, а съ другой стороны, у насъ нѣтъ возможности эмпирическимъ путемъ провѣрить результаты изслѣ-

[1]) Система Логики, русск. пер. М. 1899, стр. 718.

дованія. Но когда изслѣдованіе имѣетъ своей цѣлью выяснить внутреннюю сущность, природу какого-нибудь явленія, и для этого берется тотъ или другой принципъ, провѣрка результатовъ оказывается чрезвычайно простою; въ этомъ случаѣ нѣтъ вовсе надобности спрашивать, выбраны-ли надлежащіе принципы,—достаточно прослѣдить логичность выводовъ и посмотрѣть, насколько эти выводы согласуются съ наблюденіемъ: если согласіе окажется, то ясно, что принципы и сами по себѣ вѣрны, и вполнѣ пригодны для объясненія даннаго явленія. Это—способъ провѣрки, которымъ легко можетъ пользоваться всякій, кто интересуется чужимъ изслѣдованіемъ. Но самъ изслѣдователь находится въ совершенно другомъ положеніи. Если мы поднимемъ вопросъ, откуда взяты тѣ принципы, съ которыхъ началась дедукція, то мы получимъ очень простой отвѣтъ: они представляютъ изъ себя результатъ предшествующаго изслѣдованія. Нельзя представлять себѣ, что авторъ произвольно выбираетъ основаніе для дедукціи,—къ нему приводитъ его само изслѣдованіе. Стремясь опредѣлить природу явленія, онъ не можетъ довольствоваться тѣмъ, что даетъ ему простое наблюденіе, онъ долженъ обсудить наблюдаемые факты, и въ этомъ процессѣ умозаключенія онъ, естественно, пойдетъ путемъ анализа, выясняя взаимное отношеніе наблюдаемыхъ фактовъ и разлагая сложныя явленія на болѣе простыя; въ результатѣ, онъ придетъ къ такому факту или къ такимъ фактамъ, которыми, по его мнѣнію, опредѣляется, а слѣдовательно, и можетъ быть объяснено то сложное явленіе, которое онъ изучаетъ. Но у него нѣтъ еще увѣренности, что анализъ проведенъ правильно, что онъ не сдѣлалъ никакой ошибки въ умозаключеніи. Чтобъ получить эту увѣренность, ему слѣдуетъ, подобно тому, какъ въ ариѳметикѣ вы-

читаніе повѣряется сложеніемъ, а дѣленіе—умноженіемъ, повѣрить произведенный анализъ обратнымъ логическимъ процессомъ; если анализъ сдѣланъ правильно, то выводы изъ тѣхъ фактовъ, къ которымъ онъ привелъ, должны непремѣнно дать то самое сложное явленіе, съ котораго начался анализъ. Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію Милля [1]), не только дедуктивный процессъ можетъ быть повѣряемъ спеціальнымъ опытомъ, но и на-оборотъ: опытъ (въ широкомъ смыслѣ) можетъ быть повѣряемъ дедукціей. Но таково взаимное отношеніе опыта и дедукціи только съ точки зрѣнія самого изслѣдователя, для его читателей это отношеніе представляется въ обратномъ видѣ, ибо предлагаемую имъ дедукцію они могутъ провѣрить только посредствомъ опыта. Отсюда видно, что методъ изложенія добытыхъ результатовъ и доказательства открытыхъ истинъ не есть нѣчто безразличное: онъ имѣетъ не меньше значенія, чѣмъ методъ открытія истины.

Эти соображенія необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ логическихъ пріемовъ, которыми пользуется въ своемъ изслѣдованіи Гоббесъ, а равно и того, что говоритъ о немъ Милль. Насколько у насъ есть данныхъ судить объ этомъ, Гоббесъ пользовался въ своемъ изслѣдованіи не геометрическимъ методомъ, а наблюденіемъ и анализомъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью выяснить существо закона, quid sint leges, и для этого обратился, прежде всего, къ тому, что даетъ непосредственное наблюденіе окружающей жизни. Цѣлый рядъ послѣдовательно связанныхъ между собою вопросовъ выдвинуло передъ нимъ это наблюденіе. Вся дѣятельность человѣка регулируется издан-

---

[1]) Система Логики кн. III, гл. XI.

нымъ государственною властью закономъ. Почему же всѣ повинуются этому закону или, по крайней мѣрѣ, считаютъ нужнымъ повиноваться ему? Потому именно, что онъ исходитъ отъ верховной власти. Но вѣдь верховная власть слабѣе подданныхъ, значитъ—не физической силой обусловливается обязательность велѣній власти, а силой духовной; въ чемъ же эта сила? Эта сила есть не что иное, какъ сознаніе обязательности велѣній, издаваемыхъ властью. А это сознаніе—откуда берется оно? Такъ какъ одного индивидуальнаго сознанія недостаточно для общеобязательности закона, то нужно допустить, что въ основѣ этого сознанія лежитъ соглашеніе, договоръ. Это понятно; но развѣ обязательность исполненія договора мыслится уже сама собою? Очевидно, нѣтъ; слѣдовательно, должна существовать норма, требующая исполненія договоровъ. Но норма эта не можетъ, конечно, заключаться въ государственномъ законѣ; тогда мы вернулись бы опять къ первому вопросу: почему обязателенъ государственный законъ? Слѣдовательно, кромѣ государственнаго закона, существуетъ другой источникъ правилъ поведенія; но эти правила не могутъ основываться на договорѣ—по той же самой причинѣ, почему договоръ не можетъ основываться на государственномъ законѣ. Значитъ, эти правила коренятся въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя силою вещей поставлено субъективное сознаніе; а эти условія, въ послѣднемъ анализѣ, суть свойства человѣческой природы.

Такова, если судить по собственнымъ словамъ Гоббеса, должна была, приблизительно, быть руководящая нить его изслѣдованія [1]). Конечно, съ этой нитью переплетались и другія проблемы: вопросы о государствѣ, о религіи, нако-

[1] Ср. порядокъ изслѣдованія, очень похожій на только-что описанный, у Руссо въ Contrat Social. См. особенно первыя пять главъ первой книги.

нецъ,—различные политическіе и церковные вопросы. Эти вопросы въ высшей степени осложняли изслѣдованіе и, можетъ быть, очень часто заставляли отступать отъ прямого пути. Но, въ общемъ, оно заключалось все-таки въ обсужденіи данныхъ опыта съ цѣлью отыскать тѣ начала, которыми можно было бы объяснить сложное явленіе государственнаго порядка и отвѣтить на указанные выше вопросы. Нельзя утверждать, что Гоббесъ избралъ синтетическій методъ изложенія именно для того, чтобы провѣрить свое изслѣдованіе; можетъ быть, онъ сдѣлалъ это въ видахъ общедоступности своей теоріи, или просто—слѣдуя традиціи. Но, во всякомъ случаѣ, его порядокъ изложенія не совпадаетъ съ методомъ изслѣдованія, и, поскольку этотъ послѣдній основывается на наблюденіи, онъ есть единственно правильный и признанный правильнымъ методъ изученія явленій общественной жизни. Въ очень многихъ пунктахъ онъ совпадаетъ съ тѣмъ методомъ, который рекомендуетъ Милль, и только недостаточное проникновеніе въ логику теоріи Гоббеса заставило Милля отнести его къ числу послѣдователей геометрическаго метода. Что же касается того, что Гоббесъ, введя въ свою теорію государственный договоръ, допустилъ petitio principii, то этотъ упрекъ Милля едвали можетъ быть признанъ справедливымъ. По мнѣнію Милля, здѣсь теорія вопроса объясняется практическимъ правиломъ (исполненія договора), тогда какъ слѣдуетъ, на-оборотъ, практическія правила основывать на теоріи. Но дѣло въ томъ, что Гоббесъ вовсе не выставляетъ никакого практическаго правила, никакой нравственной заповѣди: онъ объясняетъ только фактъ общеобязательности велѣній верховной власти другимъ фактомъ—нормой естественнаго закона. Онъ не говоритъ, что нужно исполнять

договоры, но онъ утверждаетъ только, что исполненіе договоровъ есть одна изъ нормъ, возникающихъ въ человѣческомъ сознаніи до установленія государственнаго порядка. И онъ даже не отказывается отъ теоретическаго объясненія этого факта, онъ старается показать необходимость этого правила изъ условій, въ которыхъ неизбѣжно находится наше сознаніе. А условія эти онъ не смѣшиваетъ съ логическими требованіями, которымъ должна удовлетворять каждая мысль, чтобы быть правильной, и стремится выяснить не только эти психическія условія, но и логическія основанія обязательности этого правила. Такимъ образомъ, Гоббесъ вполнѣ удовлетворяетъ тому требованію, которое выставляетъ Милль: практическое правило онъ объясняетъ съ точки зрѣнія его теоретическихъ основаній.

Въ нѣкоторой связи съ этимъ стоитъ и другое возраженіе, которое опредѣляетъ методъ Гоббеса, какъ антитезъ историческаго метода [1]). Одни указываютъ, при этомъ, что Гоббесъ, поднимая историческіе вопросы о возникновеніи права и государства, разрѣшалъ ихъ вопреки всѣмъ даннымъ исторіи, потому-что допускалъ предположенія, явно противорѣчащія общеизвѣстнымъ фактамъ, и очень часто изслѣдованіе историческихъ фактовъ замѣнялъ анализомъ соотвѣтствующихъ понятій. Другіе признаютъ, что онъ совсѣмъ отвергъ историческіе вопросы, что онъ занимался не происхожденіемъ государства, а изученіемъ его строя и внутренней природы, его отношеніемъ къ свойствамъ и потребностямъ человѣка. Мы видѣли уже, что основныя понятія его теоріи—естественное состояніе, законъ природы, государственный договоръ—

---

[1]) См. выше стр. 158.

служатъ у него для обозначенія не фактовъ исторіи, а психологическихъ моментовъ въ развитіи нравственнаго сознанія личности и всего человѣчества; поэтому первое изъ этихъ возраженій должно быть совершенно отвергнуто, какъ основанное на неправильномъ пониманіи его ученія. Второе же возраженіе, поскольку оно указываетъ на то, что историческая постановка вопросовъ замѣнена у Гоббеса психологической постановкой, съ формальной стороны можетъ быть принято. Но вѣрно-ли оно по существу?

Вопросъ о происхожденіи права возникъ въ наукѣ вмѣстѣ съ исторической школой. Совершенно вѣрно замѣчаетъ по этому поводу Н. Коркуновъ, что до нея заботились не столько о томъ, чтобы разъяснить, какъ происходитъ право, сколько о томъ, чтобы развить раціональныя основы права [1]). Но ни сама историческая школа, ни тѣ отдѣльныя направленія, которыя изъ нея вышли, не дали разрѣшенія этого вопроса. У Гуго мы встрѣчаемъ только указаніе на самобытное развитіе права: право образуется само собою т. е. независимо отъ соглашеній и повелѣній. Савиньи нѣсколько подробнѣе развилъ эту мысль. Ссылаясь на Гуго и Мезера, онъ подтвердилъ, что право образуется не по волѣ законодателя, а благодаря внутренней, присущей ему силѣ, что оно коренится въ общемъ народномъ убѣжденіи, въ сознаніи необходимости его. Позднѣе, въ «Системѣ римскаго права» мысль объ органическомъ ростѣ права онъ подкрѣпилъ еще тѣмъ соображеніемъ, что вездѣ, гдѣ возникаетъ вопросъ о какомъ-нибудь юридическомъ отношеніи, норма, необходимая для него, уже

---

[1]) Лекціи по общей теоріи права, изд. 2-ое, стр. 95.

оказывается на лицо [1]); вмѣстѣ съ этимъ онъ сознался, что открыть моментъ возникновенія права эмпирическимъ путемъ нѣтъ возможности, а слѣдовательно нѣтъ и возможности построить теорію происхожденія права. Теорія Пухты только развила ученіе Савиньи о народномъ убѣжденіи и народномъ единствѣ, какъ основахъ правосознанія. Она рисуетъ довольно подробную картину образованія обычая, какъ первичной и основной формы права. Но всѣ выставленныя имъ подробности совершенно ни на чемъ не основаны, теорія его совершенно бездоказательна, потому-что онъ не приводитъ ни одного факта въ ея подтвержденіе [2]). Да и кромѣ того, онъ говоритъ, въ сущности, такъ же, какъ Гуго и Савиньи, только о развитіи, а не объ образованіи права: какъ образуется общее правовое убѣжденіе, онъ не объясняетъ. То же самое нужно сказать о Безелерѣ и др. Между тѣмъ вопросъ поставленъ именно объ образованіи, или происхожденіи права, а не объ его развитіи. Эту проблему не разрѣшила историческая школа; но спрашивается: можно-ли вообще разрѣшить ее съ такой точки зрѣнія?

Еще у Гуго мы находимъ замѣчаніе, что право развивается не только параллельно съ языкомъ, но и подобно языку. Съ тѣхъ поръ это сопоставленіе неоднократно повторялось въ юридической литературѣ, а Н. Коркуновъ указываетъ даже

---

[1]) System des heutigen romischen Rechts, 1840, т I, стр. 14. Ср. тамъ же: Indem wir also eine unsichtbare Entstehung des positiven Rechts annehmen, mussen wir schon deshalb auf jeden urkundlichen Beweis derselben verzichten.

[2]) Ср. С. Муромцевъ: Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи, М. 1886, стр. 9: «По логическому построенію ученіе Пухты вполнѣ апріорно. За исходную точку онъ принялъ положеніе, служившее девизомъ его школы, придалъ ему своеобразный характеръ и вывелъ оттуда частности своего ученія, не справляясь, насколько онѣ согласуются съ дѣйствительностью».

на опредѣленную теорію образованія языка, — на теорію Штейнталя, по аналогіи съ которой можно, по его мнѣнію построить вполнѣ удовлетворительную теорію образованія права. Но всѣ подобныя сопоставленія не выдерживаютъ критики. Языкъ есть рядъ звуковъ — явленіе матеріальное, а право есть мысль — явленіе духовное; слѣдовательно, утверждать à priori аналогію въ процессѣ ихъ образованія можно только съ точки зрѣнія тѣхъ метафизическихъ теорій, которыя признаютъ полную параллельность явленій духовнаго и матеріальнаго міра. Съ точки же зрѣнія эмпирической, предположеніе, что между этими двумя явленіями есть аналогія и именно въ процессѣ ихъ образованія, ни на чемъ ровно не основано. Антиномія: moins de mots que d'idées — plus de mots que d'idées [1]) должна быть разрѣшена, несомнѣнно, въ томъ смыслѣ, что идей больше, чѣмъ словъ, а потому вполнѣ возможно предположить существованіе такого историческаго момента, когда въ языкѣ не было ничего соотвѣтствующаго идеѣ права. Идеи гораздо старше, чѣмъ слова. Но еще важнѣе то, что вопросъ объ образованіи языка не разрѣшенъ ни одной лингвистической теоріей, въ томъ числѣ и теоріей Штейнталя. Всѣ онѣ не только покоятся на чрезвычайно шаткихъ основаніяхъ, но и заключаютъ въ себѣ множество неустранимыхъ противорѣчій. Большинство авторитетныхъ ученыхъ высказывается теперь уже въ томъ смыслѣ, что проблема происхожденія языка неразрѣшима на исторической почвѣ [2]). Отсюда видно, что пытаться свести вопросъ о происхожденіи

---

[1]) V. Henry. Antinomies linguistiques. Paris, 1896 pag 50—59.

[2]) Henry, op cit., pag. 25: «L'origine du langage est un problème, non seulement inabordable à la science du langage, mais dont tous les documents qu'elle étale ou accumulera dans l'avenir ne sauraient jamais lui faire entrevoir même la plus lointaine solution». Max Müller, Die

права къ вопросу о происхожденіи языка или объяснять первое по аналогіи со вторымъ значитъ объяснять одно неизвѣстное другимъ неизвѣстнымъ, на мѣсто искомаго x подставлять y, значеніе котораго еще нужно опредѣлить.

Можетъ быть, скажутъ, что то или другое рѣшеніе вопроса о происхожденіи права есть лишь гипотеза, которая, какъ таковая, совсѣмъ и не требуетъ строгихъ доказательствъ. Но тогда должна быть, по крайней мѣрѣ, доказана необходимость такой гипотезы. Между тѣмъ для изслѣдованія существующаго права совершенно безразлично, какимъ образомъ оно возникло, потому-что вообще существо вещи можетъ быть понято независимо отъ способа ея происхожденія. Это говорилъ еще Спиноза. Сознаніе объ этомъ, сознаніе безполезности такого рода гипотезы уже проникло въ лингвистику, и тамъ уже замѣтно стремленіе отыскать иныя точки зрѣнія для вопроса о происхожденіи языка и понять его, какъ проблему анатоміи и физіологіи, но не исторіи [1]). Несомнѣнно, что это — единственно правильное пониманіе дѣла. А такъ какъ право, въ противоположность языку, есть явленіе психическаго порядка, то и вопросъ о его происхожденіи долженъ быть разсматриваемъ и разрѣшаемъ съ психологической точки

Wissenschaft der Sprache, 1892, Bd. I, S 454: «Es ist vollkommen klar, dass wir kein Mittel besitzen, um das Problem des Ursprungs der Sprache *auf historischem Wege* zu losen oder es wie eine Thatsache, die sich an einem gewissen Orte oder zu einer gewissen Zeit zugetragen hat, zu erklären». См. также М. Мюллеръ. Наука о мысли, русск. пер. 1892 г. стр. 154 — 155 и отдѣльныя замѣчанія у Hovelacque, La linguistique, 1888, и у Delbruck'a, Einleitung in das Sprachstudium, 1893.

[1]) Henry, op. cit. pag. 45: L'origine du langage en tant que faculté de la parole articulée est un chapitre d' anatomie comparée. L'origine du langage en tant qu'exercice rudimentaire de ladite faculté est un chapitre de physiologie pure.

зрѣнія [1]). Всякая историческая постановка его неминуемо приведетъ къ ложнымъ результатамъ, ибо нѣтъ возможности подмѣтить моментъ, когда возникаетъ психическое явленіе, пока оно не выразилось въ какомъ-нибудь доступномъ внѣшнимъ чувствамъ символѣ. Слѣдовательно, нѣтъ возможности открыть мѣсто и время первоначальнаго образованія права.

Положеніе это можетъ быть прекрасно иллюстрировано разсмотрѣніемъ спеціальныхъ работъ по вопросу о происхожденіи отдѣльныхъ юридическихъ институтовъ: семьи, собственности и государства. Вездѣ говорится только объ ихъ примитивныхъ формахъ, а не объ ихъ происхожденіи [2]). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Между фактическимъ сожительствомъ лицъ разнаго пола и семьей, какъ совокупностью опредѣленныхъ юридическихъ отношеній, нѣтъ никакого видимаго различія; такого различія нѣтъ и между фактическимъ обладаніемъ вещи и правомъ собственности. Различіе только въ состояніи сознанія самихъ субъектовъ и окружающаго ихъ общества,—въ сознаніи, что семья и собственность, въ противоположность соотвѣтствующимъ имъ фактическимъ состояніямъ, налагаютъ на однихъ обязанности, а другимъ даютъ права. А открыть моментъ и порядокъ возникновенія такого состоянія сознанія, какъ историческаго событія, нѣтъ никакой возможности. Тѣмъ-же недостаткомъ отличаются и

---

[1]) Въ курсахъ психологіи Вундта и др. уже разсматривается происхожденіе права и нравственности; но насколько правильно тамъ рѣшается этотъ вопросъ, и насколько авторы остаются при этомъ вѣрными психологической точкѣ зрѣнія,—объ этомъ не мѣсто говорить.

[2]) См. Post. Die Geschlechtsgenossenschaft der Urzeit und die Entstehung der Ehe 1875; его-же Anfange des Staats und Rechtslebens, 1878 и др.; ф. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, частной собственности и государства, 1895; Tarde. Les transformations du droit; Липпертъ. Исторія семьи; Мэнъ. Древнее право, и мн. др.

нѣкоторыя теоріи образованія государства; въ другихъ встрѣчается еще новый недостатокъ: онѣ не разъясняютъ, имѣютъ-ли онѣ въ виду образованіе только перваго государства или всѣхъ государствъ, извѣстныхъ въ исторіи, и въ большинствѣ случаевъ молчаливо предполагаютъ, что ихъ теорія имѣетъ всеобщее значеніе т. е., что всѣ государства образовались одинаково [1]).

Все это должно укрѣпить насъ въ мысли, что психологическая постановка вопроса о происхожденіи права есть единственная научная постановка, а слѣдовательно, Гоббесу, съ этой стороны, нельзя сдѣлать никакого упрека.

12.

Разсмотрѣвъ ученіе Гоббеса по содержанію и въ его методологическихъ основахъ, мы должны придти къ выводу, что оно имѣетъ не малое значеніе для современной науки. Значеніе это двоякое: во-первыхъ, вопросы, въ немъ затронутые, совпадая во многихъ пунктахъ съ вопросами и проблемами современнаго правовѣдѣнія, въ другихъ пунктахъ представляютъ изъ себя любопытныя и чрезвычайно цѣнныя отступленія; во-вторыхъ, рѣшенія этихъ вопросовъ по своей глубинѣ и остроумію почти всегда могутъ быть поставлены рядомъ съ рѣшеніями, которыя даетъ позднѣйшая наука, а нѣкоторыя изъ нихъ способны даже внести поправки и дополненія въ господствующія теоріи.

---

[1]) См. напр. теоріи Гумиловича (въ Rechtsstaat und Socialismus), Н. М Коркунова (Русское государственное право, т. I) и др. Едвали не единственное исключеніе представляетъ, въ этомъ отношеніи, теорія Чичерина (Курсъ государственной науки, т I, стр. 98—104)

Этимъ самымъ опредѣляется значеніе Гоббеса и въ исторіи философіи права. Но оно опредѣляется еще и другими моментами, не только тѣми частями его ученія, которыя могутъ имѣть пребывающее значеніе. И тѣ его теоріи должны быть ему поставлены въ заслугу, которыя не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія современныхъ намъ понятій, если только эти теоріи оказываются шагомъ впередъ по сравненію съ предшествующими системами, или если онѣ подготовили почву для новыхъ, болѣе правильныхъ воззрѣній.

Главная задача этого изслѣдованія состояла въ томъ, чтобы выяснить цѣнность ученія Гоббеса о правѣ для современной науки, потому-что значенія его въ исторіи философіи никто никогда не отрицалъ. Но все-таки не лишнимъ будетъ, для полноты уже сдѣланной оцѣнки его ученія, коснуться здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ и этого вопроса, насколько онъ имѣетъ отношеніе къ темѣ этого изслѣдованія.

Мы видѣли, что нѣкоторые изъ ученыхъ, писавшихъ о Гоббесѣ, сравнивали его при этомъ съ Г. Гроціемъ. Такой пріемъ нельзя не признать вполнѣ правильнымъ. Гроція до сихъ поръ считаютъ основателемъ новой философіи права; Гоббесъ былъ самый крупный писатель изъ всѣхъ, непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ; естественно возникаетъ вопросъ: продолжилъ-ли, развилъ-ли онъ его ученіе, или онъ пошелъ назадъ по сравненію съ нимъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ возбуждать серьезныхъ сомнѣній. То, что обыкновенно ставятъ въ заслугу Гроцію, на что указываютъ, какъ на черту, отдѣляющую Гроція отъ всей средневѣковой философіи,—то самое мы находимъ и у Гоббеса. Оба они одинаково, занимаясь изслѣдованіемъ этическихъ законовъ,

стремятся вывести ихъ изъ природы отдѣльнаго человѣка, а не предполагаютъ ихъ уже данными вмѣстѣ съ какимъ-нибудь высшимъ порядкомъ, подчиняющимъ себѣ человѣка и не зависящимъ отъ него. Оба они изслѣдуютъ нравственные вопросы «при наименьшемъ количествѣ богословскихъ и метафизическихъ предположеній». Но между ними есть существенное различіе. Между тѣмъ, какъ Гроцій довольствуется однимъ указаніемъ на природу человѣка, какъ на источникъ принциповъ права, и называетъ ее, поэтому, общежительной, Гоббесъ задается цѣлью выяснить болѣе точно, въ чемъ заключается существо этой общежительности. И онъ находитъ, что далеко не всѣ свойства человѣка могутъ быть подведены подъ это понятіе. что въ человѣкѣ есть такія стремленія, которыя не только не приближаютъ его къ мирному общественному порядку, но, напротивъ, служатъ постоянной причиной враждебныхъ отношеній. Съ этихъ поръ ссылка на природу, какъ на основаніе нравственности, не имѣетъ уже научной цѣнности: нужно указать, какая именно сторона человѣческой природы считается такимъ основаніемъ, а такъ какъ въ природѣ человѣка есть стороны, которыя мѣшаютъ проявленію нравственности, то нужно еще разъяснить процессъ ея развитія. Психологическое изслѣдованіе этого процесса, которое предпринялъ Гоббесъ, и составляетъ то, что можно назвать развитіемъ системы Гуго Гроція. Развитіе это коснулось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и другого, не менѣе важнаго пункта. Такъ какъ историческая задача Гроція состояла въ отдѣленіи философіи права отъ тѣхъ теологическихъ воззрѣній, на которыхъ она покоилась въ средніе вѣка, то задача эта должна была считаться выполненной, какъ скоро Гроцій нашелъ такое право, которое вытекаетъ изъ самой природы

и которое должно было бы существовать, «еслибъ даже Бога не было» [1]). Для Гоббеса уже не существовало этой противоположности,—по крайней мѣрѣ, она не казалась уже такой рѣзкой; а такъ какъ дѣло шло не вообще о природѣ человѣка, а объ отдѣльныхъ его силахъ и свойствахъ, то стало вполнѣ возможнымъ снова указать на необходимую связь между нравственностью и религіозными идеями, но уже принимая ее, не какъ данное, а какъ извѣстную ступень психическаго развитія.

Гоббеса не рѣдко упрекали въ томъ, что онъ основывалъ нравственность на пользѣ. Это вѣрно только отчасти. Въ той степени, въ какой Гроція можно назвать утилитаристомъ, такъ какъ онъ основалъ право отчасти и на присущей человѣку способности отдѣлять полезное отъ вреднаго (quae delectant aut nocent), — можно и Гоббеса причислить къ школѣ утилитаризма. Но и онъ, такъ-же, какъ Гроцій, и даже яснѣе его указываетъ только на то, что основное душевное стремленіе, изъ котораго потомъ выростаетъ вся совокупность нравственныхъ и правовыхъ законовъ, совпадаетъ съ тѣмъ, что дѣйствительно полезно для человѣка; но онъ нигдѣ не говоритъ, что нравственно только то, что полезно,—для него, напротивъ, характернымъ является обратное—разграниченіе и противоположеніе этихъ понятій [2]). Такъ что и съ этой стороны онъ пошелъ нѣсколько дальше Гроція.

Расходясь съ Гроціемъ въ пониманіи «общежительной природы» человѣка, Гоббесъ необходимо долженъ былъ придти къ

---

[1]) Proleg. 11: etiamsi daremus, non esse Deum, aut non curari ab eo negotia humana.

[2]) См. напр De cive III, 4.

ученію объ естественномъ состояніи, какъ о состояніи логически и психологически противоположномъ государственному порядку. Въ этомъ отношеніи вполнѣ вѣрно замѣчаніе Шталя: если даже это ученіе и неправильно само по себѣ, оно представляется, однако, необходимымъ съ принятой точки зрѣнія и составляетъ основаніе всей теоріи. Во всякомъ случаѣ, то опредѣленіе естественнаго состоянія, которое даетъ Гоббесъ, гораздо логичнѣе и болѣе понятно съ психологической стороны, чѣмъ тѣ позднѣйшія опредѣленія, которыя отрицали «войну всѣхъ противъ всѣхъ» и самое естественное право понимали, какъ право, дѣйствующее въ естественномъ состояніи. Если и до государства господствовалъ мирный порядокъ, какъ это утверждаютъ Кумберлэндъ, Пуфендорфъ и др., то оказывается совершенно непонятнымъ, почему люди должны были выйти изъ естественнаго состоянія и образовать государство. Ибо только мирный порядокъ и болѣе прочныя гарантіи исполненія закона характеризуютъ, въ этомъ отношеніи, государство.

Только одну поправку нужно было внести въ теорію Гоббеса: нужно было продолжить дальше его психологическій анализъ естественнаго состоянія. И эту поправку внесъ Локкъ. Онъ различаетъ въ самомъ естественномъ состояніи двѣ стадіи: собственно естественное состояніе и состояніе войны, непосредственно предшествующее образованію государства, и понимаетъ первую стадію, какъ состояніе мира. Психологически, это гораздо вѣрнѣе и послѣдовательнѣе, потому-что даетъ возможность яснѣе различить способности человѣка, *какъ данныя*, какъ простое бытіе,—и развитіе этихъ способностей и возникающую отсюда борьбу.

Съ этой стороны представляются цѣнными и нѣкоторыя

изъ замѣчаній Монтескье. У Гоббеса есть небольшое противорѣчіе: съ одной стороны, онъ признаетъ всѣхъ людей равными, а съ другой—говоритъ, что признанія равенства требуетъ законъ природы; законъ, конечно, не можетъ требовать того, что уже существуетъ само собой. И если требованіе это вытекаетъ логически изъ основного закона, то нужно заключить, что люди по своимъ естественнымъ способностямъ неравны. Это и говоритъ Монтескье. По его мнѣнію — существуетъ всеобщее равенство или не существуетъ, каждый въ естественномъ состояніи долженъ чувствовать себя слабѣйшимъ, потому-что тамъ надъ всѣми одинаково властвуетъ природа, одинаково всѣхъ себѣ подчиняетъ [1]); а до идеи равенства человѣкъ въ то время дойти еще не могъ. Это — тоже важная поправка.

Несмотря на необходимость этихъ поправокъ, основная идея, которая руководила Гоббесомъ при построеніи понятія естественнаго состоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей его теоріи, оказалась въ исторіи философіи чрезвычайно плодотворной. И если выразить ее въ общей и отвлеченной формѣ — моральный принципъ не можетъ быть выведенъ изъ природы,— то окажется, что Гоббесъ черезъ цѣлый рядъ моралистовъ и философовъ подаетъ руку Канту, который заявилъ, что нравственные императивы не поддаются дедукціи. Конечно, теорія Гоббеса не свободна отъ многихъ противорѣчій и крайностей, и самая главная изъ нихъ состоитъ въ томъ, что въ процессѣ развитія и осуществленія нравственности дѣятель-

---

[1]) Нужно замѣтить однако, что, внося поправку въ теорію Гоббеса, Монтескье и самъ не свободенъ отъ противорѣчія. Ср. lib. I, ch. 2: «Dans cet état, chacun se sent inférieur; à peine chacun se sent-il égal», и ch. 3: «Sitôt que les hommes sont en société..., l'égalité qui était entre eux cesse».

ность разсудка заслоняетъ у него всѣ остальныя силы и свойства человѣка. Въ этомъ отношеніи даже вся его теорія цѣликомъ можетъ представляться какой-то крупной односторонностью. Но во всякомъ случаѣ, это одна изъ тѣхъ односторонностей, которыя, по выраженію Іодля, играютъ въ исторіи философіи такую значительную роль и оказываютъ важныя услуги при анализѣ запутанныхъ явленій.

ФУ[illegible]ЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
Общественныхъ Наукъ
Академіи [illegible] СССР

Содержаніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Анализъ ученія Гоббеса.

1. Методологія 1
2. Состояніе чистои природы 17
3. Понятіе закона природы. 31
4. Законъ и право въ состояніи природы. . . . 56
5. Государственный законъ 64
6. Законъ и право въ государствѣ 96

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Критика ученія Гоббеса.

7. Литература XVII и XVIII вв. 107
8. Литература XIX в. 132
9. Критика естественнаго права 160
10. Оцѣнка ученія Гоббеса о правѣ 214
11. Его пріемы изслѣдованія и постановка вопросовъ . . 248
12. Историческое значеніе теоріи Гоббеса. 261

Главнѣйшія опечатки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣд читать:*
8	3 сн.	Rechts	Rechts-
12	13 сн.	мегодъ	методъ
13	5 сн.	demonstrnadi	demonstrandi
19	11 св.	благополчуной	благополучной
29	2 сн.	lè gli	leggi
34	13 св.	agendnm	agendum
37	6 св.	эаконъ	законъ
39	14 св.	простото	простого
75	6 сн.	J	I
—	4 сн.	cammonwealth	commonwealth
93	10 сн.	sed	sed in
108	6 сн.	nacessitate	necessitate
132	2 св.	ого	его
170	11 св.	что	чего
177	15 св.	удовольствовался	довольствовался
178	12 сн.	съ которымъ	къ которымъ
186	7 св.	позитивнаго›	позитивнаго
209	7 сн.	получиль	получилъ
221	4 сн	нормальныя	формальныя
261	4 сн.	Гумиловича	Гумпловича.